

C h o r n a R a d a by
Pantelejmon A. Kulish
A Study in Bilingual Creativity

A thesis
Submitted to
The Faculty of Graduate Studies and Research
The University of Manitoba

In Partial Fulfilment
of the requirements for the Degree
Master of Arts

by
Tamara Kubrak
September, 1976'

"CHORNA RADA"

by

PANTELEMON A. KULISH

A STUDY IN BILINGUAL CREATIVITY

by

Tamara Kubrak

A dissertation submitted to the Faculty of Graduate Studies of
the University of Manitoba in partial fulfillment of the requirements
of the degree of

MASTER OF ARTS

© 1976

Permission has been granted to the LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF MANITOBA to lend or sell copies of this dissertation, to the NATIONAL LIBRARY OF CANADA to microfilm this dissertation and to lend or sell copies of the film, and UNIVERSITY MICROFILMS to publish an abstract of this dissertation.

The author reserves other publication rights, and neither the dissertation nor extensive extracts from it may be printed or otherwise reproduced without the author's written permission.

Abstract

Kulish's Chorna Rada (The Black Council):

A Study in Bilingual Creativity

by

Tamara Kubrak

The work of this thesis is based on the study of two versions of the historical and social novel, named Chorna Rada, A chronicle of 1663, by P. Kulish, printed in the same year of 1857. Kulish himself calls the Russian version a translation from Ukrainian version, making the task of decision what is the original and what is the translation easy.

The purpose of this thesis is to study the methods and ways of a "free translation", as Kulish calls it, to produce a lexical analysis and to attempt to account for all the differences needed to achieve his goal, e.g. to write two novels under the same title, telling the same story in two different languages, making them adaptable to each language and to the ways of thinking for each nation.

The transformational-generative method will be applied to the findings fitted into the formula of Bilingual Creativity presented by J.B. Rudnyc'kyj.

In conclusion it can be said, that Chorna Rada in the Ukrainian language is a compact, precise novel of the happenings of 17th century in the Ukraine. Confronting the depiction of the same events in the Russian text, we find a colorful diffusion expressed in a larger edition, with more metaphors, pictures of nature, discription of historical events

and places.

Kulish, always ready to improve his writing, could not possibly present the same novel twice without trying to improve it, and to show his world to the Russian reader in a more meaningful way. Although there are critics, who find the Ukrainian edition superior to the Russian edition, Kulish's intentions are clear, he was trying to perfect the original and in my view - succeeded.

Preface

The aim of this thesis is to investigate specifically an example of bilingual creativity and to augment the study of different styles of writings by Kulish, which have not been studied enough by far and therefore surround this brilliant and controversial man with silence.

Even though Kulish's works included compilation of songs and folklore, dramas, poems, novels, linguistic thesises, historical works and extensive translations, it seems that few Slavists on this continent have investigated many of his literary contributions. Perhaps his highly controversial religious, political and literary views have led many critics and scholars to maintain a cautious silence.

The research will be done in the Russian language and a summary of the findings will be rendered in the Appendices in English. The findings of the differences between the Ukrainian and Russian editions, necessary to present each work typical to the respective language and culture, will be presented in the formula of Bilingual Creativity in order to prove it to be a Creative Translation.

Difficulties of this work consisted mainly in getting the rare edition of Chorna Rada in the Ukrainian language, printed in St. Petersburg in 1857 and recently presented materials on deep and surface level structures by H. Birnbaum and W. Haas.

The writer wishes to acknowledge with deep gratitude the inspiration and encouragement given by Dr. J.B. Rudnyc'kyj and for guidance and supervision given by Dr. H.D. Wiebe.

Abstract	I
Preface	III

Содержание

Глава

1. Вступление	1
Перевод как двуязычное творчество	4
Краткий обзор жизни и творчества Кулиша	8
Кулиш-переводчик	13
а/ неславянской литературы	14
б/ славянской литературы	19
в/ Чорной Рады	20
2. Сравнение украинского и русского текстов	30
а/ замененные слова	32
б/ пропущенные и добавленные слова и фразы	37
в/ пропущенные и добавленные предложения	49
г/ пропущенные и добавленные отрывки	65
д/ перефразированные отрывки	78
е/ различия в представлении персонажей	136
ж/ различия в стихотворной форме	143
з/ употребление церковно-славянского языка	148
и/ украинизмы в русском тексте	150
к/ идентификация автора с образами	164
л/ противоположное изображение	167
3. Заключение	168
Библиография	178
English summary	181

Вступление

Разнообразная и многогранная культурно-литературная деятельность П.О. Кулиша продолжалась близко шестидесяти лет, т.е. от 30-х до конца 90-х годов. Пантелеймон Кулиш, большой эрудит Украины XIX-го столетия, оставил немалое наследие в прозе и поэзии, в исторических и научных работах, в критических статьях и переводах.

Немало уже было написано о Кулише и его работе, но разбор его произведений еще далеко не закончен. В Советском Союзе он считается буржуазным писателем, опасным для разработки, а на западе ощущается недостаток источников.

В деятельности Кулиша было много противоречивого, но оно никак не может скрыть всего того, что он сделал, как в оригинальном художественном творчестве, так и в культурно-научных отношениях. Его деятельность вызвала разные мысли. Ей уделил свое внимание О. Огоновский в книге выданной в 1891 году, шесть лет до смерти Кулиша. В своей книге Исторія литературы русской¹ Огоновский останавливается на разнородностях литературных стилей Кулиша, находя его поэмы близкими лермонтовскому лиризму, например в "Русской хате", в переводах Мицкевича "Русалка", "Романтичность" или в "Чумацких дедях". Огоновский также замечает, что переводы Кулиша 'не всегда точны' и потому часто называются переспевами, как, на-

1. О. Огоновскій, Исторія литературы русской, Львов, 1887-1894

пример, в переводе Байроновского Чайльд Герольда. Это произошло из-за желания Кулиша передать читателю не только содержание, но и вложить в него украинский дух с проявлением собственного мировоззрения.

Одним из первых украинских писателей, собравших произведения Кулиша, был Ю. Романчук¹. В своем предисловии он называет Кулиша смелым и дерзновенным в своих попытках; честным и справедливым по отношению к своим предшественникам; и лишенным мести и подлости, несмотря на все противоречия окружавшие великого подвижника. Разбирая его биографию и произведения, Д. Дорошенко² показал писателя общественным работником, не уменьшая его заслуги как поэта, драматурга, критика, историка, публициста, этнографа и переводчика.

Короткие заметки о Кулише, поданные в Большой и Малой Советских энциклопедиях, мало располагают ученых и диссертантов проводить исследования над его работами в Советском Союзе. Несмотря на это уже дважды разбирал его И. Пильгук /в 1969 и 1970 году/, останавливаясь сперва на прозе, а потом на поэзии. Отношение советских литературоведов к Кулишу хорошо поясняет Г. Кочур в статье Мастерство перевода.

"С наследием этого действительно очень сложного и противоречивого писателя многие годы в украинском литературоведении принято было расправляться весьма просто и решительно: все, что он сделал, расценивалось отрицательно, при посредстве какой-нибудь хлесткой вульгарно-социологической этикетки."³

1. Ю. Романчук, Руська письменність, Львов, 1908
2. Д. Дорошенко, Пантелемон Куліш, Берлін 1917
3. Г. Кочур, Шекспир на Украине, Мастерство перевода 1966, ст. 38, Москва, 1968

И. Ткаченко дает Кулишу заслуженный почет в Критико-биографическом очерке:

"Немає в українській культурі такої галузи, до якої не приклав-би своєї невсипущої праці П.О. Куліш"¹

От этой многогранности происходят его заблуждения, так как "трагедія Куліша - трагедія романтичної культури"².

Вышеприведенные цитаты и работы о Кулише могут подтвердить большое значение многостороннего писателя Украины и важность дальнейших работ над его произведениями и стилями творчества.

Большой интерес вызывают многочисленные переводы и пересказы Кулиша, как с иностранной литературы, так и перевод собственного произведения на русский язык, что является главной задачей этой работы. Сравнение двух изданий Черной Рады будет начато с пояснения понятия "двуязычное творчество" и краткими биографическими данными о Кулише, уделяя внимание его взгляду на собственный перевод, данный в статье "Объ отношении малоросійской словесности къ обще-русской".

Затем будет сделан короткий обзор роли Кулиша как переводчика неславянских и славянских произведений, в том числе и Черной Рады.

Разбор коснется всех разновидностей двух произведений, в которых встречаются различные приемы художественного творчества.

В заключении будет сделан краткий перевод содержания на английский язык.

-
1. І. Ткаченко, Критико-біографічний нарис, Харків, 1927
 2. В. Петров, П. Куліш у п'ядесяті роки, Київ, 1929

Перевод как двуязычное творчество.

Выражение "двуязычное творчество" /Bilingual Creativity/, тесно связано с понятием перевода вообще и такого, который существует в произведении П. Кулиша Черная Рада на русском языке.

Употребляя выражение - перевод, нужно сказать, что в литературе известны, как свободные, так и дословные переводы. Эти два выражения доминируют в литературной критике, хотя известно, что А. Држевицка в своей работе употребляет выражение "воспроизведение или реконструкция" вместо "свободного перевода" и "согласованного с текстом или буквального" вместо "дословного перевода".¹

Перевод, как таковой, обычно выражается словом или словами, достаточно поясняющими данное слово или понятие. Однако известно, что перевод не всегда может быть точным, в особенности если он свободный. Поэтому свободный перевод часто является, так называемым, творческим или художественным.

"Двуязычное творчество" - выражение относительно недавнего происхождения и потому не может быть цитированным с пояснением, ни из словаря, ни из какой-либо энциклопедии. Несмотря на свое короткое существование, теоретический разбор, касающийся этого выражения, связанного с переводами литературных произведений, был проведен в литературной критике уже многими учеными, как например В.В. Кофиловым, Е. Балчерзаном,

1. A. Drzewicka, Z zagadnien techniki tłumaczenia poezji, Krakow, 1971.

Яр. Рудницким, А. Држевицкой и другими.

Первый, кто употребил выражение "вольный перевод", что равносильно выражению "свободный перевод", был сам Кулиш. Он говорит об этом в своей статье "Объ отношеніи малороссійской словесности къ обще-русской", которая была написана эпилогом к русскому переводу Черної Ради с украинского языка. Там он тоже поясняет метод, употребленный автором для достижения своей цели.

"Черная Рада" написана мною сперва на южно-русскомъ или малороссийскомъ языкѣ. Здесь напечатанъ вольный переводъ этого сочиненія. Въ переводѣ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, а въ подлинникѣ осталось многое, не вошедшее въ переводъ."1

Выражение "двуязычное творчество" было употреблено впервые Е. Балцерзаном в 1968 году², но дискуссия, ведущая к этому термину, т.е. разнице между творческим и нетворческим переводом, была проведена несколько раз с тех пор, как ее впервые начал Е. Кухарский в 1922 году³.

Несмотря на известное количество работ, посвященных теоретическим сторонам анализа переводов, сравнительно мало было сделано в анализе свободных или творческих переводов. Еще меньше было сделано в применении трансформативно-генеративного метода к литературным исследованиям в общем и теории переводов в частности.

В работе, презентированной на 12 интернациональном кон-

-
1. П. Кулиш, Черная Рада, Эпилог ст. 231, Москва, 1857
 2. E. Balcerzan, Stuka tłumaczenia i styl (The art of translation and style). Warsaw, 1934
 3. E. Kucharski, Literary Memoirs, Vol. XX, 1923

грессе лингвистов¹, Др. Яр. Рудницкий дал свой взгляд на трансформативно-генеративный метод и вывел формулу художественного перевода, применимую, как в случае "свободного", так и "дословного" перевода. Вот эта формула:

$$B1.Cr. = A \times \frac{S1}{D1} \rangle A, x, \frac{S1_1}{D1_1}$$

Составные части формулы следует читать по ниже приведенному образцу:

- B1C1 - bilingual creativity / двуязычное творчество/
- Ax - original (x) in the respective language (A) / оригинал, представленный на данном языке/
- S1 - surface level structure / структура поверхностного уровня/
- D1 - deep level structure / структура глубинного уровня/
- \rangle - rendered into another language / представлено на другом языке/
- A, x₁ - 'translated' work (x₁) into another language (A₁) / 'переведенное' произведение на другой язык/
- S1₁ - surface level structure - nuance I / структура поверхностного уровня - нюанс 1/
- D1₁ - deep level structure - nuance I / структура глубинного уровня - нюанс 1/

Метафоры, крылатые слова и другие литературные приемы, как известно, очень трудно перевести на другой язык. Так, например, уже в начале Черной Радн, читаем на ст. 1 русского текста и на ст. 3 украинского издания отрывок, в котором

I. J. B. Rudnyc'kyj, Literary work and the Problem of Bilingual Creativity, XII-th International FILIM Congress. Cambridge, 1972, England

выражение "тяжко грошовитий" переведено "богатого казака", в то время как дословный перевод "тяжело денежный" не давал бы ни пояснения, ни точности, ни понятия первоначального выражения.

Безусловно, наилучший художественный перевод определяется талантом писателя, его осведомленностью материалом и умением владеть языком, как в подлиннике, так и в переводе. Сравнительно недавняя работа В. Каптилова, Лінгвістичні питання теорії та історії перекладу¹, дает более глубокое понятие о переводах, как процессах, развивающихся во время их творения. По средствам постоянного улучшения приемов, а также по средствам более верного подбора стилей в языке достигается то мастерство, которое показал П. Кулиш в Черной Раде. Он доказал не только свои знания исторического материала, умения орудовать в одинаковой мере, как украинским, так и русским языком, но сумел вложить дух и соответствующее настроение понятное и уместное каждому произведению.

Анализируя Черную Раду, как пример двуязычного творчества, внимание будет сосредоточено на замененные, добавленные или пропущенные слова, фразы, отрывки и т.д., употребленные Кулишем для достижения своей цели, а именно, для сообщения настроения соответствующего каждому языку.

1. В.В. Каптилов, Лінгвістичні питання теорії та історії перекладу, Київ, 1963, ст. 69

Краткий обзор жизни и творчества Кулиша

Чтобы лучше понять действия Кулиша и оценить чувства, побудившие его написать Черную Радугу на двух языках, необходимо остановиться на некоторых этапах его жизни, которые обусловили его бесспорно своеобразную индивидуальность в его произведениях.

Ранние годы жизни Кулиша освещены достаточно ярко в биографических работах И. Ткаченко, Д. Дорошенко и др. и о них повторять излишне. Все же не лишне упомянуть о том, что его писательская деятельность начинается с ранней юности и он печатается уже с 1840 года. С этих пор Кулиш, не покладая пера продолжает научно-литературную деятельность до конца своих дней. Его авторский путь не был ни гладким, ни ровным. Легко подчиняясь побуждениям своего вспыльчивого характера, он часто заблуждался. Но причиной для его тяжелой жизненной дороги был не всегда он сам. Строгая цензура при царском правительстве и преследования 'третьего отделения' не обошли и Кулиша. Он был арестован, сослан и лишен права писать около семи лет, но неутомимая жажда деятельности не покидала его все время. Об этом свидетельствуют нижеприведенные псевдонимы, которыми пользовался автор, подписывая свои произведения: Козакъ Белебень, Т. Вешнякъ, Гургурдядько, Петро Забоцень, Иродчукъ, Панько Казюка, П.К. Ломусъ, Николай М., Н. Необачный, Панько Небреха, Опанасъ Праць, Павло Ратай, Ратай, Денисъ Федоренко, Хуторянынь, Д.П. Хоречко, Даныло Юсь.¹

1. Дубове листе . Альманахъ на згадку про П.О. Кулиша.

Будучи одаренным талантом скорого изучения языков, Кулиш знал английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, все славянские языки, так же как латинский и древнееврейский. Эти знания помогали ему читать литературу в оригинале и изучать историю, которой он интересовался со школьной скамьи. Стремление к правильному изображению исторических событий ведет к возникновению романа Чорна Рада. Хроника 1663 года .

Кулиш гораздо больше писал по-русски, чем по-украински, преимущественно на украинские темы. Хотя, как считает Дорошенко, русские уступали произведениям, написанным на украинском языке с художественной точки зрения.¹ Литературные издания на русском языке затрагивают больные места в жизни Украины: стычки украинского населения с представителями русской цивилизации; высмеивание выходцев из простого сельского сословия, стыдящихся своего происхождения, или поощрение тех, которые, достигнув образования, не порывали со своим прошлым.

Одной из выдающихся идей Кулиша с молодых лет была его идея восстановить украинский язык на уровень других европейских языков. Лишение украинского народа своего государства привело литературный язык к упадку, официально он был деградирован до диалекта и считался мужицким. В опровержение этим взглядам Кулиш переводит Байрона Чайльд Гарольд и произведения других западных писателей на украинский язык, доказывая гибкость и эластичность языка и возможность выразить на нем тончайшие

1. Д. Дорошенко, Пантелеймон Кулиш, ст. 123

мысли в изысканной форме.

Подтверждая свои взгляды, в письме к Плетневу, он писал: "жизнь нации не останавливается с упадком ее страны если только эта нация удержит свою национальную устремленность, выражающуюся в родном литературном языке".¹

В середине и во второй половине XIX столетия вопрос правописания в украинском языке усложнился тем, что каждый писатель употреблял свои правила. Крайняя надобность в приспособлении письма к передаче особенностей живого украинского языка ощущалась все сильнее и сильнее. Эту надобность чувствовал Кулиш уже при издании первых глав Черной Рады в 1845 году и даже раньше. Для установления литературных форм и стандартов Кулиш выдал Энциклопедию и Граматику. Они были основаны на народном языке того времени. Правописание, произношение и акцентуация были приняты, выданы в 1857 году и остались известны под названием "кулишивки"² и до настоящего времени. Отрывки из Святого Писания и шекспировских произведений входили в грамматические упражнения. Грамматика устранила много неясностей уже потому, что она была выдана отдельной книгой и представляла из себя кодекс правил для выражения живой украинской речи. Кулиш использовал все наилучшее испробованное О. Павловским, Г. Квиткой-Основяненко, А. Метлинским и другими.³ Он ввел порядок в употребляемые предшественниками

1. Д. Дорошенко, Пантелеймон Куліш, ст. 125

2. Історія української мови, П.П. Пліш, ст. 355

3. Історична граматика української мови, Київ, 1962, ст. 65

и современниками правила, придерживался их в своих многочисленных произведениях и популяризировал их в народе.

Собранное Кулишом правописание употреблялось в практике петербургским издательством "Основа", а также в изданиях "народников" в Галиции в 60-х - 80-х годах XIX столетия. Оно пользовалось в свое время наибольшей популярностью. В общих чертах правописание характеризовалось склонностью к надмерной фонетизации. Украинский звук и, как и в грамматике Павловского передавался буквой і, а звук ы - буквой и. Для передачи звонкого звука г употреблялась латинская буква g; буквой е обозначалось йотованное о и мягкость согласного звука перед о /ёго, слёзоу/. В противоположность фонетической тенденции у Кулиша сберегся ь /твердый знак/ после твердых согласных на конце слова. Так же все дву- и многосложные слова имели акцент, причем наиболее акцентированное слово в предложении обозначалось акцентом справа налево. Например: "Тепёръ чор'зна якъ ста́ло на Укра́ні́ !"

Кулиш не только просветитель, поэт и писатель, но и проницательный критик; он умел несколькими словами уловить основные черты творчества автора и дать ему точную характеристику. Вот одна из его характеристик Гребінки из его предисловия к "Приказкам".

"Гребінка, пишучи 'Приказки', малює нам тут же наші села, поля й степи свіжими, да й не позиченими фарбами. Коли сміється він, то прислухайтесь - тут же криві сміх почувате якийсь сум; коли ж справді сумує,

то слово його процвітає квітками широї поезії української. Широкі його 'Приказки', як наші степи, жартовливі вони, да якось і сумовиті, як наші селяни; шуткуючи, сі 'Приказки' займають душу зглибока".¹

Говоря о Кулише-критике, нельзя выпустить из виду его как биографа и критика Гоголя. Несомненно Кулиш ценил Гоголя, хотя часто не соглашался с его взглядами. Уже в студенческих годах Кулиш восхищался его рассказами из украинской жизни, а после смерти Гоголя он сразу же откликнулся по поводу этого трагического случая биографической статьей. Через два года Кулиш опять выдал работу о Гоголе с включением до сорока его писем, а затем работал на протяжении 30 лет, изучая биографию и творчество Гоголя.

Кулиш умер после 77 летней жизни в 1897 году, пройдя сложный путь перемен в своем мировоззрении. По словам Чижевского:

"Від романтизму він еволюціонував до позитивізму, від релігійного світогляду - до культу миротворницької-науки."²

Несмотря на то, что большинство известных поэтов и писателей чувствовали раздвоение души, одиночество и были непонятыми в своей среде, мало кто был так отрезан и одинок, как Кулиш; но и мало кто порицал и защищал свой народ, как он.

Черную Радугу Кулиш перевел на русский язык исключительно для того, чтобы дать возможность большому числу славянских читателей узнать об историческом прошлом Украины.

1. Е. Гребінка, Малороссийскіе приказки, Санктпетербургъ, 1834,

ст. 3

2. Д. Чижевский, Нариси з історії філософії на Україні, Прага, ст. 119

Кулиш-переводчик

Интерес Кулиша к переводам европейских классиков на украинский язык возник уже в пятидесятых годах, одновременно с идеей обогатить свой родной язык и сделать его применимым к выражению изысканнейших мыслей, чувств и побуждений. Главная часть над переводами работ принадлежит последним годам его жизни. Кулиш стоит во главе писателей XIX-го столетия, которые достигли значительной техники в переводах, что засвидетельствовано его многочисленными и мастерскими переводами и переспевами из славянской и неславянской литературы. Он новатор переводной литературы в украинском языке. Если подойти к его переводам с современными требованиями, многое в них не удовлетворит нынешнего читателя. Стихотворные переводы сделаны не строка в строку, а часто много увеличены, там где у Шекспира в оригинале может быть тридцать строк, у Кулиша выражено в тридцать пять строк. Торжественность и архаизмы делают перевод тяжелым для чтения.

Кулиш, пионер в области языка и выработки стихотворных форм в украинской литературе, не мог писать иначе при конце XIX столетия. Принимая во внимание это обстоятельство, достижения переводчика представляются весьма значительными, а работа может быть приравнена к подвигу. К его переводам должен обращаться современный литератор-переводчик, черпая стилистический опыт для своих переводов.

а/ Кулиш-переводчик неславянской литературы

Наибольшее количество переводов Кулиш сделал из английских произведений Шекспира. Он посвятил им много лет своей жизни. Иван Франко высоко ценил его и так отзывался о Кулише-переводчике в предисловии к переводу трагедии "Гамлет":

"Куліш - першорядна зірка в нашому письменстві, великий знавець нашої народної мови, а при тім добрий знавець язиків та літератур європейських народів. Він узявся перекладати Шекспіра не для проби, а певний свого панування над рідною мовою. Вимоги докладності і вірності оригіналові він розумів далеко не так, як Д. Старицький, і дав нам переклад, з яким можемо без сорому показатися в концерті європейських перекладачів великого британця. Держачися оригіналу далеко докладніше, ніж його попередники, Куліш уміє при тім надати своєму перекладові свій індивідуальний колорит, щось таке, що дозволяє відразу пізнавати в нім працю Куліша, а не жадного іншого українського поета. Є якийсь своє рідний тихий пафос, якийсь розмірений широкий подих у власних творах і в перекладах свого автора, щось мов широкі, могутні рухи великого корабля на великій ріці".¹

Хотя наибольшее количество переводов сделаны Кулишом из английского языка, важное место в его деятельности, как переводчика, занимает перевод Святого Письма. Сначала он хотел его переводить стихами, т.к. находил его поэтическим произведением староеврейской словесности.

В 1868 году появились на страницах львовской "Правды" две Мусієві пісні, потом перевод нескольких псалмов и книга Йова, псевдонимно подписанные именем Павла Ратая.

1. Иван Франко, Літературно-критичні статті, Київ, 1955, т. 18, ст. 321.

В 1869 году вышла тоже во Львове отдельной книгой Йов с предисловием Коли написано книгу Йова. /Вибірка з останнього працювання науки колосієї речі/. В 1871 году там же появилась книга Псалтир або книга хвали Божої. Это были первые переводы Куліша из Святого Писания, исключительно для которого он выучил древнееврейский язык и перечитал немало староеврейской литературы.

Эти стихотворные переводы отличаются высоким поэтическим стилем. Они были выпущены Кулишом на пробу, но в дальнейшем он думал, что для церковного употребления нужен более точный перевод в прозе и потому в 1870 году он выдал Святе Письмо, перша частина Біблії, п'ять книг Мусієвих, в прозе, а так же перевел Святые Благовествования четырех евангелистов, сделанные совместно с д-ром Ив. Пуллем в Вене 1870 года. Позже Куліш опять возвращается к стихотворной форме перевода Библии, издавши в 1893 году в Коломеи Товитові словеса, апокрифическую книгу Старого Завета.

Кроме всего этого Кулиш сделал стихотворный перевод Пісні пісень из Библии под названием Хуторянка або співана хвала молоді перед вісільними гостями, антична народня диво-вижа. В такой форме напечатал Куліш свое произведение в Буковинском альманахе "Руська Хата", изданном в 1877 году Данилом Млакою в Чернивцах.

По окончании этой работы Куліш начал перевод целой Библии и уже летом 1872 года он закончил перевод Библии, Старого и Нового Завета и приготовил к печати.

По каким-то соображениям он эту книгу в печать не отдал, а вспыхнувший пожар на хуторе ее уничтожил. Но Кулиш не унывал, а принялся опять за перевод, выписывал себе наилучшие экземпляры с комментариями на разных языках, продолжая неутомимо работать до конца своих дней. Закончить Библию ему не удалось, было переведено только три четверти ее. Остальную часть закончил Иван Нечуй-Левицкий и издал в Вене в 1903 году.

Второе, по ^освоему значению, место в творчестве Кулиша имеют переводы европейских классиков. Его наибольшей заслугой в этом отношении являются переводы из Шекспира. Кулиш взялся за них как мастер украинского слова. Поэтому его переводы вышли образцовыми, передавая текст гениального англичанина не только с точностью, но и со всеми нюансами формы. Как говорит Франко в предисловии к шекспировским переводам: "всякий, кто отныне у нас захочет взяться за перевод Шекспира, будет иметь перед собой тропинку протоптанную Кулишом, массу оборотов, выкованных им, массу слов и фигур, введенных в нашу литературную сокровищницу".¹

В 1882 году Кулиш издал первый том шекспировских произведений, куда вошли Отелло, Троїл та Крессида и Комедія помилок. Он имел в виду издать сейчас же и второй том, куда должны были войти Король Лір, Коріолан и Приборкана гоструха. Но эта книга не появилась в свет при его жизни, а была напечатана

1. Г. Кочур, Шекспир на Украине. Мастерство перевода. Москва 1968, ст. 38.

уже после его смерти наряду с другими драмами Шекспира под редакцией И. Франко в 1899 - 1902 году во Львове. Кроме названных пьес, известны в переводе Кулиша Гамлет, Антоній і Клеопатра, Юлій Цезар, Ромео та Джульєта, Міра за міру, Богацько галасу з нечевля. Всего было издано тринадцать драм. К десяти из них И. Франко дал свою вступительную статью с разбором произведений. Исследователи говорят еще о двух пьесах - о Венецьким купці и Пимбеліні. Кулиш сам упоминает их в одном своем перечне переведенных или переводимых пьес. Принято считать, что эти переводы утеряны. В самом ли деле утеряны рукописи, погибли ли они во время пожара 1886 года, или, может быть, Кулиш не успел сделать переводы этих пьес - трудно сказать.¹

Байроновский Дон Жуан в переводе появился в ежемесячнике "Правда" в 1891 году. Тогда же была переведена целая поэма Чайльд-Гарольдова мандрівка, но отдельной книгой она была издана уже после смерти Кулиша в 1905 году во Львове. По поводу перевода Чайльд-Гарольдової мандрівки и других переводов, О. Огоновский высказывался как о переспевах. Переспев отвечал желанию Кулиша выявить свой взгляд и делал возможным дать своему переводу украинский оттенок. В таком же духе была переведена поэма Шильонський в'язень, несколько лирических пьес и множество стихотворений.

1. Г. Кочур, Шекспир на Украине, из книги Мастерство перевода, Москва, 1968, ст. 36.

Кроме Байрона переводил Кулиш еще великих немецких поэтов, таких как Шиллер, Гёте и Гейне. Из Шиллера переведена его известная баллада Граф Габсбург, Идеали, Кунштарі, Пісня про дзвін, Покора и Грецькі боги. Из Гёте - Коринтська молода, Римські елєгії, стихотворения Співець, Міньон, Вільшаний цар, Пряха и др.. Из Гейне несколько десятков поэзии из его Книги песен. По сведениям данным Д. Дорошенко, переведенная Кулишом драма Шиллера Вильгельм Телл еще не напечатана. Это утверждение можно принять за правдоподобное и в наши дни, т.к. проведенные розыски не увенчались успехом, а соответствующие соображения подтверждают утверждение Дорошенко.

б/ Кулиш-переводчик славянской литературы

Переводы Кулиша из славянской литературы можно назвать переспевами скорее, чем какие-либо иные переводы. Они ни в какой мере не могут быть названы точными. Иногда Кулиш употреблял обширное украинское пояснение, а в другом случае он сжимал две строчки оригинала в одну. Переводы, сделанные из русских писателей, были просто суукраинизированы и стали жемчужинами украинской поэзии: такие как Степ о півдні, На греблі, Гадання-віщування и др.

В начале шестидесятых годов он перевел с польского баллады А. Мицкевича Русалка, Химери и Поворот тата. Они были напечатаны в сборнике Досвітки вместе с переводами, сделанными из произведений русских писателей: И. Никитина - Степ опівдні и др., А. Кольцова - Чумаки-ночліжане, Степова могила и др., А. Фета - Степ, Вечір у стену и др., А. Толстого - Україна, Д. Минаева - Гадання-віщування и др., А. Пушкина - Дон и др.

Переводы и переспевы Кулиша были изданы отдельным сборником Позичена Кобза. Впервые это собрание опубликовано в 1897 году в Женеве уже после смерти П. Кулиша, но подготовлено к печати оно было им собственноручно в ноябре 1896 года. Идея издать переводы отдельной книгой появилась уже в 1892 году в результате длительной и кропотливой работы над ними.

Своими переводами Кулиш внес в сокровищницу украинского слова дорогой вклад, именем которой могут похвалиться в своей литературе не многие народы.

в/ Кулиш-переводчик Чорно́ Радн

Цель, побудившая Кулиша написать Чорну Раду на двух языках, была неутомимая ревность к науке, к воспитанию и просвещению не только на своей родине, но и окружающих Украину народов, которые посредством вольного перевода могли узнать много до того времени недоступного для них.

По своей молодости и романтичности души Кулиш неоднократно попадал под влияние одного или другого писателя или поэта. Уже со школьной скамьи Кулиш увлекался М. Максимовичем. От него перенял Кулиш увлечение историей Англии и Шотландии. Впоследствии он увлекался Н.В. Гоголем, А.С. Пушкиным и другими. Естественная заинтересованность литературой и историей приводили писателя к глубоким размышлениям над своими произведениями и над произведениями других писателей; в частности над историческими художественными произведениями. Писателями принято быть в своих романах исторически не вполне точными. Этим правом пользовался Н.В. Гоголь как писатель. Кулиш, будучи идеалистом не терпящим неточностей, не соглашался с гогольской интерпретацией исторических фактов. Уже в 1843 году, перечитывая Гоголя, внимание Кулиша останавливается неоднократно на произведении Тарас Бульба. Чем больше он размышлял над этим произведением тем более убеждался в том, что Гоголь слишком много отделился от действительности и тем более он желал сотворить такое произведение, которое было бы занимательно читать и отвечало бы историческому прошлому. С мыслью написать такое произведение Кулиш носился уже давно, что видно из одного из его первых романов Михайло Чарнишенко или Малорос-

сія 80 лѣтъ назадъ, в котором некоторые герои очень напоминают героев Черної Ради. Так, например, Щервин напоминает Кирило Тура, Радивой - Богдана Черного, а сам Михайло Чарнишенко - Петра Шрама.

Так родился исторический роман Чорна Рада, хроніка 1663 року. Врожденное чувство любви и преданности Украине и ее народу заставили написать хронику не только присущим этому народу языком, но и присущим ему духом. В своем эпилоге к русскому изданию, Кулиш высказывается об избрании языка для подленника следующим образом:

" Я долго изучалъ его въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, незнающими никакого другого языка, и раскрывшійся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ Малороссіанинъ, именно - написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ".¹

Сюжет Чорної Ради Кулиш взял из времен после правления Хмельницкого, когда Украина распалась на Правобережную с гетманом Павлом Тетерей, стоящего за воссоединение Украины с Польшей, и Левобережную, где из-за гетманской булавы спорили полковник Яким Самко, полковник Василь Золотаренко и запорожец Иван Бруховецкий. Тогда уже была видна разница в казачестве, городское казачество не удовлетворялось старшинством, а нерегулярные воины и казаки-хлеборобы прозывались "черню". Эти

1. П.А. Кулиш, Черная Рада, Эпилог-Объ отношеніи малороссіискій словесности къ обще-русской, ст. 252, Москва, 1857

неудовольствия поддерживались и возбуждались запорожскими казаками. В это беспокойное время Бруховецкий пришел с Запорожцами в Нежин, обещая недовольным казакам и черни равноправие, посмеяние старшие в случае своей победы и обогащение казаков грабежами. В то же время он клялся в верности Москве, рассчитывая на ее поддержку. Он добивался сбора народного совета известного под названием "Черной Рады", где голос могли иметь не только казаки, но и все мещанство. Представитель московского правительства боярин Гагин, стоявший с войском в Украине, допустил сбор "Черной Рады" 17 июня 1663 года под Нежином. Бруховецкий выиграл при помощи лживых обещаний и Москвы. После его победы Золотаренко добровольно перешел на сторону Бруховецкого, но ему этот жест не помог: он был арестован вместе с Сомко и их приверженцами. Жестокая расправа с проигравшими положила начало беспорядочному правлению Бруховецкого.

Это тяжелое время в истории Украины описал Кулиш в своей хронике. Как известно, написанное на украинском языке произведение сейчас же было переведено на русский язык или писалось на двух языках одновременно, т.к. начатое в начале 1840-х годов произведение на украинском языке, вышло уже в 1845 году на русском языке в журнале "Современник", издаваемом П. Плетневым, пятью главами. Обе книги были готовы к печати уже в 1847 году, но не были изданы до 1857 года. Украинское издание Чорна Рада, хроніка 1663 року было издано в Санктпетербурге, а русское издание печаталось сперва в журнале Русская Беседа и вышло отдельной книгой в Москве, к которой был прибавлен

эпilog Объ отношеніи малороссійской словесности къ обще-русской.

Что заставило Кулиша вообще перевести Чорну Раду на русский язык? Ответ на этот вопрос надо искать и можно найти в эпиглоге к русскому изданію, упомянутомъ выше.

Какъ известно, царская цензура, при которой долженъ былъ творить Кулишъ, была чрезвычайно строгая. Самъ онъ былъ уже преследованъ властью за участие в Кирило-Мефодіевскомъ братствѣ, около семи летъ былъ лишенъ права писать и печататься. Арестъ, ссылка и ихъ послѣдствія совпадаютъ со временемъ между написаніемъ Чорно! Ради и выходомъ ее в печати.

Ниже приведенные доводы основаны на цитатахъ эпиглога, поэтому ~~кроме указанія страницъ, излишне~~ делать добавочные поясненія.

Эпиглогъ в русскомъ текстѣ объясняетъ не только причины побудившіе Кулиша перевести Чорну Раду с украинскаго языка на русский языкъ, но и его извиненія за то, что онъ вообще посмелъ написать произведеніе на украинскомъ языкѣ:

... "считаю не лишнимъ объяснить, почему русскій писатель нашего времени, для изображенія малороссійскихъ преданій, нравовъ и обычаевъ, обратился къ языку, неизвѣстному въ Сѣверной Россіи и мало распространенному въ читающей южной-русской публикѣ. /Ст. 231/

Слѣдующіе слова безусловно направлены в настороженныя уши цензуры, в которыхъ онъ говоритъ, что писалъ Чорну Раду на украинскомъ или малороссійскомъ языкѣ не "подъ вліяніемъ узкаго мѣстнаго патріотизма", и что имъ не "управляетъ желаніе образовать отдѣльную словесность, въ ущербъ словесности общерусской." /Ст. 232/

Дальше он приводит ряд "причинъ заставивших" его "избрать языкъ южно-русска́й для художественнаго воссозданія лѣтописныхъ нашихъ преданій". /Ст. 232/ Один из первых доводов Кулиша для написания исторического произведения на украинском языке был связан с сентиментальным чувством прошлого, т.к. уже

"у Гоголя послышалось русскому уху что-то родное и какъ бы позабытое отъ времянь дѣтства; что вновь открылся на землѣ русской источникъ слова, изъ котораго наши сѣверные писатели давно уже перестали черпать... /Ст. 233/

Другой довод был связан с любовью и чувством преданности своему народу, и с христианским изречением из эпилога "принести пользу ближнему". /Ст. 250/ Когда Кулиш писал Чорну Раду сперва на украинском языке, он думал главным образом о пользе для своего народа, как о рубашке самой близкой к телу. Он писал

"на томъ священномъ языкѣ, посредствомъ котораго мать внушала ему правила честности и добродѣтели." /Ст. 250/

Эпилог Кулиша пестрит острыми и меткими замечаниями. Одно из них правильно подмечает недостаток в знаниях "Великоросси́ян":

"Не наша вина, если уроженцы сѣверныхъ губерній не включаютъ нашего языка въ число разнообразныхъ предметовъ своей любознательности." /Ст. 249/

Другое замечание очень тонко указывает на преимущества "Сѣверной или Великой Россіи" от присоединения к ней "Южной Руси" или "Малоросси́и". Он подчеркивает насколько поднялась умственная жизнь на Севере от прилива новых сил с юга и от деятельного участия Южной Руси в развитии северно-русской литературы:

... "не ничтожный народъ присоединился въ полови-
не ХУ11 вѣка къ московскому царству. Онъ боль-
шею частью состоялъ изъ характеровъ самостоя-
тельныхъ, гордыхъ сознаниемъ своего человѣческаго
достоинства; онъ въ своихъ правахъ и понятіяхъ,
хранилъ и хранить до сихъ поръ начала высшей
гражданственности; онъ придавъ Россіи множество
новыхъ, энергическихъ дѣятелей, которыхъ влия-
ніе не мало способствовало развитію государст-
венной силы Русскаго народа; он, наконецъ,
пришелъ.... съ языкомъ, богатымъ собственно ему
принадлежащими достоинствами, которые въ буду-
щемъ, своенравномъ образованіи литературы должны
усовершенствовать органъ русскаго чувства и
русской мысли, - этотъ великій органъ, по сте-
пени развитія котораго ценятся исторіею народы."
/Ст. 253/

Несмотря на суровую цензуру и недоразумения с властями,
Кулиш не очень осторожен в выражении своих мыслей, что видно
уже из выше приведенной цитаты. Тогда как неуместные советы
царского правительства он выражает следующим образом:

... "намъ очень добродушно совѣтуютъ оставить разра-
ботку малороссійскаго языка посредствомъ худо-
жественныхъ созданій; но это совѣтуютъ люди,
неимѣющіе понятія о томъ, какое влияніе имѣеть
высоко развитая сила и красота родного слова
на нравственное благосостояніе целаго племени."
/Ст. 249/

Останавливаясь на фантазии писателя и языке, которым он
ее изображает, Кулиш метко замечает насколько теряет каждое
произведение, написанное не в соответствии мысленія с выраже-
ніем. Что было допустимо для одного писателя - Н. Гоголя,
осталось невозможным для другого - Квитки-Основьяненко. Расска-
зы, написанные не в соответствии мысленія к избранному языку,
становились скучными;

... "тотъ самый писатель, который смѣшилъ и застав-
лялъ плакать своихъ земляковъ малороссійскими
рассказами, сдѣлался для нихъ такъ же скученъ,
какъ и для Великороссіянъ". /Ст. 244/

Дальше автор поясняет, ссылаясь на музыку, что мысли, выработанные не у самого писателя, составляют чужую собственность и не производят на читателя нужное впечатление.

"Какъ въ пѣснѣ музыка, такъ въ книгѣ языкъ есть существенная часть изящнаго произведенiя, безъ которой поэтъ не вполне действуетъ на душу читателя." /Ст. 245/

К сказанному уже выше о зарождении мысли у писателя, Кулиш говорит, что она становится частью души и особенностью ее:

"Дѣло тутъ не въ одной разности языковъ; дѣло въ особенностяхъ внутренней природы, которыя на каждомъ шагу оказываются въ способъ выраженiя мыслей, чувствъ, движенiй души, и которыя на языкъ, не природномъ автору, выразиться не могутъ." /Ст. 251/

В следующих доводах Кулиш знакомит читателя с ранними событиями в истории и указывает на ступени развития культуры в глубокой старине. Неоспоримый факт, что культура у Славян, развившаяся сперва на Киевщине, затем во Владимире на Клязьме, а потом в Москве, ставит южно-русское слово во главе письменности; но все-таки он решает перевести свой роман на русский язык. Объяснение этого явления можно получить из следующей цитаты:

"Я долженъ былъ отказаться отъ удовольствiя быть читаемымъ тѣми изъ писателей великорусскихъ, которыхъ судомъ я дорожу, и которыхъ дружба возбуждала во мнѣ живѣйшее желанiе доставить имъ чтенiе серьезное и удовлетворительное. Я долженъ былъ ограничиться небольшимъ кругомъ читателей, ибо немногiе изъ земляковъ моихъ въ настоящее время способны оцѣнить мои труды по предмету разработки южно-русскаго языка и возведенiя его въ достоинство историческаго повѣствованiя. А долженъ выдержать порицанiя людей, которые своимъ авторитетомъ имѣють влiянiе на умы неопытные и неутвердившиися." /Ст. 252/

Что же касается самой техники перевода Черной Рады, что

является основным интересом разбора, Кулиш опять-таки высказывается в своей статье словами коротко цитированными раньше:

"Въ переводъ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, а въ подлинникѣ осталось многое, не вошедшее въ переводъ. Это произошло, какъ отъ различія духа обоихъ словесностей, такъ и отъ того, что, сочиняя подлинникъ, я стоялъ на иной точкѣ зрѣнія, а въ переводѣ я смотрѣлъ на предметъ, какъ человекъ известной литературной среды. Тамъ я по возможности подчинялся тону и вкусу нашихъ народныхъ распосовъ и расказиковъ; здѣсь я оставался писателемъ установившагося литературнаго вкуса. Думаю, что отъ этого подлинникъ и переводъ, изображая одно и то же, представляютъ, по тону и духу, два различныхъ произведения."
/Ст. 231/

Переведя Чорну Раду, автор не чувствовал, что работа им проведена удовлетворительно в замене украинских слов русскими. Это видно из следующей цитаты:

... "предпринявъ вѣрное изображеніе стариннаго козачества въ "Черной Радѣ", на пользу своимъ ближнимъ, напрасно усиливался замѣнить южно-русскую рѣчь языкомъ литературнымъ, общепринятымъ въ Россіи. Перечитывая написанныя главы, я чувствовалъ, что читатели не получаютъ изъ моей книги вѣрнаго понятія о томъ, какъ отразилось бывшее въ моей душѣ, а потому не воспримутъ вполне и моихъ историческихъ и христіанскихъ убѣжденій."
/Ст. 251/

Известно, что есть два выпуска Чорної Ради /1857, 1890/ на украинском языке и один выпуск на русском языке /1857/, изданных при жизни Кулиша. Предварительно изданные пять глав в Современнике в 1845 году, многим отличаются от первого полного издания, напечатанного в 1857 году в Москве.¹

Есть основания предполагать, что каждое из них имеет поправки самого автора.

1. В. Петров, Кулиш у п'ядесяті роки. Київ, 1929, ст. 381

Убедиться в разнице между ними можно только посредством тщательного сравнения всех изданий, что не является задачей этой тезы. Сравнения произведутся исключительно над первым полным выпуском украинского и русского издания 1857 года.

Выше приведены доводы и соображения Кулиша по поводу написания Чорної Ради на украинском языке и причины заставившие или побудившие перевести ее на русский язык. Так же по его собственным словам, им был "напечатанъ вольный переводъ" /Ст. 231/ украинского произведения на русский язык. В чем же выразился этот вольный перевод? При подробном разборе двух произведений можно убедиться, "особенности внутренней природы" украинского народа были достигнуты сжатостью выражений в разговоре и описаниях, "своею красотою и нежностью, и мрачною энергиею". /Ст. 241/ Русское издание назвать переводом можно лишь с трудом, т.к. едва найдутся три предложения подряд, которые действительно могут быть названы переводом. Русское издание гораздо больше украинского: первая глава русского издания имеет 727 слов больше чем украинское, вторая глава - 440 слов больше, а третья глава начинается вставленной картиной из истории, занимающей три с половиною страницы, и так далее.

Сравнивая эти два издания можно скоро убедиться в том, что русское издание является не только расширенной переработкой оригинала, но и может быть сравнено с искусством вышивки цветного узора по канве, из-за введенных обширных исторических пояснений, добавочных метафор, сравнений, живописных картин природы и обогащения образов действующих лиц.

Это может быть объяснено, как характером писателя, так и желанием достигнуть своей цели. Сам он совершенствователь и хороший критик, готовый поправить себя и других, не мог писать два раза одно и то же, не стараясь поправить себя, где это ему казалось нужным. А также Кулиш дал русским более обширную книгу, т.к. хотел показать свое родное в лучшем свете и должен был приспособить свой образ выражений к более утонченному вкусу русского читателя, уже избалованного французской литературой.

Сравнение украинского и русского текстов

Тщательное исследование произведения Чорна Рада на украинском и русском языках привело к утверждению, что разница между ними очень большая. Если принимать во внимание пропуски слов, предложений и целых отрывков в переведенном произведении, или добавления слов, предложений и отрывков, то можно установить определенные "поверхностные" уровни структуры, приобретаемые в зависимости от пропусков или добавлений.

Говорить о "поверхностной" и "глубинной" структуре можно не только в переводах. М. Сафир и С. Ваймберг применяют эти термины к восприятию русской видовой корреляции,¹ Д.С. Ворт применяет их к славянской морфологии², а Яр. Рудницкий в фонетике и фонологических аспектах³. В переводной литературе эти структуры так же явны, как в корреляции, морфологии и фонетике. Так как идея при переводе остается общей и неизменной, литературные приемы и способы их применения использованы своеобразно в каждом произведении. Различия в методах и приемах, употребленных для достижения правильного освещения общей идеи, приводят к разным уровням "поверхностной" структуры. При всем различии употребления методов и приемов в двух произведениях, они кажутся на первый взгляд переводом и потому "глубинный" уровень обоих произведений остается без изменений.

-
1. М. Сафир и С. Ваймберг. Язык и литература. Russian Language Journal, Moscow, Vol. XXVIII, 1974, p. I
 2. Deam S. Worth, "Surface Structure" and "Deep Structure in Slavic Morphology", American Contribution to the VI International Congress of Slavists. Prague, 1968, Vol. I, p. I
 3. J. B. Rudnyč'kij, Phonetic and Phonological Aspects of 'Deep Structures'. Proceedings of the VII International Congress of Phonetic Sciences. Mouton, 1972.

Кроме пропусков и добавлений отмечаются еще другие отклонения, как замена одних слов другими, отрывки иначе написанные или перефразированные, различное представление героев, противоположное описание и др. Все эти отклонения отмечены в содержании пунктами от 'а' до 'к' и разбираются соответственно указанному порядку.

а/ Замененные слова

К первому виду разнородностей двух произведений можно отнести отдельные слова, выраженные иначе. Исследуя ниже приведенные разновидности выражений, нельзя представить себе схемы, которой мог бы придерживаться Кулиш. Нельзя утверждать, что он употреблял какое-либо имя, например Кирило Тур, титул - князь или гетман, или определение - ясновельможный, исключительно в одном издании. Нет, они встречаются в обоих изданиях, но имя Бруховецкого Иванец придает украинскому изданию пренебрежительный оттенок, тогда как в русском издании оно одно из украинизированных выражений, которых в русском издании масса и которые употребляются преимущественно в разговорах. Имя Иванец встречается чаще в украинском издании, чем в русском, а название Запорожец чаще встречается в русском издании, которое в этом случае заменяется именем Кирила Тура в украинском тексте. Так же можно заметить разницу в употреблении старого названия Украина в украинском тексте, замененное словом Украина в русском тексте. В тех же случаях, где в украинском тексте употребляется слово Украина, оно может быть заменено в русском тексте названием Малороссия.

Уместно заметить, что тут показаны только разновидности двух произведений, а случаи, в которых слова выражены одинаково, здесь не упомянуты. Эта работа сосредоточена главным образом на двуязычном творчестве Кулиша, как вольном или художественном переводе, выраженном в разновидностях этих изданий и потому здесь идет разговор о ступенях "поверхност-

ной" структуры, выраженных в различном применении художественных приемов.

Первый художественный прием - замена одних слов другими при 'переводе' Чорної Ради с украинского языка на русский представляет собой один из тех "поверхностных" уровней структуры, которые придают оригиналу и переводу типичный оттенок, делая каждое издание более родным для данного языка, хотя это преобразование наименее очевидное. Ниже приведенные слова только заменены в данном месте. В конечной формуле они обозначаются знаком /S/.

Страница украинского перевода

3 п'ішь
" за поясомь
" старий козарюга
6 п'ішь
14 у попи
23 Божий Чоловікъ
" низове товариство
24 Божий Чоловіче
27 старому Хмельницькому
30 понурий Шрамъ
31 пан'отче
" кобзарь
37 молодимъ Шраменямъ
41 дідусю
46 воронячому гнізді
47 людина
55 козаче
57 дитину
66 вельможний пане
70 Безумні глави !
81 Вкраїні
92 лицарь
94 на Степахъ
106 А Иванецъ? а Васюта?
107 пане ясновельможний
111 по-Запорозьки
113 Кирило Турь
114 ватажко
115 Низовець
116 братіку

Страница русского перевода

1 священникъ
" въ кобурахъ
" воинъ
3 старикъ
9 въ священники
15 бандуристъ
" козаки
16 батько
18 батьку Богдану
20 нетерпѣливый Шрамъ
21 добродѣй
" бандуристъ
28 Шрамовымъ орленкомъ
31 бгать
34 въ заточеніи
" душа
40 Петрусь
41 Лесю
46 пане полковникъ
48 Неблагодарныя твари!
53 Малоросси
66 Запорожець
67 на Запорожьи
73 А Васюта? а Иванецъ?
74 пане гетмане
76 по обычаю
77 Запорожець
78 Запорожець
79 Запорожець
" козаче

121	Кирило Турь	80	Запорожець
122	пане гетьмане	81	ясновельможный пане
127	зъ України	84	изъ Кіева
129	комишнику!	85	хлопець Запорожець
134	Леся	88	гетманская невѣста
135	Петрусь	89	онь
137	пане гетьмане	90	пане ясновельможный
138	братчиків	"	Запорожье
139	ледаще	"	братъ
"	пан'отець	91	батько
"	Городахъ	"	Украинъ
140	Кирило Турь	"	Запорожець
"	по братчикахъ	"	по Запорожью
141	свою кралею	92	твою невѣсту
142	комишники	"	съчевые бурлаки
"	Сомко	"	гетманъ
143	Кирило Турь	93	Запорожець
144	Кирило Тура	"	Запорожца
150	Кирило Турь	97	Съчевикъ
154	горда пані!матка	99	пышная пани Череваниха
"	ясная крале	"	неприступная крале
155	Петро	100	козак мой
158	Кирило Турь	102	Запорожець
"	молоде Шраменя	"	сынъ старого Шрама
160	Запорозці!	103	Отмичары
"	бранку	"	отмицу
"	изъ Кирилом Туромъ	"	съ Запорожцемъ
161	Низовый розбишака	104	удалець
"	Запорожець	"	Кирило Турь
"	Иродова душа	"	подлый человекъ
"	Кирило Турь	"	Запорожець
162	Вражий Запорожець	105	Кирило Турь
164	кобзарь	106	Божій человекъ
168	изъ Запорожцем Туромъ	107	съ Кириломъ Туромъ
173	побратимъ	109	Кирило Турь
"	Петрусемъ	"	защитникомъ
176	старый батько	110	старый Шрамъ
"	за Вкраїну	"	за Украину
"	братчикомъ	111	товарищемъ
191	до Січовиківъ	118	къ Запорожцамъ
"	Вкраїні!	"	Украинъ
192	попа	"	священника
193	карамзини	"	пани
197	Україну	121	Малороссію
206	пан'отцеві	125	Шраму
206	Вкраїну	"	гетманщину
210	Настусю, серденько!	128	Княгиня!
211	на Вкраїні!	"	на Украинъ
213	слуги	130	охотники
215	Християнина	131	доброго человека
216	за Вкраїну	132	за Украину
220	Ляшка	134	вража Полька

220	княженецьки! замки	134	Волинські замки
"	Християнами	"	народомъ
222	добродію	136	пане отамане
"	Україні!	"	Україні
"	нашъ братъ	"	Съчевикъ
226	Січовий дідь	138	Запорожець
227	добродію	"	отамане
236	Кирило Туръ	142	Запорожець
243	мати	145	старушка
244	Низове пуганнє	"	дикій зовъ
250	Січовому дідові!	148	Запорожцу
252	сестра Кирилова	149	сестра Запорожца
265	за батька Хмельницького	153	при батьке Богдане
266	Гетьманщині!	153	Україні
267	Иванець	154	Бруховецькій
268	братчики	"	Запорожцы
284	козаче	162	братуку
285	на Україні!	"	на Україні
287	въ Городахъ	164	въ гетьманщині
"	зъ вашою Україною	"	съ вашою гетьманщиною
288	Січове	"	запорожское
297	кармазини	168	красные жупаны
302	отчизни	170	Украины
"	козацьку честь	"	честь отчизни
309	генерального писаря	174	Буякевича
323	Костомара	181	Горді
330	Иванець	185	Бруховецькій
338	князь	190	князь Гагинъ
340	Иванця	191	Бруховецького
343	на Україні!	193	въ Україні
345	Иванець	194	Бруховецькій
"	клятий	"	счастливый соперникъ
"	на Україну	"	въ Украину
346	Иванець	195	Бруховецький
347	Україна	"	отчизна
357	Низовці!	200	Запорожцы
362	зъ Запорозькихъ лапъ	203	изъ лапъ Иванця
364	Україна	204	гетьманщина
369	Бруховецький	205	новый гетьманъ
371	Иванець	206	Бруховецькій
371	братчики	207	Запорожцы
374	Україну	208	Украину
376	на Січі!	209	въ Запорожьи
377	у Городи	"	въ гетьманщину
"	на Україні!	"	въ гетьманщині
379	батьки	210	братцы
"	до Низу	211	изъ Нѣжина
"	Иванцеві!	"	Бруховецькому
380	Низове козацтво	"	Запорожцы
381	пане ясновельможний	212	пане гетьмане
382	Петро Сердюкъ	"	козакъ
383	Низовець	213	запорожець
"	Бруховецький	"	гетьманъ

401 Богъ
" по Лиману
" Кирило Туръ
404 побратима
417 яке Шраменя

221 Господь
" по Днѣпру
" Запорожець
223 Богданъ Черногоръ
228 какой-нибудь Петрусь

б/ Пропущенные и добавленные слова и фразы

Как указал Кулиш, в переводе есть места, которых нет в подленике и в подленике есть места не вошедшие в перевод. Под местами подразумеваются слова, фразы, предложения и отрывки.

Ниже приведены слова и фразы, сперва из украинского издания, не вошедшие в перевод, или другими словами, пропущенные в переводе, а затем слова и фразы, добавленные в переводе. Они содержат поясняющие слова, обращения, пояснения обычаев и невысказанных мыслей.

Слова и фразы не существующие в другом произведении, для ясности подчеркнуты.

В конечной формуле, не вошедшие в перевод места, обозначаются латинской буквой / m /, а добавленные места обозначаются буквой / a /.

В цитированных фразах встречаются слова, после которых стоит латинская буква / S /, обозначающая замену данного слова иным выражением.

Страницы украинского издания

- 24 "А що жь Сомко? хоть вінь и розумомь, и славою узявь надь усіма, да й ёму не дають гетьмановати."
- 49 "А чомь же не оддавь би, бгате? нехай нашимь ворогамь буде тяжко!"
- 65 "Де тобї тихо, пане полковнику, чи пан'оче!... я вже не знаю, якь теперь тебе й величати,..."
- 101 Да погадавши такь, винявь изь-за пазухи щирозлбтих обушбкь, що одбйвь колісь на войнї у Лядського пана, чи въ

недоляшка, да й повісивъ на ризі въ Богоматери.

- 111 И звелівъ одвітовати по-Запорозьки /S /: Козакъ зъ Лугу! бо Запорозці здоровкались, мовъ хіже птаство на степу.
- 112 "Скажи́ лүчче, сінку, були, да загули. Перевелись теперъ рицарі въ Січі:
- 115 "Добули вражі діти; вернулись изъ добримъ мериномъ.
- 117 "Ужé жь, пане ясновельможний, не оста́вь твоєю ласкою и мого побратима."
- 141 "Що́ ти дүмаешъ, сінку?"
- 176 Самко хотівъ положити въ такү колиску й Кирила Тура - не пожадовавъ своєї саєтової опанчи...
- 190 "Ма́буть, що дармо", дүмае собі Шрамъ, "ма́буть не така Божа воля,..."
- 222 "Теперъ чор'зна явъ ста́ло на Вкраїні!" /S / каже, усé такі за вікномъ, го́лосъ:
- 226 "Послу́хай, пане князю, ти мене, ста́рого Пугача", каже поважно Січовий дідь. /S /
- 353 "А ми до мѣста. Тамъ, ка́жуть, є пожива!"
- 363 "Що́ про те пита́ти, чогó не вернешъ?" ка́же Шрамъ. Проца́й! намъ нїколи."

Добавленные слова и фразы в русском издании являются более многочисленными и содержат поясняющие слова, восклицания, выражения чувств, прибаутки и пояснения обычаев.

Страницы русского издания

- 1 ...по одеждѣ и по длинной сѣдой бородѣ казался священникомъ / S /, а по саблѣ, бренчавшей под рясою, по пистолетамъ...воиномъ.
- 3 ...и поѣхали лѣсомъ, по извилистой дорогѣ, едва пробитой между пнями.
- 3 Это Василь Невольникъ, сказала старикъ / S /, не глядя на своего спутника.
- 3 ...это Паволочскій полковникъ Шрамъ !
- 3 ...отозвался угрюмо Шрамъ,
- 3 Охъ, не надѣялись мои старыя очи увидѣть еще разъ пана Шрама! а вотъ и увидѣли... Охъ, Боже правый, Боже правый!
- 3 Вслѣдъ за тѣмъ застучалъ засовъ и отворились ворота.
- 5 И, отворивъ калитку въ пасажу, повелъ Василь Невольникъ Шрама узкой тропинкой, подъ густыми вѣтвями деревь.
- 9 ... сложилъ съ себя "полковничій Урядъ", принялъ постриженіе въ священники / S /, и прильпился всею душою къ церкви.
- 16 Слушая такой неутѣшительный рассказъ, нашъ Шрамъ и голову повѣсилъ: стѣснили ему сердце эти новости.
- 18 Еще бы не знать чуръ Хмѣльницкого! отвѣчалъ за всѣхъ Шрамъ, который слушалъ слова Божьяго Человѣка съ нетерпѣніемъ, и, казалось пожиралъ слова его.
- 20 Ну, что же изъ этого? спросилъ нетерпѣливый / S / Шрамъ, между тѣмъ, какъ его губы дрожали отъ какой-то страшной мысли.
- 20 отозвался самъ къ себѣ Василь Невольникъ.

- 31 Ну, полно, бгаты, полно объ этомъ, сказала Черевань
стараясь удалить отъ Шрама предметъ его безпокойства:
- 34 ... изъ самой Паволочи, изъ какого далека, ѣдутъ молиться
Богу?
- 34 ... когда бь не такая страшная даль. Подъ Нѣжином...
шутка?
- 36 Потомъ Шрамъ взялъ за руку сына, а Черевань дочь, и
свели ихъ вмѣстѣ, въ полной увѣренности, что и та и дру-
гая сторона согласны съ ихъ желаніями.
- 38 Старый Шрамъ велѣлъ сыну сѣдлатъ коней, и едва онъ съ
этимъ управился, какъ и Василь Невольникъ явился на дворъ
съ рыдваномъ.
- 40 Э, паннченьку! сказала безпечно Череваниха, ...
- 40 Улыбнулась гордая мать, и, какъ бы желая нѣсколько утѣшить
козака, сказала съ шутливою короткостью:
- 46 Чѣмъ же тебя потчивать, пане полковникъ / S /, "ой чи ме-
домъ, ой чи пивомъ, ой чи гор!лкою?"
- 50 За то жь ему Богъ даль и такую золотую пани, говорили
некоторые, стараясь замазатъ прежня грубыя выходки противъ
карамазиновъ.
- 51 Какъ чего? прервалъ его Шрамъ, быстро повернувъ къ нему
суровое лицо:
- 51 Да врагъ ихъ возьми, бгать, съ ихъ черною радю! пускай
себѣ затѣвають.
- 64 И вскочивъ на коня поспѣшили удалиться, чтобъ избежать
греха.
- 66 добрые молодцы только шутять; они забавляются вашимъ

страхомъ; они никогда не тронуть дѣвушки.

66 и онъ велѣли прибавить шагу, чтобъ скорѣй догнать передовыхъ своихъ защитниковъ, мало надѣясь на помощ дряхлаго возницы.

71 Провожавшіе его монахи и паны держались въ почтительномъ отдаленіи.

71 Увидя его, Шрамъ затрепеталъ отъ радости, и сказалъ:

76 Это нашъ кривой пріятель, Кирило Туръ ! Почуялъ гетманскую свадьбу!

76 ...Этотъ народъ самый вѣроломный; городовому козаку надобно беречься их, какъ огня.

77 Онъ вошелъ въ свѣтлицу, не снимая шапки, подбоченился, и перекрививъ ротъ на одну сторону, смотрѣлъ насмѣшливо на Шрама.

78 Такъ чего жъ ты отъ меня хочешь, оса ты неотвязная? сказалъ Шрамъ, смягчившись этимъ знакомъ уваженія къ своимъ козацкимъ заслугамъ и къ священническому сану.

80 Шрама и Череваня посадилъ на покутъ, подъ образами; самъ сѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ, "конецъ стола", а женщинъ посадилъ по лѣвую отъ себя руку на ослонѣ, ибо тогда первыя мѣста были вездѣ предоставлены мужчинамъ.

81 Такъ вы хотите знать, какъ я отсталъ отъ своей громады? продолжалъ Кирило Туръ, осуша самый большой кубокъ, какой только нашелъ передъ собою.

83 Ни больше ни меньше, какъ только подхвачу къ сѣбѣ на сѣдло эту краю - хоть бы она была за сотнею замковъ - да и шукай вѣтра въ полі !

- 89 Онъ / S / тотчасъ послѣ обѣда, взявши ружье, отправился въ лѣсъ подѣ видомъ охоты, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ быть подальше отъ своей чаровницы.
- 92 Дякуемъ тебѣ, пане гетмане, отвѣчалъ низко поклонясь Запорожець / S /, и опорожнилъ въ отвѣтъ свой кубокъ.
- 93 За что это такая ласка? отвѣчалъ тотъ своимъ обычнымъ тономъ.
- 94 Козацкое солнце высоко поднялось надъ лѣсомъ, какъ бы для того, чтобъ поглядѣть на своихъ любимцевъ, безопасно покоящихся подѣ его сїяніемъ.
- 99 Развѣ у нея нѣтъ жениха, который долженъ охранять ея спокойствіе и честь?
- 99 Воображаю и тебя, неприступная / S / краля, когда эта шибай-голова замчитъ тебя между Черногорцевъ: тамъ женщины цѣлуютъ въ руку мужчинъ, а тѣ на нихъ даже взглянуть считаютъ милостью!
- 99 Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ они ее везутъ!" воскликнулъ мысленно Петро, примѣтя вдали всадниковъ, отъ которыхъ длинныя тѣни доставали по травѣ почти до куста, гдѣ онъ скрывался.
- 105 Я бѣ тебѣ скоро заткнулъ глотку, иродова душа, сказалъ раздосадованный Петро, - если бѣ не забылъ взять пистоле-товъ !
- 110 Смотри уже, пане гетмане, за своимъ Запорожцемъ, а у Петра есть отецъ: онъ объ немъ позаботится.
- 113 Не говори мнѣ этого! вскричала Леся. Лучше разомъ разойтись, якъ чорни хмары, и не встрѣчаться до віку!
- 119 Ну, ужъ пустите, братцы, нечего дѣлать!

- 126 Просимъ до господы, дорогіе гости. Дайте я всѣхъ васъ
перецѣлюю. - Вы, черти! хамы негодные! оборотился онъ къ
толпѣ своихъ охотниковъ. / 5 /
- 129 И тебѣ отогрѣвать такую змѣю, Божій Чоловѣче! сказалъ
Шрамъ.
- 131 Я вожусь съ Запорожцами? Кто тебѣ это сказалъ?
- 133 Какъ описать, что дѣлалось на ту пору въ душѣ бѣдной
княгини, нѣкогда богатой и сильной, какъ царица, а
теперь одинокой и беззащитной, какъ невольница?
- 135 Пугу! раздалось подъ окномъ громче прежняго, и в фор-
точкѣ мелькнули чьи-то бѣлые усн.
- 162 Кирило Туръ сжалъ зубы, чтобъ не стонать, когда грубые
эскулапы отдирали ее отъ тѣла.
- 179 А почему жь, бгать, намъ не породниться хоть бы и съ
гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра?
- 181 Дорогу, дорогу пану осаулу нѣжинскому! кричали съ под-
нятыми вверхъ нагайками козаки.
- 185 Пробравшись немного впередъ, Гвинтовка и его спутники
опять были остановлены.
- 191 Эй, братцы, закричалъ онъ, полно! нѣтъ здѣсь нашихъ!
Мы посреди враговъ!
- 204 Прощай, не поминай насъ лихою.
- 210 За пустяки! такъ это у тебя теперь пустяки!
- 215 Я тотъ, отвѣчалъ страннымъ какимъ-то голосомъ незнако-
мецъ, кого тебѣ нужно.
- 220 Нѣтъ же, когда хочешь знать! воскликнулъ съ несвойствен-
нымъ ему увлеченіемъ Кирило Туръ,

- 221 Посто́й, бра́ть, я догадываюсь, что ты замыслишь.
- 221 Эхъ, пане мой, пане! / 5 / сказа́ль Запорожець / 5 /
совсе́мь дру́гимь проти́вь пре́жняго тоно́мь.
- 222 Запорожець, весело усмѣхавші́йся, нахмурился и на мгнове́нїе призадумался.

Наряду с непереуведенными словами и фразами оригинала, отсутствующими в переводе, или введенными в русском издании и потому отсутствующими в оригинале, есть предложения, в переводе которых встречаются иные изменения, т.е. вставленные и пропущенные слова и фразы, в одном и том же предложении.

Страницы украинского издания

Страницы русского издания

6	"Хто тамъ грукае, <u>на́че</u>
<u>въ сво́ї ворота́?</u> " питае
Васи́ль Невольникъ скрі́зь
ві́конце.	3	Кто тамъ стучить? спраши-
валь громче пре́жняго Ва-
силь Невольникъ, <u>высунувши</u>
въ оконце <u>голову.</u>
7	"Орель, а не коза́къ! ка́же
зно́вь Васи́ль Невольникъ.
"Що́, якъ-би́ таки́хъ... Охъ
Бо́же пра́вий! дала́сь мені́
та прокля́та нево́ля до́бре
зна́ти, <u>не забу́ду е́ї до</u>
<u>ві́ку !"</u>	4	Орель, а не коза́къ! про-
должа́ль Васи́ль Невольникъ.
<u>-Ну, пан'отче, награди́ль</u>
<u>тебя́ Госпо́дь сынкомъ!</u>
Что, колы́ бы́ хоть... Охъ,
Бо́же пра́вий! <u>Бо́же пра́вий!</u>
дала́сь мнѣ́ та прокля́тая не-
во́ля до́бре зна́ть! <u>кандалы</u>
<u>потерли́ руки́ и но́ги, холо́д-</u>
<u>ное же́льзо попро́дало тѣло</u>
<u>до костей!</u>

- 13 Сидіть він з імовникомъ 9 Сидіть онъ зимовникомъ,
середь дикого степу на то есть жилъ хуторомъ,
Низу, взявши собі за
жінку бранку Туркєню;
среди дикихъ степей въ
Низовьяхъ Днѣпра;
- 22 "Якимъ же, брате, оцѣ 14 Какимъ случаемъ? по волѣ,
случаемъ?" питає заразъ или по неволѣ? спрашиваль
Черевань. Шрама Черевань.
- 23 "Не мині дякуй за се, 15 Не меня благодари, Василь,
Василю", каже Божий Чо- сказаль бандуристь / S /,
ловікъ / S /: "дякуй благодари того, кто не
Богові да ще тому, хто поскупилсѣ вынуть изъ га-
не поскупивсь викинуть мана сотню дукатовъ: онъ,
за тебе съ череса сотню а не я, вызволиль тебя
дукатівъ". изъ неволи!
- 29 А Шрамъ усѣ слухавъ 19 Но Шрамъ сказаль мрачно:
мѡвчки, да й каже понуро: -Что объ этомъ рассказы-
"Се все ми знаемо." вать? Все это мы давно
слышали.
- 54 "И ёсть, и нема; и нема́ 39 И есть и нѣтъ, и нѣтъ и
и ёсть", каже сміючись
Череваниха. есть, отвѣчала Черевани-
ха, не обращая вниманія
на волненіе, съ которымъ
говорилъ бѣдный искатель.
- 95 "Такòі, брате! Нехай не 68 Такой. Пускай не даромъ
дурно запрошувавъ ти зазываль ты меня къ своимъ
менѣ до своїхъ, воєвати воевать Турка. Коли хочешъ,
Турка. Коли хочь, ухопи-
схватимъ, какъ говорятъ

- мо дівойку, та й гайда
въ Чорну Гору!"
- 102 Изъ Великої церкві повер- 71 Изъ великой церкви направи-
нули наши прочане до нлись они кѣ пещерамъ, гдѣ
пещеръ; почивають моци Антонія, Фе-
досія, Нестора Лѣтописца и
другихъ великихъ подвижни-
ковъ южно-русскаго правос-
лавія.
- 121 Запоріжець / 5 / при- 80 Возлѣ Череваня заняли мѣста
мости́всь на задньому спутники гетмана, козацкіе
конці стола изъ своїмъ старшини, а за ними - Кирило
побратимомъ. Туръ / 5 / съ молчаливымъ
своимъ побратимомъ, который
посматриваль довольно угрю-
мо на всѣхъ собесѣдниковъ.
- 122 "Самимъ святимъ, пане 81 Самымъ святымъ, отвѣчалъ
ясновельможний", одв- тоть / 5 /, какой только ког-
товавъ Запоріжець / 5 /: да-либо дуль "изъ низу Днѣпра".
"провожаемъ прощальника Провожаемъ прощальника кѣ
до Міжигорськоно Спаса". "Межигорскому Спасу".
- 131 Зъ Ляхами въ козаківъ во 86 Съ Поляками у насъ во вѣки
віки вѣчні ладу не буде. вѣчные ладу не будетъ. Безъ
Чи гараздъ, чм не гараздъ, Москаля нѣтъ намъ житья на
а зъ Москалемъ намъ треба свѣтъ: Ляхи, Турки, Татаре
у-купі жити. истребятъ, перевернутъ насъ
батьку!" кѣ верху дномъ.

- 161 Тимъ часомъ, якъ Ни- 104 Между тѣмъ какъ этотъ уда-
зовій розбишака / S /
мізковавъ про рицарсь-
ку славу, Петро мчавсь
на ёго съ шаблею. Уже
близько.
- 173 ... загулила ёму хуст- 109 Она закрыла платкомъ глибо-
кою глибоку рану, а
самá такъ и впала на
ёго; плаче, голосить,
серденькомъ називае.
- 174 Лúчче бъ мині до вѣку 101 Когда я гнался за тобою,
не женитись, нѣжь отсе́
бáчить тебѣ безъ па-
мяти и гласу!
- 213 "И́нший", ка́же, "пан' 130 Не дивись этому, батько,
отче, тепѣрь часъ,
и́нші звича́і.
- 227 "Прóсимо жъ до насъ 138 Просимъ же до насъ на ве-
на вечеру. Не погор-
дуй уступити до нашо́і
простацко́і госпóди.
- Между тѣмъ какъ этотъ уда-
лецъ / S /, действуя по
разбойничьи, мечталь о ры-
царской славы /что впрочемъ
водилось и въ нѣмецкомъ ры-
царствѣ/, Петро летѣль на
него съ обнаженной саблею.
Она закрыла платкомъ глибо-
кую его рану, пала къ нему
на грудь, и рыдала, какъ
по мертвомъ.
- Когда я гнался за тобою,
я радъ бы былъ растерзать
тебя на части, а теперь
лучше бы мнѣ никогда не же-
ниться, чѣмъ видѣть тебя
безъ памяти!
- Не дивись этому, батько,
отвѣчалъ Гвинтовка; инья
теперь времена, иные обычаи.
- Просимъ же до насъ на ве-
черю, просимъ до нашей
простацкой господы! и мы
сумѣемъ угостить тебя такъ,
что не будешь голодень.

- 284 Не дурно ми вчѣра зѣ 162 Не даромъ мы вчера съ Ива-
Иваномъ Мартыновичемъ номъ Мартыновичемъ встрѣтили...
стрѣчали царскіихъ кого нужно встрѣтить... и не
бояръ, а уже стрѣчали съ пустыми руками.
ми ихъ не съ порожніми
руками.
- 302 "эгѣ!" одвітує Білозѣ- 170 Ага! пришла трудная минута;
рець, крута година нужно было попать ногами
наступила. всякую гордость.
- 357 "А за нимъ Низовці / S /, 200 а за ними, то приближаясь,
то отдаляясь, то заѣзжая съ
боку, гонятся на мѣщанскихъ
лошадяхъ безъ сѣдель Запо-
рожцы; / S /

в/ Пропущенные и добавленные предложения

В этом разделе будут приведены предложения сперва из украинского издания, которые не вошли в творческий перевод на русский язык; а потом предложения добавленные в русском издании и поэтому отсутствующие в украинском тексте.

Непереведенные и добавленные предложения характеризуют главных действующих лиц романа: Кирила Тура, Шрама и его сына Петра, Сомка, Череваня, Гвинтовку и княгиню, Бруховецкого, Пугача, Божьего Человека и второстепенных лиц, которые дают представление о народе и его поведении.

Это изменение по своему значению занимает большое место и влияет на каждое издание и в конечной формуле обозначится латинской буквой / m / для пропусков и буквой / a / для добавлений. Количество, вставленных в русское издание, предложений во много раз превышает количество предложений, отсутствующих в украинском издании.

Ниже приведены предложения из украинского издания, пропущенные в русском. Из них три предложения принадлежат Кирилу Туру. Первое сравнивает Петра со старым Шрамом, стр. 158:

Пішло по батькові, якь орля по орлові.

Второе передает успокаивающие слова Кирила матери и сестре, стр. 290:

"Ба́чте?" ка́же, "я вамь каза́вь, що нічого жу́рїтись!
Та вже, ма́буць, вась такь Бо́гь созда́вь, щобь усє
кїснути."

Третье, относится к сторожам Сомка после победы Бруховецкого, стр. 393:

"А се щò? каже ёму потіху Кирило Турь, показуючи на руці перстень.

Следующие несколько предложений принадлежат Шраму. Первое передает разговор Шрама с Василием Невольником о присутствии бандуриста в доме Череваня, стр. 19:

"Э, да се въ васъ и бандура!" "И бандура", каже Василь Невольникъ," та ще чия бандура!"

Второе предложение сказано им по адресу Запорожцев, которых он недооценивал, находя буйными и излишним элементом, стр. 89:

Цурь їмъ изъ їхъ скоками! Поїдьмо боржі у Печерський, ато не застанемъ на службу.

Третье содержит нравоучение Сомку не быть слишком самоуверенным, стр. 189:

"Тогді скажешъ гопъ, якъ перескочить.

В четвертом он высказывает чувства патриота, охотно жертвующего всем личным для блага страны, стр. 303:

А Шрамъ ёму: "Якъ треба рятовати Україну, байдуже мині и літа й рани.

Пятое показывает его удрученное состояние после провала рады, стр. 364:

Скажуть, мабуть швидко й усі аминь.

В последнем дана характеристика Шраму автором, стр. 14:

Сїна посилавъ до вїськового обозу, а самъ знавъ одну церкву.

Говоря о Петре, автор употребляет в первом предложении личное обращение, подчеркивая свое расположение к этому герою, стр. 53:

Не знаю вже, яко во-то ёму послї того сватання сталося.

Сцена похищения Леси содержит восклицание отчаяния Петра, стр. 155 :

Проклятий! мчить, якъ вовкъ овечку!

Выражение задушевной мысли Петра, стр. 233:

А Боже мій милий! якъ би то й назвати тее щасте,
щобъ жити зъ нею въ парі, якъ голубъ изъ голубкою!

Изображая встречу Петра с Лесей, автор, при переводе, пропускает предложение на стр. 413:

А Петро, якъ ускочивъ у хату, то й ставъ у порога,
якъ укопаний. А Лєся якъ сиділа на ослоні, коло стола,
то такъ и осталась, и зъ міста не зворухнетця.

Следующие три предложения принадлежат Сомку. В первом Сомко говорит приветственные слова Леси, стр. 103:

"Давно ми", каже, "не бачились за військовими чварами,
да ось немовъ Господь насъ изведе на-віки до-купи."

В другом он произносит приговор виновным, воображаемый в случае своей победы, стр. 107:

Запорозцівъ тогді я здавлю якъ макуху, гетьмана їх
поверну въ свинопаси, а дурну чернь навчу шанувати
гетьманську зверхность!

В третьем Сомко дает характеристику запорожцам, стр. 107:

У їхъ, що ватажокъ, то й гетьманъ.

Не вошли еще в русское издание четыре предложения относящиеся к Череваню. В первом он употребляет свою постоянную поговорку, стр. 49:

"нехай нашимъ ворогамъ буде тяжко!

Второе говорит нам о полной Череваневой уверенности в том, что ничего плохого ему, а ни его хутору Хмарищу не сделается, стр. 320:

и поки стоятимо на магістраті башта зъ дзигарами,
поті ніхто не скаже, що Черевань не по праву занявъ
Хмарище. За готові Лядські дукати купиць я ёго въ
магістрата, и всяке знае, що за ті дукати збудовано
магістратську башту.

Третье выражает удивление по поводу цвета лент на рукаве, стр. 334:

"у насъ червоні, а тутъ - дивись - усé блакитні!"

И выражение сочувствия и участи Сомку после неудачной рады,
стр. 364:

А бідолаха Сомко! що то вінъ теперь!

Несмотря на свою наивность, Черевань добродушный колосс.
На сколько образ Череваня нарисован автором положительно,
настолько образ Гвинтовки нарисован отрицательно. Следующие
два предложения принадлежат Гвинтовке. Одно дает пример нетак-
тичного поведения Гвинтовки, стр. 217:

Такъ вигукувавъ осауль полковий Гвинтовка: хотівъ
притьмомъ довести передъ Шрамомъ, що въ ёго жінка
все одно, що служёбка, хоть-би вона була сто разъ
княгиня.

Второе - острое распоряжение, данное сестре, быть готовой к
приему гостей, стр. 327:

Гвинтовка, обернувшись, тільки сказавъ: "Гледи жь,
сестро, - ти въ мене теперь господиня - щобъ дово-
лі було всячини на вечеру; бо я вернусь изъ ради
не безъ гостей."

В тоне автора слышится сожаление, когда он говорит о
бедной княгине, униженной грубияном Гвинтовкой. Рисуя картину
выхоленных рук княгини, автор говорит на стр. 218:

Чи на те жь то вони викохані, випестовані, щобъ
покинувши високі князькі замки, застилати стіль
козаківі?

Другое выражает прискорбную картину встречи княгини с гостями,
стр. 249:

А та безталанна, за слізми и світу Божого не бачить,
и слова не промовить.

Образ Бруховецкого в изображении Кулиша подчеркнут на
стр. 267:

А вінь, мовь би нічого й не чьє - идє собі смиреннь-
ко, згѣрбившись.

Одно предложение, относящееся к характеристике Пугача,
тоже отсутствует в русском тексте, стр. 226:

Старій Пугачь ні для ко́го въ свѣті́ душею не покривить.

Из мест характеризующих второстепенных действующих лиц,
можно найти в числе выпущенных предложений пояснение автора к
сценке с Тарасом Сурмачем на крестинах, стр. 66:

Не таківський же бувь и Тарась, щобь угомонівсь
одь разу.

или поговорка, кинутая козаком из толпы, стр. 72:

Налетять зозулі, що насъ не забули...

В другой встрече Шрама с народом, голос из толпы произнес,
стр. 194:

Не обороніли бь ёго й позлотісти! цяцькі, що дурні!
Ляхі повимудровували!

Предложение из трагикомической сценки между ковалем и его
женой, стр. 205:

А вона бігає кругь Шрамового коня да ще більшь
ёго дратує.

И, наконец, предложение с пояснением Кулиша поведения военно-
вого писаря Сомка, стр. 310:

А військовий пісарь, хоть и чувь, да не озиравьсь.
Вінь своё козакамь провадивь.

Предложения вставленные в русском издании более многочис-
лены и относятся к тем же самым лицам. Начиная с Кирила Тура,
встречается предложение, касающееся случая с Лесей, в котором
Кирилу усердно помогал его побратим Богдан Черногор, о котором
автор добавляет следующее, стр. 80:

Взоръ его развеселялся только при взглядѣ на чернобровую красавицу, которой ничего подобнаго не встрѣчалъ онъ и въ своей Черногоріи.

Восхищение Кирила красотой Леси выражается в словах на стр. 83:

Самъ, пане гетмане, видишь, что за пышная красота!
по неволѣ за сердце хватаетъ!

В другом автор делает свои комментарии насчет поведения Кирила Тура, стр. 84:

И для ясности разсказа Кирило Туръ опрокинулъ себѣ въ горло кубокъ наливки.

Следующее пояснение автор делает к кличу Запорожцев "пугу", стр. 76:

пугу! восклицаніе, перенятое полудикими рыцарями Запорожцами у пугача /филина/, и употребляемое ими для извѣщенія кого-нибудь о своемъ прибытіи.

А так же раскрывает поведение Запорожцев вообще и поведение Кирила Тура в частности, по словам гетмана Сомка, стр. 77:

А ужъ на шутки да на баландрасы, такъ могу сказать, что мастеръ.

Дальнейшие два предложения тоже указывают на необычное поведение Запорожцев, стр. 78 и 93:

Сомко и его спутники смѣялись отъ одного появленія Кирила Тура. На него привыкли смотрѣть, какъ на кродивого.

Безъ кровства ему не ѣтся и не спится.

Обращаясь к своему побратиму, Кирило Тур говорит о предстоящем поединке с Петром, стр. 103:

Ты увидишь сегодня такой поединокъ, что перестанешь выхвалять своихъ черногорскихъ юнаковъ.

Ожидая Петра на тот же поединок, Кирило воскликнул, стр. 103:

Пускай перепрыгнетъ черезъ этотъ ровчакъ, тогда я готовъ съ нимъ рубиться, хоть до страшнаго суда.

Дальше Кирило Турь, вспоминая 'хороший' народный обычай в Черногорье, жалеет об отсутствии шинка, стр. 107:

Жаль, что далеко до шинка, а то бѣ и мы сдѣлали такъ, какъ ты рассказывалъ про ваши юнацкіе поединки, - стукнули бѣ сперва по доброй чаркѣ, поговорили, пошутковали и начали бы смертный бой, какъ веселый танецъ..

Упрекаемый Петром в неблагодарности гетману за его угощения, Кирило высказывает свой взгляд на эти вещи, стр. 104:

Олухи вы царя небеснаго! Подумали бы вы сперва, кто тотъ огородъ засадилъ всякою всячиною на потребу челоуѣка?

Уместны слова, сказанные сокрушенной матерью о своем сыне, как и всякой матерью, стр. 149:

Куда они его помчали, моего ясного сокола! говорила бѣдная мать, ломая руки.

После наказания, полученного Кирилом за любовные похождения, он говорит, стр. 163:

У меня въ спинѣ как-будто сто чертей сидить.

Почтения Шрама ясно видны из предложения, вставленного в русском издании, стр. 11:

Нужна вамъ теперь не такъ рука, какъ голова, да такая голова, чтобъ знала прежнее и смекала о будущемъ.

Так же виден его взгляд на Москву, стр. 86:

Одинъ Москаль сбережетъ намъ и имя русское, и вѣру православную.

В разговоре с Череванем на вопрос: "По волѣ, или неволѣ", приехал к ним Шрамъ, онъ отвечает, стр. 14:

Слава Богу, по волѣ, отвѣчалъ Шрамъ: - прошли тѣ проклятыя времена, когда нашимъ братомъ козакомъ помыкали вельможные пьяницы.

Шрам священник, что не мешает ему носить под рясой шпагу и пистолет за поясом. Очевидно, он религиозен и слова из Библии

и Святых писаний у него на устах во всякое время. Одно из таких мест встречается при стычке Шрама с Тарасом Сурмачем. После первого изречения, сказанного по старо-славянски и введенного в обоих изданиях, следуют слова введенные только в русском тексте, стр. 50:

Потом вздохнул еще разъ и продолжалъ утѣшать себя словами Царя-пророка: - Богъ намъ прибѣжище и сила... сего ради не убоимся, внигда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морская.

Всякое дело, начинаемое христианами в романе Черная Рада, начинается с посещения церкви, так начинается и поход Шрама за воссоединение Украины, стр. 52:

Вотъ и церковь божія! сказалъ Шрамъ, останавливая коня у колокольни.

Примером печали Шрама за общественные дела и радости при появлении надежды может служить предложение на стр. 74:

Въ Кіевѣ я сегодня наслушался такого, что и пьяный бы отрезвился.

В разговоре с Сомком луч надежды озаряет Шрама, стр. 74:

Я готовъ вѣрить всему лучшему, когда ты такъ спокоенъ, сказалъ Шрамъ.

В романе выведено еще одно побочное лицо, Белозерский. В разговоре Белозерского с Шрамом, оба беспокоятся благополучным исходом дела и печалются неудачами, стр. 169:

А что? - Да что? Не ты бы спрашивалъ, не я бы рассказывалъ!

Шрам отрицательно относится к Запорожцам и их 'выбрыкам', но и у него была возможность убедиться в их ловкости, желании помочь козакам. В освобождении Шрама от Ляхов Запорожцами, вставлены два предложения, стр. 78. Первое, вопрос гетмана:

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ гетманъ, - какъ ты, пан'отче, остался живъ безъ коня.

Во второмъ переданы слова спасающаго Запорожца, стр. 78:

Жаль покинуть такого козака Ляхамъ на поживу.

Для характеристики Петра введены в русское издание следующие предложения: одно поясняет душевное состояние Петра перед похищением Леси, стр. 89:

Его душа разрывалась на двое: одна сила тянула его къ гордой красавицѣ, а другая заставляла бѣжать отъ нея, какъ отъ чего-то пагубнаго.

Другое говорит о размышлениях Петра после ее похищения, стр. 100:

Тутъ только пришло ему въ умъ, какую роль могла сыграть ворожка, за которою Череваниха простодушно посылала Василя Невольника...

следующее - после его продолжительной болезни, стр. 113:

Развѣ я врагъ тебѣ? Или я тебѣ опротивѣлъ въ долгой болѣзни? За чѣмъ ты отъ меня убѣгаешь?

Дальнейшие два предложения поясняют действия, предшествовавшие поединку с Кирилом Туром. В ответ на грубые насмешки соперника, автор так защищает своего героя, стр. 104:

Петро и безъ его совѣта намѣренъ быть это сдѣлать.

Личные убеждения Петра не позволяют ему бороться с противником без предупреждения, стр. 106:

Пускай же насъ Богъ разсудитъ, а меня простишь, что поднимаю руку на челоуѣка, который только что спасъ меня отъ смерти!

Дальше автор поясняет нравы тех времен спать под открытым небом, применяя их к Петру, стр. 38:

Въ тѣ времена простоты нравовъ это былъ самый лучшій ночлеги для молодого козака.

И последнее предложение в отношении к Петру придает полноту событиям, предшествующим совету, стр. 183:

Сегодня рада? спросил удивленный Петро. Какъ же она можетъ состояться безъ гетмана Сомка и Васюты нѣжинского?

Любовь Сомка к Лесе холодная, его похвалы относятся к ее красоте, а не к человеку, стр. 72:

Ну нечего сказать, обратился онъ къ отцу и матери, держа Лесю за руку, - не даромъ молва о вашей "кралѣ" ходитъ по всей гетманщинѣ. Божусь, чѣмъ хотите, что лучшей дѣвушки не было и не будетъ въ Украинѣ!

Его не очень трогает похищение невесты, но опасное положение Кирила, в его глазах заслуженного человека, заставляет забыть все в одну минуту, стр. 110:

Опасное положеніе Запорожца изгнало изъ его сердца всякое злобное противъ него чувство.

Когда же Сомко получает плохие вести о положении дел, они сравниваются с молнией с чистого неба, стр. 115:

Скорѣ ждаль бы я молніи съ чистого неба, чѣмъ такой вѣсти!

Безвыходное положение Сомка поясняется следующими словами в разговоре между Кирилом Туром и Сомком в его тюрьме-подвале, стр. 220:

-Но какъ уйти, когда вокругъ сторожа?
-Эхъ, и ты разумная голова! Только надѣнь эту зашептанную видлогу, то пройдешь сквозь огонь и воду, не то сквозь стражу!

В решительную минуту Сомко не кладет большой надежды на колдовство Кирила и не хочет искупать своей жизни за счет жизни другого, стр. 221:

Что ты мнѣ ни толкуй о своемъ характерствѣ, а я хорошо знаю, что только ножи Иванцовыхъ палачей выпустятъ тебя на волю.

В русском издании есть два вставленных предложения о простодушном Череване. Чуть было не состоявшееся сватовство Леси и

Петра происходит тоже из-за его добродушия. На вопрос Шрама, не отдал ли бы Черевань за Петра своей Леси, тот отвечает, стр. 35:

А почему жь не отдать, бgate? Разве ты не Шрамъ, а я не Черевань?

Второе предложение вставлено в разговоре Череваня с Гвинтовкой, где он обвиняет Гвинтовку в личных выгодах, стр. 129:

Такъ что жь, коли тебѣ блрое лицо да черныя брови дороже щирой души украинской?

Гвинтовка проявляет свою грубость охотнее всего над беззащитной женщиной, стр. 132:

Не для того взялъ я за себя блорую, высокоименитую, пышную Польку, чтобъ держать для нея полонъ домъ слугъ: сама моетъ мнѣ сорочки и варитъ вареники.

Сцены в доме Гвинтовки были повседневным явлением. Он их спокойно называл комедиями, стр. 133:

Не разъ и не два игралась у насъ такая комедія.

После одной из сцен Гвинтовка делает приятную мину, стр. 130:

Потомъ онъ очень привѣтливо перецѣловался съ своими гостями и повелъ ихъ въ свѣтлицу.

Он несправедлив к неимеющим власти, стр. 130:

Скорѣй я назову добрымъ лысаго дидька, нежели этихъ проклятыхъ салогубовъ.

Он не признает прав других, и свое неудовольствие Запорожцами

Гвинтовка выражает следующими добавленными словами, стр. 131:

А покажись въ магистратъ, такъ заразъ достанутъ изъ-подъ кади залѣсневлый шпаргалъ, да и суютъ въ глаза старшинъ: вотъ, дескать, наше старосвѣтское право! А кто ихъ такъ разшевелилъ? все проклятые Низовцы!

Своих же гостей он принимает подобострастно, но без сердечности, стр. 132:

Послѣ дороги вамъ прежде всего нужно подкрѣпиться, да и вечерняя пора на дворѣ.

Для полнейшего изображения образа Бруховецкого, Кулиш вставляет в русское издание три предложения. Ставши гетманом, Бруховецкий наслаждается своей властью и, издеваясь над Сомком, спрашивает, стр. 194:

Что ты теперь, вельможный безбулавный гетмань, намъ скажешь?

Внезапно вошедший незнакомец пугает, погруженного в размышления о расправе с соперником Бруховецкого, который восклицает, стр. 215:

Духъ Святой съ нами! вскрикнулъ гетмань. /Ему Богъ знаетъ, что показалось/.

В разговоре с незнакомцем Бруховецкий отдает свой перстень для свободного прохода в темницу, говоря, стр. 216:

Я даю его своимъ козакамъ только въ самыя важныя случаяхъ.

Картины столкновения Шрама с народом рисует Кулиш добавочными предложениями во встрече с ковалем и его женой, стр. 124:

Но она явно чувствовала превосходство своей ловкости въ этой игрѣ:

Другое в этом же эпизоде, стр. 124:

Осталь началъ было уже ослабѣвать, но эта пѣсня вдохнула въ него новыя силы.

Третье из того же эпизода, стр. 125:

Для степе́нного Украинца великой стыдъ забыться въ присутствіи такой особы,...

Поясняя действия жены коваля, автор говорит, стр. 125:

Но та, видно, часто разыгрывала съ нимъ подобныя сцены.

Комментарии автора в русском издании многочисленны в разных обстоятельствах. Так, например, когда в доме Череваня были

гости, автор находит нужным пояснить обычай особенного уважения к гостям, когда прислуживает дочь хозяина, стр. 35:

Это была самая высокая честь въ старинномъ гостепрѣимствѣ.

Сцена сватовства в доме Череваня так же заслуживает особого пояснения, стр. 37:

Прочіе также выражали ожиданіе, чѣмъ это кончится, а молодые стояли, потупя глаза.

Холодные чувства Сомка к Леси поясняются автором так, стр. 88:

Только Сомко спокойно ждалъ, пока исполнятся Лесѣ двѣичьи лѣта, - его увлекали болѣе строгія заботы; а у дочери съ матерью только было и бесѣды, что про жениха.

Размышления Шрама по поводу роли, играемой наставниками Бруховецкого отмечаются автором, стр. 121:

Шраму не трудно было догадаться, къ чему онъ клонить дѣло и для кого онъ работаетъ. Запорожцы вездѣ раскинули свои сѣти на уловленіе простодушной черни.

Неожиданное появление Петра после всех волнений заслуживает добавочное предложение, стр. 226:

А Леся, увидя неожиданно передъ собой своего возлюбленного, не могла произнести ни слова.

При встрече Шрамового обоза с народом автор добавляет, стр. 45:

Онъ узналъ Петра и отпустилъ ему на счетъ отца мѣщанскую похвальную прибаутку.

Рисуя казаков, в сцене прощания одного из них со 'светом' и заинтересованностью ими бурсаков, автор добавляет, стр. 62:

И рисовались передъ ихъ завистливыми взглядами на своихъ полудикихъ коняхъ.

Отношение богомольцев к приношениям отмечается следующими словами, стр. 70:

Черевань и прочіе богомольцы, также сдѣлали приношеніе храму дорогими вещами или деньгами.

Изображение природы заслуживает особенного внимания автора,
стр. 130:

Солнце как-будто для того и спустилось къ самому
лѣсу, чтобъ еще больше нарисовать ихъ толстыя морды.

Анархические порядки в лагере Запорожцев подчеркиваются ав-
тором, стр. 164:

По видимому, у сѣчевыхъ братчиковъ не было никакого
порядка, ни законовъ, между тѣмъ какъ, подъ наруж-
ною беспорядочностью, ихъ странный ордеъ скрываетъ
систематическiя и дальновидныя учрежденiя.

Короткое посещение Шрама у Белозерца заслуживает добавления,
стр. 171:

Однакожь онъ не долго оставался у Бѣлозерца и лишь
только усталость отъ продолжительной ѣзды прошла,
тотчасъ сѣлъ съ своимъ прiятелемъ на коней и пос-
какалъ по Иченской дорогѣ.

Лирическое отступление автора, выраженное мыслями Шрама по
поводу разныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, выражено так,
стр. 176:

Какъ тяжело отцу, когда, не дай Боже, удастся
разбойникъ-сынъ;... Тяжело, тяжело управлять народомъ!
не завидую я ни одному царю во всемъ свѣтѣ.

Сборы к Раде и происшествия, последовавшие непосредственно ее
концу заслужили многократныхъ добавлений, стр. 185:

Рѣшили, чтобъ старшина собралась избирать гетмана
въ патеръ, а чернь чтобъ сама по себѣ избирала,
кого пожелаетъ.

Слова неизвестного Запорожца поясняютъ положение дел, стр. 187:

Э, козаче! воскликнулъ онъ, указавъ на голубую ленту
Петра; такъ это ты только ума вывѣдываешь! Не успелъ
Петро собраться съ ответомъ, какъ ихъ опять разлучили.

Восстановить порядокъ для какой-нибудь партии было чрезвычайно
трудно, стр. 193:

Не легко было это сделать, потому что некоторые казаки остались на радѣ, другіе замѣшались не въ свои сотни.

Непонятные действия войск вызвали еще большую суматоху,
стр. 197:

Поклонъ сотенъ Сомковыхъ Бруховецкому показался имъ началомъ сраженія, и многіе постарались заблаговременно обезопасить себя бѣгствомъ.

Разные поведения казаков находят выражение на стр. 198:

Веселость ихъ въ такую смутную годину, звонъ музыки, топотъ танцевъ и радостные припѣвы заставляли Петра и Череваня еще сильнѣе чувствовать горечь.

Два предложения поясняют изменения произошедшие на поле, стр. 200:

Еще не все поле очистилось отъ поселянъ, какъ сцена на немъ опять перемѣнилась.

Мѣсто, гдѣ происходила рада, сдѣлалось теперь позорищемъ безчеловѣчнаго убійства и грабительства.

Поведение Гвинтовки после Рады отмечается вставленным предложением, стр. 202:

Есть слухъ, что хочетъ переженить и всѣхъ своихъ бурлакъ на панянкахъ.

Добавлено к состоянию Бруховецкого после победы чувство, выраженное следующим образом, стр. 213:

Долго стоялъ онъ на одномъ мѣсте, наконецъ началъ ходить неровными шагами по свѣтлицѣ и разсуждать почти въ слухъ:

Последние три предложения принадлежат характеристике Божьего Человека. Первое загадочное предложение к началу неполадков между Сомком и Бруховецким, стр. 18:

-Отвѣсил соли, да себѣ въ убытокъ. - Какъ такъ?

Следующее - опять разговор между Шрамом и Божьим Человеком,
стр. 126:

- Ты жь не сюда держалъ дорогу?
- Мнѣ по всему свѣту одна дорога.

В конце книги, в прощальной сцене с Божьим Чувовком, русское издание имеет добавочное предложение, стр. 230:

Василь Невольникъ проводиль его до самой Паволочес-
ной дороги.

г/ Пропущенные и добавленные отрывки

Позволяя себе задержать в украинском тексте отдельные отрывки и не включить их в русское издание, или в другом месте вставить в русский текст данный отрывок, не взирая на то, что его нет в украинском тексте, Кулиш делает этим два различных произведения. Это явление можно выявить тоже только при сравнении, так как читая Черную Радугу на украинском и русском языках, в них действительно ощущается душа этого народа. Только сравнивая эти два произведения слово в слово станет ясно, что только таким способом, который употребил Кулиш, он мог достичь своей цели и создать два произведения интересные для чтения, как для украинского, так и для русского читателя.

В этом разделе будут приведены сперва отрывки пропущенные в русском издании, а затем отрывки вставленные в русском издании и отсутствующие в украинском издании. В конечной формуле пропущенные отрывки отметятся латинской буквой / m /, а вставленные отрывки буквой / a /.

Первый отрывок говорит читателю о жалобной песне, спетой старцем-кобзарем о временах Богдана Хмельницкого, стр. 20:

Теперъ вѣнь распочавъ смутную думу про Хмельницкого,
якъ умиравъ козацкий батько:

"Ой настала жаль-туга да по всій Україні..."
Не одинъ козакъ гѣрко плакавъ одъ сїї думи, а Череванъ тѣлько похитувавсь, гладючи черево; а щокі -
якъ кавуні: смѣявсь одъ широго сѣрця. Така була въ
ѣго вѣдача.

Следующий отрывок рисует картину жизни Запорожца дома, до того, как он задумал идти в монастырь спасти свою душу,

стр. 87:

Дома въ себе вони, кажѹ, ходять було у дѣгтянихъ сорочкахъ да въ дирявихъ кожухахъ-кажанкахъ, а тутъ повбѣрались у такі жупани, що хоть-би й гетьманові, - и все, щобъ тѣлько показати перѣдъ миромъ, що Запорозцю ти! сѹкна й блаватаси все одно, що й сермяга. Заразъ, чи калюжу вбачить де на дорозі, такъ у калюжу й лѣзе въ кармазинахъ; чи ширѣтвась дѣгтя зуздрить, такъ и вскочить туди зъ сапьянцями. Химерний дуже бувъ народъ!

Остался непереуведеннымъ отрывокъ, показывающий переживания Петра после своего неудачного сватовства, стр. 103:

Теперъ уже нічого було думати про Лѣсю Петрові. Хоть вінъ бувъ и значний козакъ, да не противъ гетьмана; хоть вінъ бувъ внакъ уродливий, да не противъ Сомка. "Сомко бувъ воінь уроди, возраста и красоти зило дивно!" /пишуть у літописяхъ/, бувъ високий, огрядний собі пань, кругловидий, русявий; голова въ кучеряхъ, якъ у золотому вінку; очі ясні, веселі якъ зори; и вже чи ступить, чи заговорить, то справді по-гетьманськи. Такъ куди вже изъ нимъ мѣряться Петрові!

Выше приведенную цитату можно было бы так же хорошо поставить в разделе 'персонажей', но она в то же время подходит для выявления душевного состояния Петра. Второй отрывок, выражающий сочувствие автора к переживаниям Петра, очень характерен теплотой выражений, стр. 234:

Такъ-то вже томѹ бѣдному козакові любощи очі зату́манили, що здавалось, тѣлько тамъ, де вона, и сонце сияє, и Божий миръ красенъ; а безъ неі усюди тьма и пустиня.

Несколько отрывков посвящены эпизоду поединка Кирила Тура с Петром и действиям последующим ему. Первый из них говорит о начале поединка и воинственном настроении Кирила, стр. 165:

"Не йме віри вразьке Шраменя!" каже Кирило Турь.
"Щобъ же я на Страшний Судъ не вставъ, коли ти до
!! доторкнесся, поки въ мене голова на плечахъ!
Буде съ тебе, чи, може вкρόить тобі жупана?"

Второй, выражает сочувствие Петру после трагического сражения, стр. 175:

А Сомку небайдуже було й про Петра. Упоравшись коло Запорозця, кинувсь и сюди. "Що пань Петро? чи єсть надія?" питає въ Шрама. Возьміть мою опанчу да припніть міждо коней."

Следующих два касаются времени после выздоровления Кирила и его сетование на мать и на сестру за их навязчивость, стр. 238:

Колибъ не Божий Чоловѣкъ, то довелось би зъ нудьги пропасти міжъ плаксѣвимъ бабствомъ. Той, спасибі ёму, розважить такі инколи дѹшу козацькою піснею, та й на Божий мѣръ дѣвитця по-людськи."

Встреча друзей после поединка отмечается следующим разговором, стр. 241:

А що бакъ Черевань?"

"Тутъ изъ нами у Гвинтовки", каже Петро.

"Давъ ми съ тобою сусѣде", сказавъ Запорозецъ.

"Ну, братіку, будемо жъ теперъ жити мирно, коли тѣлько проживе теперъ мирно хочъ одна душа на Вкраїні.

Плохие вести об общественном деле вызывают у Сомка вспышку, стр. 184:

"Да кажи прѣсто, щобъ тобѣ язѣкъ усѣхъ!" крикне Сомко.
"Лучше, якъ-би всѣхъ, пане гетьмане, нѣжъ возвѣщати тобѣ такую вѣсть!

а у Шрама тихое негодование, стр. 189:

"Не вже жъ", каже, "отсе справді усѣ й розкотитця, якъ горохъ изъ жмені? Не вже жъ на те козаки воєвали и кровъ свою проливали, щобъ пропала козацька слава порошиною зъ дула?" Да й згадавъ старий смутну пісню, що зложивъ Божий Чоловѣкъ, якъ умеръ бѣтько Хмельницький?

Чувство Шрама после поединка Кирила Тура с Петром выражены в отрывке на стр. 177:

А Шрамъ смутно привѣтавъ Череваниху: "Бачъ", каже, "нѣне, чого твоя дочка наробила! уже де замѣшається вашъ жѣночий рѣдъ, то добра буде мало."

Слова похвалы Шраму и Сомку остались не переведены на стр. 412:

Такъ -то той щѣрий козарлюга и пѣль Иванъ Шрамъ Поволоцький, и славнои рѣцаръ Сомко Переяславський,

не в'радивши нічого супротивъ лихої Української долі, полягли одъ беззаконного меча шановними головами. Хоть-же вони и полягли головами, хоть и вмёрли лютою смертю, да не вмёрла, не полягла їх слава. Буде їх слава поміж земляками, поміж літописами, поміж усіма розумними головами.

Переходя к отрывкам вставленным в русском издании, можно отметить, что распространенность изображений природы, описаний хуторов и пасеки, являются отличительной чертой русского издания. Насколько сжатость выражений и описаний делают украинское издание типичным для его духа, настолько лирические отступления и обширные изображения делают русское издание типичным для этого языка и более применимым для русского читателя. Начиная уже со страницы четвертой, вставлено продолжительное изображение хутора Хмарища, стр. 4:

Пастбище было тутъ же, потому что хуторъ Череваня былъ не что иное, какъ левада, или пастовникъ. На горбѣ, между старыми грушами, видѣлись двѣ хати, съ бѣлыми, низкими стѣнами и высокими соломенными, позеленѣлыми крышами, надъ которыми стояли черные деревянные дымари подъ рѣзными крышками. Дубовые косяки въ окнахъ вырѣзаны были зигзагами, какъ можно видѣть въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. Двери подъ навѣсами были внизу и вверху уже, чѣмъ по срединѣ, и этою формою напоминало осанистыя фигуры пожилыхъ старшинъ козацкихъ, которые въ нихъ проходили. Тутъ же стоялъ и колодезь съ высокимъ журавлемъ, на подобіе глаголя. У колодезя виденъ былъ почерневшій, съ бѣлымъ, вышитымъ красными узорами рушникомъ. За колодеземъ тянулся весь увитый хмѣлемъ плетень, ограждающій садъ, пасику и огородъ отъ вторженія телятъ, которыя паслись между деревьями. Левада скатывалась съ горба въ низину, гдѣ изъ-за зеленого камыша блестяла запруженная вода и выглядывала почернѣвшая, стромкая, съ двумя шпилями, крыша шумящей мельницы. Усадьба Череваня съ трехъ сторонъ была защищена топкими камышчатыми берегами рѣчки, а съ четвертой деревянною башнею и валомъ. Въ случаѣ опасности, пастухи сгоняли сюда овецъ, рогатый скотъ, лошадей, а сами брали мушкеты и пищали, которыхъ у Череваня хранилось въ башнѣ немало, и готовы были отстрѣливаться хоть цѣлый мѣсяць отъ Татаръ, или отъ бродячей затажной роты Ляховъ. Тѣ и

другіе появлялись въ Кіевскихъ окрестностяхъ, какъ метеоры, и служъ объ нихъ могъ прійти въ Хмарище во всякое время. Но теперь все въ хуторѣ было тихо; пчелы жужжали въ цвѣтушихъ грушахъ; мельница глухо шумѣла; за высокимъ камышемъ раздавались на вадѣ крики дикихъ птицъ; а соловьи в саду всѣ эти звуки ладили одинъ съ другими. Свѣжесть обняла усталыхъ путниковъ въ этомъ мирномъ и полномъ всякаго добра уголкѣ; разнузданные кони весело заржали.

Потомъ следуетъ картина пасеки с образомъ на высокомъ ульѣ, стр. 12:

Образъ стоялъ на высокомъ ульѣ подѣ небольшимъ навѣсцемъ, который защищаль святого Зосиму отъ дождя, и сверхъ того образъ прикрытъ былъ, на подобіе рамки бѣлымъ рушникомъ, разшитымъ нитками.

Василь Невольникъ былъ преданъ душою святому Зосимъ и, пока Шрамъ тихо молился, онъ благословлялъ Бога и его угодника за то, что они научили людей пчеловодству. Онъ вѣрилъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, что въ старину пчелы были извѣстны только какимъ-то Плясовицамъ, которыя при восходѣ солнца, мѣсяца и звѣздъ плясали на нашихъ стѣнныхъ могилахъ: святой Зосима, по повелѣнію божію, служилъ у нихъ пасичникомъ и потомъ научилъ весь народъ обходиться съ пчелами. Объ этомъ-то подвигѣ святого распространился было Василь Невольникъ; но вниманіе Шрама было развлечено отдаленными звуками бандуры и пѣніемъ.

Картина природы связанная с хуторомъ Гвинтовки, стр. 123:

Объ именемъ хутора въ воображеніи читателя, конечно, соединяются пустынные картины лѣсовъ и водъ, между которыхъ мирно пріютились скромныя строенія и огорожи. Лѣсъ и вода - благодать въ Малороссіи, и ради этой-то благодати каждый, кто можетъ, поселяется отдѣльнымъ хуторомъ, оставляя безводныя и открытыя для жаровъ и вьюги села. Панъ Гвинтовка занялъ себѣ для хутора самую лучшую мѣстность подѣ Нѣжиномъ, и даже у полковника Васюты Золотаренка не было такихъ вѣковечныхъ лѣсовъ, такихъ роскошныхъ пастовниковъ, какъ у Гвинтовки.

Изображение природы, сопутствующей каравану Шрама с Череванем и его семьей, стр. 38:

Череванъ не торопился ѣхать, изъ уваженія къ своей полноувѣсной особѣ; поѣздъ подвигался впередъ медленно и представлялъ довольно красивую группу. По лѣсу раздавалось пѣніе птицъ. Солнце играло на одеждахъ, нарядахъ и вооруженіи путниковъ. Посреди свѣжей весенней зелени еще ярче горѣлъ пурпуръ сукна и шелку

золотилась парча и блистали розы щекъ и свѣжихъ усть красавицы, которая была такъ хороша въ своемъ аломъ кунтуше и черномъ сверху открытомъ корабликѣ, поднимавшемся посреди пышныхъ ея косъ наподобіе короны, что всѣ прочіе богомольцы казались подлѣ нея подданными, сопровождавшими свою княгиню. Можно бы подумать, что это древняя Ольга Игориха выѣзжала погулять по заповѣднымъ кѣвскимъ дугамъ, и возвращается въ свою столицу, въ сопровожденіи кормилицы и приближенныхъ бояръ своихъ.

В русском издании Кулиш очень охотно отдалается в прошлое, как уже было видно из предыдущего отрывка и трех последующих. Следующий отрывок говорит о вселении униатской церкви на Украине и бедах, сопровождавших это вселение, стр. 42:

Перепополняютъ нашу душу горячими чувствами и недавніа твои воспоминанія - воспоминанія о битвахъ за свободу нашей Церкви и національности. Много надѣлала тебѣ бѣды, нашъ родной Кіевъ, безумная уніа! Она, вмѣсто соединенія церквей, воспламенила только страсти съ обѣихъ сторонъ и превратила святую ревность къ верѣ въ жестокій фанатизмъ. Уніаты и католики обыкновенно наѣзжали съ вооруженными людьми на монастыри и монастырскія владѣнія, выгоняли изъ нихъ православныхъ, грабили церковное имущество, уничтожали духовные школы. Православные, въ свою очередь, пользовались счастливыми обстоятельствами для возвращенія подобнымъ же способомъ своей собственности. Все время проходило въ битвахъ и тревогахъ, и кѣвскія святыни, потерпѣвшія въ старые годы отъ Татаръ, не только не возстановились, а приходили еще въ болѣшій упадокъ.

Монахъ Кіевопечерского монастыря Аванасій Кальнофойскій, описывая въ своей "Тератургимѣ" тогдашній Кіевъ, и упоминая о многихъ древнихъ, въ одномъ мѣстѣ говорить, что отъ такой-то церкви "остались едва стѣны, а развалины покрыты землею", въ другомъ - что церковныя зданія лежатъ подъ буграми развалинъ и кажутся "погребенными навѣки"; наконецъ, дошедши до конца старокіевской возвышенности, бросаетъ грустный взглядъ на Кіевоподоль, называя его "жалостнымъ" и говорить, что онъ едва ли достоинъ имени Кіева, "въ которомъ, по его словамъ, нѣкогда было церковей болѣе 300 каменныхъ, 100 деревянныхъ, а нынѣ всѣхъ едва ли 13".

Украинская лѣтопись также, въ немногихъ словахъ, но живо, изображаетъ намъ плачевное состояніе Кіева около половины XVII вѣка. "Приде же, говорить она,

Хмельницкій въ Кіевѣ, благодареніе Богу воздавая, давшему ему побѣду, и, видѣвши красоту церквей божіихъ опустошенну и на землю поверженну, плакася."

Следующее историческое отступление нам говорит опять о прошлом Кіева - "колыбели русскаго православія", стр. 53:

Даже изъ отдаленныхъ мѣсть Россіи всякая благочестивая душа стремится помыслами къ этой колыбели русскаго православія и русской народности. Кіевъ славится въ пѣсняхъ, которыя ребенокъ слушаетъ, какъ нѣчто религиозное, у окна родительскаго дома, въ великій вечеръ Рождества Христова, когда народъ ходитъ отъ хаты до хаты и торжественнымъ хоромъ возвѣщаетъ каждому богатому и убогому семейству "новую радость". Кіевъ составляетъ любимый предметъ бабушекъ-разскащицъ, когда ихъ въ зимніе вечера окружаютъ внуки и внучки, жаждущіе необыкновеннаго, блистательнаго и волшебнаго посреди своей простой сельской жизни. Разказы о Кіевѣ, о его церквахъ, о его пещерахъ, о его горахъ и глубокихъ ярахъ, никогда не наскучать въ кругу людей, рѣдко оставляющихъ родное село; да и тѣ, которые извѣздили всѣ государства, возвратясь въ Кіевъ, съ изумленіемъ сознаются, что ничего прекраснѣе они не видали. И не только въ наше время, но и въ отдаленнѣйшую старину, Кіевъ всегда былъ царственнымъ городомъ. Одними своими высотами, своими широко раскинутыми живописными массами горъ и удолій надъ изогнутой огромными колѣнами рѣкой, съ необозримыми плоскими побережьями, вдоль безконечно тянущагося хребта береговыхъ горъ, онъ производитъ на душу неиспытываемое нигдѣ впечатлѣніе красоты и величія.

В следующем отрывке Кулишъ распространяется о не такихъ еще давнихъ временахъ польскаго правленія, стр. 120:

Еще недавно сбросилъ народъ тяжелое иго польскоіи безурядицы; еще живы были въ памяти стариковъ возмутительныя сцены панскихъ насилій; еще не улеглись вырвавшіяся на волю страсти долго безмолвствовавшаго простонародья. Новый порядокъ вещей, устроенный самими представителями козачества, едва смогъ заключить разливъ необузданной воли въ законныя границы; но къ нимъ никто не привыкъ еще, и каждую минуту можно было ожидать ихъ разрушенія. Такая минута наступила теперь. Шрамъ это чувствовалъ, внимая не-хотя народнымъ толкамъ Молодые поселяне окружали стариковъ и едва вѣрили ушамъ своимъ, чтобы еще такъ недавно весь край находился въ такомъ страшномъ порабоженіи у магнатовъ, пановъ, шляхты и всего ихъ причета.

Значительный отрывок посвящен жизни Шрама после военных бурь,
стр. 10:

Послѣ военных бурь и общественной дѣятельности въ санѣ полковника, Шрамъ полюбилъ тишину домашней жизни. Въ случаѣ надобности, онъ посылалъ въ походы сына, а самъ хозяйничалъ на сѣнокосахъ и поляхъ, сиживалъ одинокимъ пустыннокомъ въ пасикѣ, а въ праздники молился съ народомъ Богу, и потомъ распивалъ съ старыми пріятелями меда и наливки; любилъ изрѣдка посѣтить хуторъ такого жъ, какъ и самъ, пасичника, заброшенный въ какомъ нибудь глухомъ байракѣ, чтобы помянуть за чаркой старину; любилъ и у себя въ хатѣ, увѣшанной, по тогдашнему, оружіемъ, употчивать далекаго и близкаго гостя; словомъ - велъ такую жизнь, о какой только можете мечтать козакъ подъ старость. Такъ думалъ онъ окончить дни свои;

Дальше следует вставленный отрывок с рассказом Череваня об освобождении Василя Невольника из неволи, стр. 15:

И, выпивши, онъ опять обратился къ своему доброму дѣду: - что объ этомъ толковать, бгаты? Когда при- шель ко мнѣ Божій Человѣкъ, да спѣлъ свою пѣсню про невольниковъ, какъ они погибають тамъ на галерахъ, да рассказалъ, что и Василь нашъ тамъ же мучится, - такъ я готовъ былъ послѣднюю сорочку отдать на выкупъ! ей Богу, бгаты, такъ!

Отрывок, выражающий настроение Череваня оставаться в стороне от всех настоящих происшествий, стр. 21:

Бгаты! сказалъ Череванъ, полно вамъ толковать про войсковыя суматохи да про чванство! Здѣсь у насъ этого, слава Богу, нѣтъ. У насъ все тихо да мирно. Ко мнѣ ездятъ добрые люди изъ Кіева; я тоже не забываю въ Кіевѣ добрыхъ пріятелей. Пьемъ себѣ да вспоминаемъ старину; а о новомъ времени пускай горюють новые люди!

Следующий разговор между Череванем и Шрамом показывает взгляд последнего на роль Запорожцев в жизни Украины, стр. 63:

-Однакожъ, бгаты, сказалъ Череванъ, запорожскіе брат- чики подали первые руку батьку Хмѣльницкому... И хотѣлъ еще что-то сказать въ защиту "добрыхъ мо- лодцовъ"; но Шрамъ сердито перебилъ его рѣчь: -Кой чортъ! съ чего ты это взялъ? Тѣхъ Запорожцевъ уже нѣтъ на свѣтѣ, что подали Хмѣльницкому руку. Развѣ мало легло ихъ на окопахъ подъ Збаражемъ, на гатяхъ подъ Берестечкомъ, да и вездѣ, гдѣ только сшибалась наша сила съ польскою силою? Они первые шли въ битву,

какъ истинные воины христовы, первые падали подъ картечью и пулями... Теперь они у Господа на небесахъ. А это развѣ Запорожцы? Это винокуры да печкуры нарядились въ краденные жупаны и называются Запорожцами!

Упрекаемый Шрамом за свою нестойкость, Черевань решает доказать ему противоположное и ехать за Шрамом туда, куда и тот поедет. Это решение отразилось на Череване следующим образом, стр. 52:

Въ это время онъ, казалось, выпрямился и помолодѣлъ; такъ старый козацкій духъ, вспыхнувшій въ немъ на минуту, оживилъ его душу, подавленную тучнымъ и лѣнивымъ тѣломъ.

Религиозные чувства Шрама тоже нашли свое выражение в добавленных отрывках, стр. 52; добавленные слова из книги псалмов, здесь не будут цитированы, т.к. о них будет говоритья отдельно;

И потомъ, по своему обычаю, тихо проговорилъ изъ книги псалмовъ, самой любимой у Малороссианъ изъ всѣхъ библейскихъ книгъ:

Особое внимание уделяется восхождению Шрама и его спутников Братским монастырем, стр. 56:

Спутники раздѣляли его чувства, и даже кипящая любовью, негодованіем и ревностью душа молодого козака здѣсь нѣсколько успокоилась; ибо бываютъ минуты у людей воспитанныхъ такъ, какъ онъ, когда посреди самаго страшного разгара земныхъ чувствъ, на томъщуюся душу вдругъ повѣетъ животворная прохлада божественнаго наитія. Къ несчастью, это продолжается только нѣсколько мгновеній. Можно сказать, что ангелъ мира противъ воли улетаетъ отъ возгорѣвшейся страстями души, съ обозженными крыльями, и оставляетъ ее въ жертву собственному пламени.

Тотъ вѣкъ отличался особеннымъ развитіемъ религіозности, такъ какъ народъ былъ убѣжденъ, что Богъ помогаетъ нашимъ противъ католиковъ для спасенія православія; и наши богомольцы, вступя въ церковь, произносили въ слухъ свои молитвы, вѣруя всѣмъ сердцемъ, что они пришли въ домъ Отца Небеснаго. Но громче всѣхъ раздавался голосъ старого

Шрама. Онъ обращался въ Богу словами Псалмопѣвца:

Два отрывка относятся к изображению шумного провода Запорожца-прощальника, стр. 60:

Танцы отъ времени до времени прерывали поѣздъ, и юродивый рыцарь велъ такимъ образомъ шумную ватагу свою на разстоянїи двадцати верстъ до самыхъ монастырскихъ воротъ. Иногда дня два и три употреблялось на этотъ переходъ. Ночью, въ надднѣпровскихъ байракахъ, зажигались огни, варился на ужинъ кулишь, или галушки, и далеко по Днѣпру слышны были рыбакамъ пѣсни и крики запорожскаго прощанья со свѣтомъ. Когда же танцующая оргїя приближалась наконецъ къ воротамъ Межигорскаго Спаса, прощальникъ бралъ въ руки келепъ, и громко стучалъ въ ворота. Монахи, состоявшіе почти изъ однихъ ему подобныхъ стариковъ, знали напередъ о его приходѣ;

Следующій отрывок добавлен тоже для поясненія обычаев и непосредственныхъ действий прощальников, стр. 61:

Такъ рассказываютъ о прощальникахъ малороссїйскіе старожилы, современники послѣднихъ годовъ существованїя Запорожской Сѣчи. Въ XVII вѣкѣ обычай прощаться со свѣтомъ былъ во всей силѣ. Когда Шрамъ и его спутники вышли изъ воротъ Братской колокольни на высокїй рундукъ, музыка загремѣла громче; смѣшанный крикъ и топотъ раздавался въ воздухѣ сильнѣе. Изъ сосѣдней улицы высыпали, какъ изъ мѣшка, Запорожцы, и наполнили все пространство передъ монастыремъ.

Несколько короткихъ мест уделены сватовству Петра и любовнымъ переживаниямъ героев и ихъ размышлениямъ, стр. 36:

Отсутствїе матери было въ глазахъ обоихъ сватовъ важнымъ препятствїемъ къ обрученїю. Но пани Череваниха летала мухою по всему дому, успѣвая хлопотать за десятерыхъ, и какъ разъ во время показалась въ свѣтлицѣ.

Размышления Леси надъ своею любовью и комментарии автора о чувствахъ женщины, стр. 88:

Не жаловалась однакожь она въ душѣ своей ни на старого Шрама, ни на его сына, - ихъ она оттолкнула отъ себя добровольно; не жаловалась и на своего отца, - тому все было ни по чемъ, когда завязывалась прїятельская пирушка; но ея сердце сильно обвиняло жениха, который какъ будто позабылъ, что у него есть невѣста.

Женщине нужно хоть на одинъ мигъ, но полное торжество надъ сильнымъ, гордымъ мужчиною. Леся не имѣла и не могла имѣть надъ Сомкомъ такого торжества. Онъ удостаивалъ ее любви, и не сомнѣвался ни одной минуты въ ея привязанности.

Размышления Петра передъ выкрадываніемъ Леси заслужили, какъ добавочного предложения, такъ и целого отрывка, стр. 98:

Правда - размышлялъ онъ - почему же не быть помощи божіей для освобожденія невольника изъ бусурменской земли, или для того, чтобъ невѣрная Турчанка сдѣлалась христіанкою? Но отъ такихъ разбихахъ, у которыхъ безпрестанно на языкъ какая-нибудь дрянь, и Богъ отступится.

Переживания похищенной Леси в рукахъ Кирила Тура заслуживаютъ добавленнаго отрывка, стр. 102:

Яростный взглядъ, брошенный при этомъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и голосъ, врѣзывавшійся въ самое сердце, заставили бѣдную отмицу повиноваться ея похитителямъ, и только мысленно молить Бога о помощи.

Возвращенію Петра и неожиданной встрече с Лесей тоже отведены два добавочныхъ отрывка, стр. 225:

Какъ не глубока была его сыновняя горестъ, но она поглотила не всѣ его чувства; безпокойство объ участи Леси сильно томило его душу. Ему какъ-то не вѣрилось, чтобъ онъ никогда больше не увидѣлъ ея. Даже разбирая теперь спокойнѣе характеръ причудливаго Кирила Тура и всѣ его поступки, онъ находилъ въ нихъ противорѣчіе съ послѣднимъ поворотомъ его сердца. Коротко сказать - онъ выѣхалъ изъ Паволоча и направился прямо къ Хмарищу, почти въ полной увѣренности, что его Леся тамъ.

Неожиданно услышанный голосъ Леси, стр. 226:

Это былъ голосъ Леси. Она все еще напѣвала пѣсню, но уже не ту, что прежде; теперь ни нѣга, ни любовная грусть не отзывались въ ея голосъ; пѣсня ея была уныла, какъ свистъ осенняго вѣтра между деревьями.

Поведеніе Пугача и его отношеніе къ Гвинтовке, определяется слѣдующимъ добавочнымъ отрывкомъ, стр. 139:

И вышелъ изъ свѣтлицы. Но на дворъ козакъ Гвинтовки слышали, какъ онъ сказалъ мѣщанамъ: - Чтобъ ихъ не-

чистый взялъ съ ихъ вечерю, этихъ пановъ окаянныхъ!
Пойдемъ лучше къ вамъ, дѣтки!

И опять слова Пугача, предвещающего мрачное будущее Украины и
участь ее верных казаков, стр. 210:

Увидите, до чего вы доживете на Украинѣ съ такою
правдою. Не долго попануете! Поднимутся и противъ
васъ такъ, какъ противъ Сомка да Васюты! И не проси-
те тогда у насъ помощи, ледящицы! Хоть пускай мимо
самой Сѣчи плывутъ по Днѣпру ваши тѣла, не двинемся
вамъ на помощь! хоть огнемъ тутъ горите, не придемъ
гасить пожаръ!

Замечание Белозерца - начало вставленных отрывков о Раде и ее
исходе, стр. 171:

-Они уже и безъ того на дорогѣ къ Нѣжину, сказали
Бѣлозерецъ. Я напередъ это предвидѣлъ. А гдѣ же
панъ гетманъ?

На действия происходившие непосредственно перед Радой, Кулиш
употребил три добавочных отрывка подряд, стр. 176-177:

Если бѣ Шрамъ слышалъ эти слова, онъ въ ту жъ минуту
раздробилъ бы ему голову, и отвѣчалъ бы за это пе-
редъ генеральною радой; но въ том-то и дѣло, что
Вуяхевичъ такъ искусно умѣлъ разсѣвать свои отрывис-
тыя фразы, что одни только тѣ ихъ слышали, для кого
онъ назначались.

Войско Сомково шумѣло и волновалось, какъ пчели-
ный рой передъ полетомъ. Теперь уже никто не видѣлъ
надъ собою старшихъ; всякъ сдѣлался самъ дѣйствию-
щимъ лицомъ, всякъ взвѣшивалъ въ своемъ умѣ настоя-
н|я обстоятельства и спрашивался у собственного про-
извола, что предпринять ему. Зловредныя сѣмена, посѣян-
ныя въ козацкихъ умахъ умышленными угрозами Вуяхевича,
пустили немедленно ростки и дали плодъ свой. Въ иныхъ
мѣстахъ по табору козаки трактовали въ слухъ о своей
старшинѣ, вспоминая всякую непр|ятность, испытанную
ими когда либо отъ сотниковъ и полковниковъ. Старшина,
слушая эти толки, приходила въ ужасъ и робко усмирляла
своихъ подчиненныхъ. А между тѣмъ козаки толпами ухо-
дили изъ стану въ Романовскую Куть, и каждую минуту
можно было ожидать, что все войско оставитъ лагерь и
уйдетъ къ Бруховецкому.

Можетъ быть, это и случилось бы, если бѣ Шрамъ,
созвавъ на скоро частную раду, не произнесъ къ коза-
камъ сильной увѣщательной рѣчи. Впрочемъ на войсковую
чернь не столько подѣйствовали его политическіе до-
воды, сколько имя Христа, которое онъ нѣсколько разъ

повторялъ энергическимъ голосомъ, поднимая вверхъ сіяющій крестъ съ распятіемъ. Когда души чѣмъ нибудь сильно встревожены, когда люди, въ запутанныхъ и угрожающихъ обстоятельствахъ, не знаютъ, куда обратиться и гдѣ искать спасенія, тогда легче всего дѣйствовать на нихъ Словомъ Божиимъ. Съ дѣтскою покорностью, съ сознаніемъ челоѳческой своей немощи, они обращаются къ зовущему подъ покровъ вѣры голосу, и рѣчь проповѣдника разливается по стѣсненнымъ сердцамъ, какъ живительное лекарство. Увѣщаніе Шрама сковало всѣ уста и смирило всѣ души. Старшина ободрилась, и, не довѣряя подчиненнымъ, сама заняла всѣ пикеты.

Размышления автора о проишествіяхъ, последовавшихъ непосредственно Черной Раде, нашли выраженіе в добавочномъ отрывкѣ, стр. 203

Въ этотъ день произошло столько дивнаго, ужаснаго и потрясающаго душу, что добрый челоѳкъ едва вѣривъ своимъ глазамъ и ушамъ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, очень похоже было на неестественныя событія, вяжущіяся одно съ другимъ въ тяжеломъ снѣ. Умъ его былъ всемъ этимъ наконецъ до того подавленъ, что онъ не могъ ни о чемъ думать, и стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, устремивъ безъ смысла глаза на удаляющагося отъ него Тараса Сурмача съ его бургомистрами.

Замешательство в лагере московскихъ бояръ выражено на стр. 195:

Онъ привелъ съ собою сильный отрядъ пѣхоты; но ни онъ самъ, ни его подчиненные, не знали, какъ употребить ее въ дѣло при такомъ страшномъ замѣшательствѣ. Московская рать стояла подъ ружьемъ, какъ оцпенѣлая, что вокругъ нея дѣлается и ожидая съ каждой минутою нападенія отъ козаковъ.

Смешанные чувства Бруховецкаго после своей победы представлены на стр. 214:

Этотъ несвязный разговоръ съ самимъ собою то вырывался у него какъ бы противъ воли сквозь зубы, то договаривался мысленно. Иногда онъ останавливался, но не простоявъ и полъ-минуты, опять принимался ходить.

д/ Перефразированные отрывки

При подробном сравнении двух произведений в вольном переводе пропуски и добавления очевидны. Отрывки иначе написанные нуждаются в тщательном рассмотрении, так как автор нашел нужным их перефразировать.

Художественный перевод отличается от оригинала в лексических особенностях. Эстетическая сторона произведения должна остаться неизменной. Для того чтобы сохранить свойственный дух и эстетику оригинала и не нарушить баланс в переводе, автор прибегает к метафорам, сравнениям, фразеологическим соединениям и поговоркам, переведенным не в соответствии одного издания к другому. Буквальный перевод идиомов не приводит к удовлетворительному результату. Равноценные слова на разных языках в контексте приобретают разные значения. Часто, при переводе, Кулиш поясняет то или другое предложение, развивая первоначальную мысль, обогащая ее описанием обычаев, мифическим преданием или примером из исторического прошлого. В большинстве случаев такие эскапады очень удачны, в особенности при изображении природы, усадьбы или исторических событий. В местах же где Кулиш в оригинале употребил поговорку, поговорку или восклицание, в переводе он заменил их плавным многословным пояснением, что иногда растворяет первоначальные сгущенные краски.

В нижеприведенных примерах разница в объеме сравниваемых отрывков очевидна, на другие отличительные стороны

укажется особо. Изменения, проведенные автором в русском издании, в формуле войдут в раздел замен и отметятся знаком /5/.

Сперва подается текст оригинала, а потом перевода, или оригинал ставится на левой стороне, а перевод на правой.

В первую очередь следует отметить расширенные и обогащенные при переводе отрывки.

Первые два открывают картину хутора Хмарища, нарисованного при переводе более подробно. Упоминание о смутных временах недавнего прошлого сделано в русском издании дважды.

Страница 4. Стъ же вонї вже й підъ Хмарищемъ. А те Хмарище було окрите гайми, справді наче хмарами. Кругомъ обняла ёго річка, зъ зелєними плавами, лозами й очеретами. Черезъ річку йшла до воріть грєбедька. А ворота въ Череваня не прости, а державськи!, Замісь ушудь, рублена башта, підъ донтовимъ щитомъ, и підъ башту вже дубові ворота, густо одъ верху до низу цвяховані. Бувало тогді, у ту старовину такє, що и въ-день и въ-ночі сподівайсь лихого гостя-Татарина, або Ляха. Такъ надъ ворітьми у башті було й віконце, щобъ роздивитись перше, чи впускать гостя до господи, чи ні. Надъ щитомъ-гостровєрхий, грєбєнь изъ дубовихъ паль, а округъ хутора - валъ.

Страница 9. Вотъ они и у Хмарища. Хуторъ Череваня стоялъ въ болотистой долині, надъ небольшою рѣчкою, черезъ которую вела къ нему узкая плотина; за плотиною насыпанъ былъ валъ-ибо времена тогда были смутныи-и въ валу надъ крѣпкими дубовыми воротами возвышалась широкая, низкая деревянная башня, какъ въ настоящей крѣпости. Въмѣсто зубцовъ, она убрана была частоколомъ, изъ-за которого удобно было отстрѣливаться, въ случаѣ нападенія непріятелей; а надъ воротами прорублено было въ ней оконце для пушки, которой однакожь на этотъ разъ въ немъ не было видно. За отсутствіемъ пушки, оно служило единственно для того, чтобъ посмотрѣть, кто пожаловалъ въ гости къ пану Череваню, прежде чѣмъ отворить ворота: предосторожность необходимая, ибо времена, повторяю, были тогда смутныя, и не каждого гостя впускали въ хуторъ безъ разбору.

В следующих двух отрывках, при изображении положения Украины после смерти Хмельницкого, перевод обогащен метафора-

ми: "странѣ волноваться, горѣть пожарами, обливаться кровью" и другими; подробным описанием действий польских помещиков.

Страница 14 Коли жь дивитця, ажь изновъ не гараздъ починаетця на Україні. Свари да чвари, и вже гетьманскою булавою почали йгратись, мовъ цїпромъ. Повернулось у старого сѣрце, якъ почувъ, що козацька кровь иллетця по-надъ Днїпромъ черезъ Выговського и черезъ навихѣнного Юрся Хмельничѣнка, що одержавъ послї єго гетьманованнє; а якъ досталась одъ Юрся булава Тетерї, то вїнь ажъ за голову захопився. Чи молитця, чи Божу службу служить, одно въ єго на думцї: що ось погибне Украина одъ сєго недруга отчизного. Було, чи вийде середь цѣркви зъ наукою, то все одно мирянамъ править: "Блюдїтеся, да не порабощенї будете; стережїтеся, щобъ не дано васъ изновъ Ляхамъ на поталу!"

Страница 10 Такъ думаль онъ окончить дни свои; думаль, что Малороссїя наконецъ успокоится отъ войнъ, опустошавшихъ ее въ теченїи полувѣка. Но этой странѣ предназначено было долго еще волноваться, горѣть пожарами и обливаться кровью. Сперва замутилъ козацкїя головы хитрый Выговскїй; потомъ недостойный сынъ Хмельницкаго, Юрїй, своимъ слабодушїемъ далъ Полякамъ возможность схватиться снова за Украину. Преемникъ Юрїя Хмельницкаго, Павелъ Тетера, радъ былъ отдать имъ во власть все безоружное населенїе края, лишь бы только удержать за собою лестное имя козацкаго гетмана. Уже польскїе паны, пользуясь его потачкою, входили въ старыя свои права на западной сторонѣ Днѣпра; подъ ихъ защитою и Жиды начали прибирать къ своимъ рукамъ откупа и разныя отрасли промышленности. Старый Шрамъ видѣлъ, къ чему это клонится; душа его возмущалась страшными опасенїями. Лучшая часть Малороссїи, по Днѣпръ, именно та, которая всего больше употребила усилїя для соединенїя съ Московскою Русью, готова была отпасть отъ нея въ добычу иновѣрцамъ. Всего грустнѣе было предчувствовать это сподвижнику Хмельницкаго, и онъ рѣшился противодѣйствовать Тетерѣ всми возможными мѣрами.

Онъ предостерегалъ простолюдиновъ отъ обольщенїй противомосковской партїи, и поселялъ недоувѣрчивость и нелюбовь къ гетману въ козакахъ, на которыхъ всегда имѣлъ великое влїянїе.

В рассказе Божьего Человека о действияхъ Сомка, в русском издании, образ гетмана и подробности его жизни сделаны

обширнее.

Страница 26 "Одностайне", каже; "и самъ преосвященный Меодій бувъ тамъ и до присяги козаківъ приводивъ; да, якъ Сомко собі чоловікъ прямота, то й не въ догадъ ёму, що святий отецъ думавъ, мабуть, заробить собі яку сотнягу, чи дві, червонихъ на рясу. А Васюта Ніженський водивсь у старовину зъ Ляхами, такъ проноза вже добрий:

Страница 16 Избрали, и самъ преосвященный Меодій былъ тамъ, и приводилъ козаковъ къ присягѣ гетману Сомку; а послѣ опять все разстроилось; а разстроилось, коли хочете знать, отъ Сомковой прямоты, а иные говорятъ - отъ скупости. Ну, я Сомка знаю не за скупаго. Теперь-то онъ казну свою бережетъ крѣпко, только на добрыя дѣла, на общую корысть, а не изъ скупости. -Какое же кому дѣло до его казны? спросилъ угрюмо Шрамъ. -А такое, какъ и до крамныхъ коморъ. Зависть! Но тутъ вотъ откуда подулъ нехорошій вѣтеръ. Отецъ Меодій надѣялся заработать у Сомка за козацкую присягу какую-нибудь сотню червоныхъ на рясу, а Сомку и не въ догадъ. Ну, оно и ничего бы, да тутъ Васюта Золотаренко подвернулся съ искушеніемъ. Водился онъ въ старыя годы съ Ляхами, звался у нихъ паномъ Золотаревскимъ, и изучился всякому пронырству.

В разговорѣ с тем же Божимъ Человекомъ узнаемъ изъ русско-го издания больше объ Иванцѣ и его жизни при Хмельницкомъ.

Страница 27 "Одвѣживъ соли добре", каже Божий Чоловікъ, "да зробивъ не гораздъ. Иванецъ бувъ собі не значний товаришъ, да, за своєю щирою службою старому Хмельницькому, мавъ велику въ ёго повагу и шанобу.

Страница 18 -Отвѣсилъ соли, да себѣ въ убытокъ. -Какъ такъ? -А такъ, что не слѣдовало бы вельможному Сомку задѣвать Иванца. Иванецъ конечно былъ себѣ человекъ незнатный, да почетный. Служилъ онъ усердно батьку Богдану; на Дрижмполь даже спасъ его отъ вѣрной смерти, самъ попался въ плѣнь, и принялъ отъ невѣрныхъ много муки. Можетъ быть, и навѣки тамъ бы пропалъ, когда бы старый Хмельницкій не выкупилъ дорогою цѣною. Въ чести былъ у гетмана Иванецъ, но не бралъ отъ него ни золота, ни уряду. Простенькой, смирененькой былъ себѣ человекъ, и незамѣтно совсѣмъ было его въ домъ. Ты бы сказалъ - такъ себѣ служака: а посмотри, въ какомъ почетѣ у ясневельможнаго!

Следующие два отрывка взяты из того же разговора Божьего Человека с Шрамом. Перевод содержит поучения слепца и диалог. В оригинале вставлено в начале отрывка четверостишие из песни бандуриста.

Страница 31 "Ні, пан'отче", перебивъ ёго кобзарь, "не слідь мині встрявати до ти! заверу́хи.

Не намъ тее знати.

Не намъ про те, за те раховати:

Наше діло Богові молитись,

Спасителю, христитись....

А більш", каже, "мині не по-нутру отта мизёрная пиха, що розвелась усюди по Гетьманщині!. Почали значні козаки жити на Лядській кшталть изъ великої рѣскоши. И вже байдуже їмъ теперъ старосвітські співи, що й людянь у-подобу, и Богу не противні: держать коло себе хлопцівъ изъ бандурками, що тільки й знають ризати до танцівъ. Духъ мій не терпить сего!... И наша темна старчота, ради тієї ледащї горілки, бринчить їмъ на кобзахъ усячину. Забули й страхъ Божий. Уже жь ти не бачишь нічого, уже тебе наче взято изъ сего світу: такъ чого жь тобі вертатись до гріхівъ людськихъ? Умудривъ Господь твою сліпоту, то співай же добримъ людянь, не прогнівличи Господа; такъ співай, щобъ чоловікъ на добре, а не на зле почувся!"

"Братці!" сказавъ Черевань, "отъ я почувсь на добре. Ходімо лишъ до хати. Тамъ намъ дадуть такихъ варениківъ, що всяке горе на душї одлігне. Годі вже вамъ гуторить про свої смутки. Я радуюсь, що Господь пославъ мені такихъ гостей, а ви тільки охаєте та стогнете. Не засмучайте моєї гостини, забудте свої гирки! думи хочъ на сегоднїшній вечір."

Страница 21 -Нѣтъ, мой добродѣй, отвѣчалъ бандуристъ, не намъ мѣшаться въ ваши усобицы: намъ указаль Господь особую дорогу. Будеть съ меня и давнишихъ походовъ. Богъ отняль у меня очи и повелѣль мнѣ идти другимъ путемъ къ вѣчному свѣту...

-Ты и пойдешъ своимъ путемъ, сказала Шрамъ: никто тебя съ твоей дороги не совратить. Мы саблею, а ты разумнымъ словомъ; мы военнымъ совѣтомъ, а ты пѣснями направиль козацкія сердца къ согласію.

-Не мнѣ учить васъ, козаковъ, коли васъ бѣды не научили! отвѣчалъ Божій Человѣкъ. Да и слушать меня никто изъ вашихъ старшинъ не будетъ. Все теперъ полѣзло въ панство да въ чванство.

Разбогатѣвши, всѣ стали такъ умны, что нашему брату только и бесѣды, что съ простымъ народомъ. Старшина стала черезъ-чуръ шляхетствовать. Тѣ же недоляшки!.. Уже имъ не по вкусу и старинныя козацкія пѣсни, которыя и людей возвеселяютъ, и Богу не противны. Вмѣсто кобзарей завели себѣ мальчиковъ съ бандурами, — играй имъ только къ танцамъ, да къ смѣхотворству. И наша темная, невидящая старчота, ради того несчастнаго куска хлѣба да чарки горилки, бренчить имъ всячину; забыли и страхъ божій. Ужѣ жь ты не видишь ничего, уже ты какъ будто взять съ этого свѣта: за чѣмъ же тебѣ возвращаться къ грѣхамъ человѣческимъ? Умудриль Господь твою слѣпоту, такъ пой же добрымъ людямъ не прогнѣвляя Господа; такъ пой, чтобъ человѣка не на зло, а на добро направить!

—Братцы! сказала Черевань, полно вамъ толковать про чванство! Здѣсь у насъ этого, слава Богу, нѣтъ. У насъ все тихо да мирно. Ко мнѣ ѣздятъ добрые люди изъ Кіева; я тоже не забываю въ Кіевѣ добрыхъ пріятелей. Пьемъ себѣ да вспоминаемъ старину; а о новомъ времени пускай горюютъ новые люди! Пойдемте-ка въ хату. Когда задумали вы ѣхать за Днѣпръ, то помогите вамъ, Боже; но только прошу васъ, не говорите больше объ этомъ. Отложимъ, бгачцы, на этотъ вечеръ всякое попеченіе и повеселимся такъ, чтобъ ажъ ворогамъ було тяжко!

Картиной Кіева обогащен следующий отрывок.

Страница 57 Тутъ саме виѣхали вони из-за горі. Передъ ними такъ и заблищало, такъ и замиготіло, такъ и замережило церквами, хрестами и будинками. Святій городъ сиявъ якъ той Єрусалимъ. Сонце ще не піднялось високо; такъ не то що церкви й хоробми, да й зелені сади, и все, що загляділо око въ Кієві, усє горіло мовъ парча золототканная.

Страница 41 Въ это время богомольцы наши достигли горъ, которыя идутъ рядомъ дикихъ картинъ отъ Кирилловскаго монастыря до Подола, и передъ ними открылся во всей красѣ видъ Кіева съ своими церквами и монастырями, съ замкомъ на горѣ Киселевкѣ, съ деревянными стѣнами и башнями, обнимавшими во кругъ Подоль, и съ дальнимъ планомъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, посреди котораго тогда стояли Никольскій и Печерскій монастыри, нынѣ окруженные расширившимся Кіевомъ. Солнце еще только что выкатилось изъ-за деревьевъ, и все въ его розовомъ сіяніи — сады, церкви, горы Кіевскія и дома горѣли, какъ золототканная парча.

Обычай отмечать семейные праздники со всеми

встречными расширен в переводе.

Страница 63 Идутъ наши прочане по тихъ закоулкахъ, ажъ див-
лятця - посередь улиці збѣлись вози у купу.
Шрамъ пославъ сина прочистити дорогу. Поскочивъ
Петро до возівъ; гляне, ажъ за возами, коло хат,
передь саночками, сидитъ юра людей. Посе-
редині килимъ; на килимі пляшки, чарки и всяка
страва.

Страница 44 Выбавъ на одинъ изъ такихъ пустырей, называю-
щихся майданами, богомольцы наши, къ удивленію
своему, увидѣли, что онъ весь загроможденъ во-
зами, волами и лошадьми, какъ на ярмаркѣ. Шрамъ
послалъ сына впередь прочистити дорогу; но это
не такъ-то легко было сдѣлать. За возами, у две-
рей одной хаты, сидѣла толпа народу вокругъ ков-
ра уставленного сулеями, кружками, чарками и
разного рода посудокъ. Не трудно было догадаться,
что хозяинъ той хаты даетъ открытый пиръ по ка-
кому-нибудь торжественному въ семействѣ своемъ
случаю. Въ тѣ времена существовалъ обычай, по
которому глава семейства, въ изъявленіе своей
радости о рожденіи сына или дочери, о богатомъ
урожаѣ и счастливомъ окончаніи уборки хлѣба,
или по какому-нибудь подобному случаю, разсти-
лалъ у порога своей хаты скатерть или коверъ,
становилъ на немъ разныя кушанья и напитки, и
приглашалъ выпить и закусить всякаго, кто про-
ходилъ или проѣзжалъ мимо.

Очередное обогащение сделано за счетъ пояснения пожерт-
вованій в Братскомъ монастыре. В русском издании употреблен
старо-славянизм "скорбоня", не введенный в украинском издании.

Страница 82 Постобязши прочане наши въ церкві, подали срібла
пан'отцямъ Братськимъ на школи, и прогались
геть-то, оглядаючи монастиръ.

Страница 56 У дверей церкви стояла такъ называемая скорбо-
ня, въ которой хранился скарбъ, пожертвованный
ревнителями просвѣщенія народного, такъ какъ
Братство продолжало существовать въ смыслѣ мо-
настырч-училища. Щедрою рукою опустили туда свой
вкладъ "на школы" наши богомольцы, и особенно
Шрамъ, и не вдругъ оставили Братскій монастырь,
хотя главною цѣлью набожнаго посѣщенія Кіева
были для нихъ пещеры, въ которыхъ покоятся ве-
ликіе подвижники первобытной церкви южно-рус-
ской.

Обычай Запорожцев удалаться в старости в монастырь обогащен в переводе подробностями и отличается утонченными выражениями.

Страница 84 Що жь то було за прощаннє зь світомъ? Була, то въ Запорозці въ гульня, на диво всѣму мирові!.. Якъ доживе було которий Запорожець до великої старости, що воєвати вільшь не здужае, то набѣе чересь дукатами да забере зь собою приятелівъ душъ тридцять, або й сорокъ, да й іде зь ними въ Київъ бенкетовати. Дома у Січі, ходять у сермяжкахъ да въ кажанкахъ, а ідять мало не саму соломаху, а тутъ жупани на їхъ будуть лудани, штани изъ дорогої сати; горілка, меди, пива такъ за іми въ кұфажъ и іздять, - хто стрінетця, усякого частують. Тутъ и бандури, тутъ и гуслі, тутъ и співи, й скірки, и всякі вкрутаси. Отсе одкуплять було бочки зь дїгтемъ, да й розіллють по базарю; одкуплять, скілько буде горшківъ на торгѣ, да й порозбивають на черепье; одкуплять скілько буде мажъ изъ рибю, да й пороскидають по всѣму місту: "Іжте, люде добрі!"

А погулявши неділь изоб дві да начудовавши увесъ Київъ, ідуть було вже зь музиками до Міжигорського Спаса. Хто жь іде, а хто съ прощальникомъ танцюе до самого монастыря. Сивий, сивий якъ голубъ, у дорогихъ кармазинахъ, вискакуе, попере-ду ідучи, Запорожець; а за нимъ везуть боклаги, зь напитками и всякі ласощи. Пий й іжъ до своєї любости, хто хочеть.

А вже якъ прийдуть до самого монастыря, то й стукае Запорожець у ворота.

Страница 58 Что же это было за прощанье со світомъ? Это былъ одинъ изъ тѣхъ обычаевъ юродиваго рыцарства козацкаго, въ которыхъ, подь наружными формами разгула и буйства, скрывалась аскетическая мысль презрѣнія къ временнымъ благамъ жизни. Немногіе изъ Запорожцевъ доживали до глубокой старости, и почти каждый старикъ дѣлался подь конецъ жизни уединеннымъ аскетомъ. Иные шли въ монастырь, а другіе забивались въ безлюдную глушь и, подь видомъ пасичника, предавались стогому посту и постоянной молитвѣ. Видимо для людей ни одинъ истинный братчикъ не казался, и считалъ долгомъ не казаться, благочестивымъ. Поэтому и самое вступленіе въ монастырь сопровождалось у нихъ разгуломъ и юродствомъ. Доживъ до глубокой старости, и чувствуя себя неспособнымъ болѣе къ козакованью, Запорожець просилъ выдѣлить изъ кружки слѣдующую ему часть общаго скарбу, наби-

валь рублями, талерами и червонцами чересь, талерами и червонцами чересь, приглашалъ съ собой человекъ двадцать, сорокъ или и пятьдесятъ товарищей, и отправлялся въ Кіевъ прощаться со свѣтомъ. Дома, въ Сѣчи, Запорожцы носили простыя сермяги или кожуки-нажанки, а питались почти одною соломатою съ прибавкою рыбы, а въ Кіевѣ являлись во всемъ блескѣ тогдашней роскоши, на прекрасныхъ коняхъ, съ шитыми золотомъ рондами /уборами/, добытыми на войнѣ у Поляковъ, въ саетовыхъ, кармазинныхъ, штофныхъ и атласныхъ жупаняхъ и въ кованыхъ поясахъ, изъ которыхъ, по народному выраженію, капало золото. Прощальникъ одѣтъ былъ всехъ ярче и роскошнѣе. Онъ гарцовалъ на конѣ впереди своихъ провожатыхъ, дико вскрикивая, какъ степной орелъ, и потомъ грустно опуская сѣдые усы на грудь. Онъ преводилъ танцами, которые отъ времени до времени затѣвали Запорожцы посреди кіевскихъ улицъ, на диво всему народу. Онъ швырялъ горстями серебра музыкантамъ, которые шли за нимъ не умолкая. Онъ поилъ на свой счетъ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго, и безпрестанно покрикивалъ братчикамъ, которые ѣхали тутъ же съ баклагами и ковшами: "Частуйте, братчики, добрыхъ людей! нехай знаютъ, якъ Запорожець изъ свѣтомъ прощается!" Онъ, повстрѣчавъ чумака съ возомъ рыбы, покупалъ у него весь товаръ, и велѣлъ раскидать по улицѣ, приговаривая: "Іхте, люде добрі да споминайте прощальника! Онъ устилалъ слѣды своей пятаками, распоровъ нарочно карманы въ жупанѣ, и, танцуя отяжелѣвшими отъ старости ногами, приговаривалъ къ мальчишкамъ: "Беріть, беріть, вражі діти, на бублики!" Онъ, наткнувшись на товаръ горшечника, продолжалъ со всей компаніей бѣшеный танецъ, какъ-будто ничего не замѣчая. Онъ, наконецъ покупалъ бочку дегтю и разбивъ ее келепомъ, танцевалъ тутъ же гопака въ своихъ сафьянныхъ сапогахъ и въ своихъ саетовыхъ шароварахъ, которыхъ цѣны нынѣшніе рассказчики выражаютъ словами: Давъ бы гривню, аби подивитъця. Этимъ способомъ Запорожець выражалъ свое презрѣніе къ роскоши и отчужденію отъ временныхъ благъ жизни. Погулявъ такимъ образомъ нѣсколько дней и изумивъ весь Кіевъ, прощальникъ шелъ пѣшкомъ въ Межигорскій монастырь, или, какъ выражались братчики, къ Межигорскому Спасу. За нимъ шли и ѣхали товарищи съ неумолкавшими музыкантами, съ баклагами и ковшами. Толпа народа провожала поѣздъ.

Дальше автор обогащает первоначально сказанное пояснением обычая относительно самостоятельности женщин.

Страница 90 Череззаниха тежъ поспішала до ридвана, бо до Запорощя приставъ другий братчикъ,...

Страница 64 Женщины, по обычаямъ того грубого вѣка, представлены были собственнымъ заботамъ. А онѣ нуждались теперь болѣе прежняго въ охранѣ, потому что къ веселому Запорощу присоединился еще одинъ "братчикъ",...

Дальнейший обширный отрывок обогащен при переводе величественной картиной ночи, мифическим преданием о пятнах на луне, переданном в подробностях.

Страница 148 Не нїмє було козаків! те небо и місяць, и зори: чи погляне на місяць, на єго плями, чи погляне на зори, то й серце, и думка єго розжєвріє, якъ одь Божого слова. Чого на місяці ти! плями? Вїнь знавъ, чого. То ще якъ Кайнь убивъ Авеля, то Богъ назнаменавъ на місяці той грїхъ своєю рукою: "Дивітєся", каже, "люде: такъ якъ сей Кайнь до віку вїчного нестимє на плєчахъ мєртвє братнє тїло, такъ усякий душегубецъ носитємє до віку, до суду тяжкий грїхъ свїй. А зори? то людськї души. Якъ заснє грїшне тїло, добрі дїши, покинувши землю, зносятця до Господа Бога, купаютця, обливаютьця у небєсному свїті, підслухаютъ, що говорять на неї ангєли. Якъ-жє часомъ покотитця по неї и погаснє ясна зоря, козакъ перекреститця и помолитця за усопшу дїшу. Іншї зори щастять у єго на врожай, иншї на скотъ, а Вїзь-чумацька щасливє зоря.

Ясна, пишна була нїчь надъ Печєрськимъ, да одинъ тїлько чоловікъ дививсь на її дива; не снавъ, дививсь и нїчого не бачивъ. Вже жь не хто сей одинъ, якъ той сердега Петро Шрамєнко. Кому сонъ, а єму тїга да жалъ, да досада. Довго вїнь ворочавсь на свої бурці!; далї вставъ, натягъ жупанъ да й вийшовъ у гай фїрточкою.

Бідний козакъ таївсь одъ усїхъ изъ своїмъ коханнємъ, бо тїлько бь изъ єго насмїявся. Козаки не дуже здавались у любоци; знали сю нємїчь найбільшь дївчата да молодїцї; вони-то поскладали й оттї піснї, оттї нїжни розмови козака зъ дївиною, або милого зъ милою, що слухаєшь, и не наслухаєсья.

Страница 94 Величественная картина ночи поселила въ умѣ Украинца рядъ благочестивыхъ и поэтическихъ мыслей. Мїсяць своими таинственными пятнами напоминаетъ ему вражду двухъ первыхъ братьевъ. Чтобъ предостерегать на вѣки вѣковъ родъ чело-

вѣческій отъ подобнаго злодѣяннiя, Богъ начерталь своею рукою на этомъ свѣтилѣ небесномъ образъ Каина, несущаго на плечахъ своего брата, въ знаменiе того, что никогда память о содѣянномъ убiйствѣ не оставитъ совѣсти преступника. Звѣзды представляются воображенiю Украинца человѣческими душами, которыя, воспользовавшись усыпленiемъ грѣховной плоти во время ночи, вознеслись къ своему Творцу, чистыя и блистательныя. Если покатится по небу и погаснетъ падающая звѣзда, Украинецъ заключаетъ, что погасла жизнь какого-нибудь человѣка, и усердно перекрестится, прося Бога отпустить ему грѣхи его. Къ нѣкоторымъ изъ неподвижныхъ звѣздъ и созвѣздiй онъ обращается, какъ къ священнымъ знакамъ творческой руки божiей, благотѣльнымъ для разныхъ временъ года, для разныхъ занятiй, промысловъ и тому подобнаго. Тамъ созвѣздiе Возъ /Большая Медвѣдица/ считается благотѣльною звѣздою чумаковъ; другiя покровительствуютъ хатвѣ, скотоводству, и проч.

Ночь, распростершаяся надъ Печерскимъ монастыремъ и его холодными лѣсами, была прекрасна; но никто не любовался ею, хотя и было въ числѣ разгульныхъ богомольцевъ одинъ человѣкъ, который напрасно думалъ найти сонъ на травѣ, покрывавшей подворье. Этотъ человѣкъ долго переворачивался съ одного боку на другой, вздыхалъ, изрѣдка стоналъ, подобно раненному воину, который, при всемъ своемъ мужествѣ, не можетъ перенести терпѣливо боли своей раны; наконецъ онъ всталъ и вышелъ сквозь низенькую калитку въ лѣсъ.

Не трудно догадаться, что это былъ не кто другой, какъ Петро, который тайлъ отъ всѣхъ несчастную любовь свою, и тѣмъ жестоко мучился. Да и къ чему было бы ему кому-нибудь открываться, если такая откровенность, вмѣсто участiя, дала бы иному случай посмѣяться надъ чувствами, которыя всякiй влюбленный считаетъ самыми священными въ душе своей? Если и въ нашъ образованный вѣкъ такъ не высоко цѣнить любовь къ женщинѣ, то что же сказать о томъ грубомъ вѣкѣ, когда женщину принимали въ спутницы жизни только по матерьяльнымъ нуждамъ, а не по требованiю сердца, чувствующаго себя неполнымъ, недосозданнымъ? Въ старину у насъ любили, можно сказать, однѣ женщины: доказательствомъ тому осталось множество сложенныхъ ими пѣсень. Мужчина только тогда возвышался до чувства поэтической любви, когда дѣлался семьяниномъ и отцомъ.

Другое мифическое предание о воробье и его мучителях подробнее описано в переводе.

Страница 220 Княгиня перекрестилась, как дитина, и щото! бацця, нічого не завахають слова, а Лёся, да й сама Череваниха, насилу змогли дивитись безъ слізъ на ту нещасливу невісту. Такъ якъ бідний горбчикъ попадаётця у руки хлопьятамъ та й не знае, за що надъ їмъ знуцають, а ти! ёму виспівують, якъ Жиди Христа мучили, крутять да підкидають у-гору; такъ ся безталанна княгиня попалась теперъ мѣжъ козаки; и що тамъ ти! князі, сенатори да великі пані наробили, про що вона й не відала, за все теперъ одвічае.

Страница 134 Княгиня, какъ дитя, перекрестилась по православному.

Она была самое жалкое существо между этими людьми, добрыми по своему, но жестокосердечными тамъ, гдѣ ими управляла народная ненависть, воспитанная въ Украинцахъ долговременными страданіями ихъ подъ игомъ пановъ польскихъ. Она подобна была воробью, попавшему въ руки сельскимъ мальчишкамъ, которые, по мифическому преданію, считают себя въ правѣ дѣлать съ нимъ все, что только можетъ придумать дѣтская злость. Она не відала, какъ несправедливо, какъ возмутительно было для большинства необузданное господство пановъ и шляхты въ Украинѣ; ей не входило въ голову, среди блеска, роскоши, пріятныхъ бесѣдъ и танцевъ, что отъ этихъ веселостей обливаются кровью тысячи сердець, столь же чувствительныхъ, какъ и ея собственное, что вражда къ ея сословію и племени всасывается подавленной толпою съ молокомъ матери, что кругомъ высокихъ, звучащихъ музыкою палатъ, растутъ и мужають въ убогихъ хатахъ мстители, и что прольются рѣки шляхетской крови за серебро и золото, извлекаемое изъ шляхетскихъ имѣній. Веселая, добрая, щедрая, она далека была отъ мысли, что участвуетъ въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ челоуѣчества; и даже теперь, неся жестокую кару за нихъ, она не понимала, за что судьба послала ей такую участь. Она тѣмъ болѣе была жалка, что не понимала этого!

Кулиш часто увлекается п р и р о д о й и при переводе такихъ местъ употребляетъ новые метафоры и сравненія, обогащая свое повествованіе.

Страница

150 Ходить вінъ, снавидає по гаю, и самъ не знає, чо́го. Місяць ставъ уже на небі нїжче; світить найско́сь по траві, по ку́шажь, по береза́хъ. Нічь уже на исхо́ді. Якъ ось, чує Петро - тупотать коні!...Усе́ ближче, ближче. Розпознає нешвидку́ рись дво́хъ ступаки́хъ. Зверну́въ зъ до́рїжки за ку́щъ, щобъ ні съ кимъ не зустрѣ́тись. Якъ ось, чує й людську́ мову. По зорі́ усяке сло́во доходить до є́го чисто. За́разъ позна́въ Кирила Ту́ра го́лосъ, а по Черно́горскому бре́ да мо́ре позна́въ є́го побратима.

Страница

96 Петро медленно бродилъ по узкой дорожкѣ, извивавшейся извивавшейся между старыми дубами и березами, сквозь которыя мѣсяць, спустившись съ высоты неба, проливалъ по травѣ и по истрескавшимся корнямъ древеснымъ длинныя полосы свѣта. Ночь была уже на исходѣ. Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу конскій топотъ. Шумъ постепенно къ нему приближался. Опытный слухъ его сквозь пѣніе соловьевъ распозналъ умѣренную рысь двухъ лошадей. Избѣгая, съ кѣмъ бы то ни было, встрѣчи, онъ отошелъ въ сторону, и черезъ минуту, или черезъ двѣ, началъ различать голоса двухъ разговаривающихъ людей, изъ которыхъ въ одномъ не трудно было узнать Запорожца Кирила Тура. Несвободная, наполненная ошибками противъ языка и перемѣшанная сербскими восклицаніями бре и море, рѣчь его собесѣдника обнаруживала всегдашняго спутника его, Богдана Черногора.

158 Ви́хали съ пущи на поле, ажъ уже на сході́ сонця зоря́ перемогаетъ місяць. Почерво́ніло небо; починає на світь займа́тись. До́рїга то спуска́лась у-ни́зь, то зновъ підійма́лась у-го́ру. Зы́хавши на високій кра́хъ, озирну́въсь Кирило Ту́рь, ажъ изъпідъ га́ю хтось мчі́тця навза́води, на сі́вому коні́. Вінъ зупини́въсь да й ка́же:

102 Когда они вы́хали изъ лѣсу на открытое поле, блѣдный лунный свѣтъ боролся уже съ розовымъ отблескомъ зари, которая начинала окрашивать своимъ пурпуромъ восточный горизонтъ. Поля простирались передъ ними широкими волнами, и дорога то спускалась въ долину, то подымалась на отлогую возвышенность. Взвѣхавъ на одну изъ такихъ возвышенностей, Кирило Ту́рь оглянулся, и, замѣтя подъ лѣсомъ скачущаго во весь опоръ козака, сказалъ:

За щет природы и размышлений Петра о похищении Леси обогашен и следующий отрывок перевода.

Страница 155 Кони надѣхали ближе. Дивитця Петро - Кирило Турь держитъ передъ собою Лесю на сидлѣ, якъ дитину. Ажъ сумно ёму стало. Лёся була зовсімъ якъ очарована. Сидить, голубонька, схиливши голову, а рукою держитця за плече Запорожця. А той одною рукою піддержуе бранку, а другою править коня. Сердечна тільки стогне, мовъ увосн! щось страшнѣ бачить. Щось неначе й говорить, да за соловьями не можна разобрати: соловьи передъ свѣтомъ самѣ розщебетались.

Жаль Петру стало Лес!; уже хотѣвъ выйти зъ-за куца, заступитъ отмичарамъ дорогу да й битись, не вважаючи ні на яки чари; да вхопивсь, ажъ при ёму нема шаблі. Уже вони й обминули ёго, а вінъ ище стоить, не знаючи, що чинити. Ажъ ось Лёся зъ разу закричала, мовъ прокинувшись. По гаю пішла луна, а голосъ її такъ и пронявъ мого Петра до самого сердца. Вігомъ кинувсь вінъ до подвір'я, ухопивъ шаблю, допавсь коня, скочивъ на ёго оклять. Василь Невольникъ, прокинувшись, думавъ, чи не Цигане пораятця коло коней, да піднявъ гвалтъ.

Страница 100 Отмичари скоро подѣхали очень близко. Смотритъ козань мой, - Кирило Турь держитъ передъ собою Лесю на рукахъ, какъ ребенка. Видъ ея поразилъ Петра какимъ-то ужасомъ. Она казалась дѣйствительно заколдованною: сидѣла на конѣ, или, лучше сказать, лежала на рукахъ у Запорожца, съ закрытыми глазами и опущенною на грудь головою, между тѣмъ какъ видно было, что она чувствуетъ свое положеніе. Петро услышалъ даже нѣсколько отрывистыхъ словъ, сказанныхъ ею въ этомъ полуснѣ; но за топотомъ коней и за свистомъ соловьевъ, которые передъ разсвѣтомъ запѣли громче прежняго, онъ не могъ разслушать, что она говорила. Онъ хотѣлъ было выдти изъ-за куста, заступитъ отмичарамъ дорогу, и сразиться съ ними, не смотря на всѣ ихъ чары; но вспомнилъ, что при немъ нѣтъ никакого оружія, кромѣ ножа у пояса.

Когда оне проѣхали мимо, Петро еще съ минуту не зналъ, на что рѣшиться. Не смотря на состраданіе къ Лесѣ и негодованіе къ похитителямъ, въ его сердцѣ все еще не исчезли ревность и низкое чувство мщенія. Онъ еще разъ обратился къ любимымъ своимъ размышленіямъ на счетъ досады и стыда людей, съ которыми Запорожець сыгралъ такую злую штуку... Но вдругъ до его слуха дотѣлъ вопль увозимой красавицы, и ему показа-

лось, что онъ слышалъ въ этомъ воплѣ свое имя. Сердце его затрепетало, и въ ту же минуту пробудилась въ немъ вся энергія, вся готовность пожертвовать за эту дѣвушку своею жизнью, хоть бы только для того, чтобъ она вспомнила о немъ съ благодарностью.

Онъ бѣгомъ бросился къ подворью, отъ котораго быть не далеко, и сперва хотѣлъ было поднять на ноги весь домъ; но непреодолимое отвращеніе извѣщать Сомка о его невѣсть удержало его отъ этого. Къ тому жъ, онъ боялся потерять время. И такъ онъ вбѣжалъ въ конюшню, разбудилъ спавшаго тамъ Василія Невольника и, пока сѣдлалъ своего коня, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Происшествия на поле рады изображены обширнее в русском издании и обогащены п о я с н е н и я м и собирающихся войск, их отличительных знаков и цветов.

Страница 327 Вѣхали на узлѣссе, ажъ людська юрма усѣ поле вкрила, а найбільшь чернь-мужики. Мужики жъ и мѣщане валять купами, а козацтво йде лѣвою пѣдѣ мѣсто. А пѣдѣ мѣстомъ розопъято царський наметъ, и Московське вѣйсько зъ боярами стало. Съ правого боку суне зъ своєю стороною Бруховецький, а зъ лѣвого Сомкове вѣйсько виступае. Тільки жъ, за тими купами люду, мало що можна було й розгледѣти. Хиба по корогвахъ можна було розпзнати, де Запорозці, а де Городові. У Запорозцѣвъ на бѣлихъ корогвахъ тільки червоні хресті, а въ Городовихъ орли и всяке малѣваннє зъ золотомъ, Гомінь чинивсь по полю скрізь такий, мовъ пѣдступае Орда. Одно конѣмъ йде, друге пѣхомъ; той у кармазинахъ, а ти въ личакахъ да въ сермягахъ. Поперѣдъ себѣ звелѣвъ Гвинтовка іхати чотиромъ козакамъ, ато бѣ и не протопивсь до намету.

Страница 183 Все поле между хуторомъ и городомъ было покрыто козаками и мужиками. Ихъ можно было различить еще издали потому, что мужики, не смотря на свою попытку соединиться въ полки, валили къ вѣчевому мѣсту нестройными толпами, а козакки подвигались густыми фалангами. Движущіся купы народу на переднемъ планѣ и поднятая ими пыль мѣшали разсмотрѣть ясно козацкія сотни; только видно было, что справа движется одна, а слѣва другая масса войска. Виднѣющіся слабо пыльный вихоръ знамена показывали, гдѣ Запорозцы, и гдѣ Сомково ополченіе. На знаменахъ Сомка изображены были орлы и образа; въ ополченіи Бруховецкаго так-же виднѣлись знамена съ орлами, подаренныя Царемъ или принадлежащія его

городовымъ сторонамъ, но межъ ними рѣзко отличались бѣлыя запорожскія хоругви, на которыхъ не было другаго знака, кромѣ широкаго краснаго креста. Все поле оглашалось шумнымъ говоромъ, который совершенно согласовался съ беспокойнымъ волненіемъ народа. Подъ городомъ, на мѣстѣ рады, разбитъ былъ привезенный изъ Москвы великолѣпный шатеръ. У шатра построена московская рать для наблюденія за порядкомъ.

Чѣмъ ближе къ шатру, тѣмъ болѣе было шуму и толкотни въ народѣ. Картина этого буйнаго сборища была чрезвычайно разнообразна. Одинъ бѣхаль верхомъ, другой шелъ пѣшкомъ, одинъ въ дорогомъ красномъ жупанѣ и въ сопровожденіи слугъ, другой въ бѣдной сермягѣ въ кругу своихъ забіякъ-товарищей, жадно посматривавшихъ на всякаго пана. Мѣщане отличались по большей части синимъ цвѣтомъ, но это не были нѣжинскіе: тѣ шли на раду со стороны города, а эти, съѣхавшись подъ Нѣжинъ изъ другихъ городовъ, стояли въ полѣ вокругъ Романовскаго Кута куренями съ сельскою чернью, и теперь вмѣстѣ съ нею толпились возлѣ вѣча.

Действія князя Гагина показаны в русском издании подробнее. В первом, для красочности, добавлены метафорные выражения.

Страница 345 А князь стоить мовъ тороплѣній, бо ще й до себѣ не прийшовъ за великимъ гвалтомъ поміжъ військомъ. У Москóвщині вінъ зъ-роду такої фуґи не бачивъ.

Страница 194 Князь былъ пораженъ внезапнымъ появленіемъ Сомка и его старшинъ. Онъ еще не опомнился отъ своего испуга и думалъ, что опять начнется между противными сторонами кровавая схватка.

В другом при переводе поясняется каким образом был сделан обман, о котором коротко говорится в оригинале.

Страница 347 А князь Гагинъ собі компануе, якъ би тихъ нещаснихъ ище бiльшъ притушковати, щобъ не сплила на верхъ неправда, що, взявши одъ Иванця великі подарунки, ёго несити злоби потурае. Тимъ часомъ повівъ нового гетьмана зъ старшиною въ соборну Ніженську церкву до царської присяги. А війшовши съ церкви, гетьманъ запросивъ князя съ послами до себе на обідъ, у двірѣ до бурмістра Колодія. Тамъ мiщане наготовили бучний бенкетъ Бруховецькому зъ старшиною.

Страница 196 Князь Гагинъ тоже хлопоталъ, какъ бы не дошло до Царя, что онъ содѣйствовалъ Бруховецкому въ его козняхъ противъ Сомка. Для этого онъ описалъ Царю Сомка и его приверженцевъ самыми черными красками, а о Бруховецкомъ донесъ, что онъ "хоть не ученъ, да уменъ и ужестъ какъ воровать и исправенъ. Посадивши его на границахъ, можно спать въ Москвѣ безъ торпливости".

Пока войсковая канцелярїя и московскіе дѣяки занимались составленіемъ бумагъ, князь повелъ Бруховецкаго и его старшину въ соборную нѣжинскую церковь къ присягѣ; а послѣ присяги новый гетьманъ пригласилъ князя и его свиту къ себѣ на обѣдъ, въ домъ къ бурмистру Колодѣю. Тамъ мѣщане приготовили богатый пиръ Бруховецкому и его старшинамъ.

Отрывки при переводе не всегда увеличины, они очень часто только обогащены метафорами.

Страница 353 И отъ-одна купа сюди, а друга туди, одна сюди, а друга туди: половина люду до мѣста повалила, а половина чкурнула до Сомкового табору. По полю пооставались тѣлько гуляки, що на радощахъ понаймали музики да й водятця зъ ними кумами, танцюючи.

Страница 197 И одна часть алчнаго на добычу сброду толпами бросилась къ городу, а другая къ Сомкову табору. Поле однакожь не опустѣло. Многие, въ упоеніи радости, позабыли о добычѣ, которою приманилъ ихъ сюда Бруховецькій, и нанявъ музыкантовъ, водились съ танцами по всему полю.

В следующем отрывке разница в переводе сделана в размышленияхъ Гвинтовки о своемъ неустойчивомъ положеніи. Примененные в украинскомъ изданіи крылатые слова и поговорки, "потягъ изъ хати", "ні въ сіхъ, ні въ тихъ", " замазати щілку", заменены в русскомъ изданіи поясненіями, языкъ отшлифован, повествованіе течетъ плавно и легко.

Страница 226 И, не дожидаячись одповіди, насунувъ шапку да й потягъ изъ хати. Мѣщане за нимъ.

А Гвинтовка оставсь теперъ передъ Шрамомъ ні въ сіхъ, ні въ тихъ. Бачить, що вже Шрамъ роскусивъ ёго. Отъ же ще такі хотівъ замазати щілку то козацькими восклицаніями - на се бувъ дуже здатень - то лестивими привітанніями; да

вже Шрама нічимъ не розваживъ. Насупивши брови, сидівъ старий за вечеромъ; а другі гості, бачивши, що вінъ такий похмурний, и собі сиділи мовчки.

Узяла Гвинтовку досада; напавсь на бідолашну княгиню. А княгиня, не сїдаючи за стіл, усе ходила слїдомъ за дівчатами, що подавали до столу страви. Жадна страва не прийшлась йому до смаку: усе не такъ, усе йому на Лядський ладъ приправлено. Давай коренити Ляхівъ и всі їхъ зривати.

А бідна княгиня, бачучи, якъ вінъ розлятовавсь, ажъ тремтить уся, що та билина одъ вітру. Порядкуе, и сама не знае, що куди и до чого; далі якось зачепила рукавомъ срібну кошовку, повну вишнівки, да й розлила по всій скатерті.

А Гвинтовці, мабуть, аби найти приключку.

Страница 139 И вышелъ изъ свѣтлицы. Но на дворѣ козаки Гвинтовки слышали, какъ онъ сказалъ мѣщанамъ:

.....
Гвинтовка остался передъ Шрамомъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: онъ чувствовалъ, что Шрамъ разгадалъ теперь его, а между тѣмъ ему жаль было и расположенности батька Пугача.

При наступающей съ разныхъ сторонъ бурѣ, онъ старался въ обихъ враждующихъ партияхъ заготовить себѣ опору, чтобъ, въ случаѣ перевѣса той или другой, не пострадать вмѣстѣ съ прочими. До сихъ поръ онъ умѣлъ ладить со всѣми; но теперь размолвка съ батькомъ Пугачемъ сдѣлала его какъ бы сторонникомъ Сомка, а это было ему совсѣмъ не по душѣ: онъ любилъ отпустить молодецкую фразу тамъ, гдѣ говорили о родинѣ и козацкой славѣ; но когда дѣло принимало серьезный ходъ, и нужно было рисковать имѣніемъ и жизнью, тамъ панство тотчасъ брало въ немъ перевѣсъ надъ патриотизмомъ.

Разныя тревожныя мысли терзали его душу; однакожь онъ усиливался казаться радостнымъ, и веселю бесѣдою старался оживить свой ужинъ, за который всѣ принялись теперь съ постными лицами. Но ни его привѣтствія, ни поддѣльный восторгъ не имѣли никакого дѣйствія на старого Шрама, а при его нахмуренныхъ бровяхъ, отягощенныхъ смутными думами, и всѣмъ другимъ было какъ-то жутко.

Гвинтовка вышелъ наконецъ изъ себя, и не зная, на комъ выместить свою досаду, напалъ на бѣдную княгиню, которая подавала на столъ кушанья. Все ему не нравилось, все находилъ онъ сдѣланнымъ по-лядски. Несчастливая женщина дрожала, какъ былина въ полѣ отъ вѣтру, и въ торопяхъ

опрокинула на столъ коновку съ наливкою. Это взорвало гнѣвъ ея мужа, который, казалось, только и ждалъ чего-нибудь подобнаго, чтобъ излить на нее всю свою злобу.

Коротко поданный в оригинале образ Бруховецкого, в переводе описан подробнее.

Страница 389 А вінъ, клятий, ні одъ праці не втоми́вся, ні одъ горілки не впи́вся. Его лукавий мізокъ коверзуе собі нову думку: Якъ-би того безталаннаго Сомка до послѣда-години допровадити! Плутаючи по доро́зі ногами и зашмури́вши очі, якъ кіть, Бруховецький скрізь зуби почавъ такъ противъ своєї думки закида́ти:

Страница 211 Но Бруховецкій не изнемогъ отъ трудовъ и не опьянѣлъ на пиру. Въ то время, когда другіе считали его ослабѣвшимъ и полусоннымъ, его неутомимый умъ затѣвалъ новыя козни. Не спокойна была его душа отъ мысли, что Сомко живетъ еще на свѣтѣ. Боязливый, при всей дерзости, онъ представлялъ себѣ возможность новаго переворота, и мстительный образъ Сомка поражалъ ужасомъ его воображеніе. Склонясь на козака, путаясь нагами, какъ дѣлаютъ пьяные, и зашмури́въ глаза, какъ котъ, онъ иногда бормоталъ къ своему спутнику по два, по три слова съ такимъ бессмысленнымъ видомъ, что они исходятъ изъ трезваго и сильно работающаго разсудка.

С добавлениями к образу Бруховецкого связан и следующий отрывок перевода.

Страница 389 Мізкуе собі леда́чий Иване́ць, ходо́чи по світли́ці, ажъ ось уві́йшовъ вартовий: "Якийсь чоловікъ ма́е про нега́йне діло ясновельмо́жнаго спові́стити."

Страница 215 Черезъ нѣсколько времени доложили гетману, что какой-то человекъ хочетъ донести ему на единѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. У Бруховецкаго для подобныхъ гостей всегда былъ доступъ. Тотчасъ велѣлъ впустить.

Ввалилась въ дверь что-то толстое и горбатое, въ надвинутомъ на голову кобенякѣ. Не видать было его лица, только глаза блестяли изъ-подъ капюшона. Бруховецкій самъ не зналъ, чего испугался: такъ его душа была встревожена.

При изображении природы, следующие метафоры добавлены при переводе: "золотыя облака", "легкий покровъ листьевъ";

на лоне радужной природы путники в украинском издании были "якось смутни!", в русском издании, их лица "были омрачены какими-то тяжелыми мыслями". Это выражение заставляет читателя насторожиться и приготовиться к дальнейшим событиям.

Страница 4 Було вже надь вечірѣ. Сонце світило стіха, безъ жарі; и любо було поглянути, якъ воно розливалось по зеленихъ вѣтахъ, по суковатихъ, мокнатихъ дубахъ и по молодій травиці. Пташки співали и свистали усюди по гаю такъ глосно да гарно, що все кругомъ ниначе усміхалось. А подорожні були якось смутні.

Страница 2 День былъ на исходѣ. Солнце світило безъ зноу. Птицы пѣли и свистѣли вездѣ тамъ звонко, такъ весело, что все, и густая трава, и свѣтлозеленый мохъ по старымъ пнямъ, сквозящій на солнцѣ, и деревья, окинутыя легкимъ покровомъ изъ молодыхъ листьевъ, и золотыя облака надъ ними - все какъ будто усміхалось. Но лица путниковъ омрачены были какими-то тяжелыми мыслями.

Часто автор находит нужным пояснить написанное в оригинале.

Страница 214 "Справді, що добрі!" каже всміхнувшись Гвинтовка. "Колибъ ти почувъ пан'отче, якъ сі добрі люде на городову старшину зъ Запорожцями похваляютьця! Запороці теперъ зъ мѣщанами якъ рідні брати; п'ють да komponують у-купі, якъ би нашому брату яму викопати."

Страница 130 Добрые! нашель ты добрыхъ! Скорѣй я назову добрымъ лысаго дидька, нежели этихъ проклятымъ салогубовъ. Ты, видно, еще не знаешь, что эти добрые затѣвають съ запорожскими гайдамаками на насъ городовыхъ козаковъ! Запорожцы теперъ съ нѣжинскими мѣщанами, какъ родные братья. Вражьи салогубы ни напитоковъ, ни наѣдковъ, ничего для камышниковъ не жалѣють. Только и дѣла, что съ ними бражничаютъ.

Дальше Кулиш, переводя данное предложение, развешивает мысль, поясняя поведение Череваня и Шрама.

Страница 50 Черевань тільки сміявся. А Шраму було не під-нутру.

Страница 36 Черевань восхищался бойкостью своей половины и только издавалъ свои густые: га-га-га! Но Шрамъ былъ недоволенъ переменною дѣйствующихъ лицъ и сказалъ:

Мысль, выраженная в оригинале одним словом, переводится характерным для русского языка распространенным предложением.

Страница 330 Розъіхались.

Страница 186 Такъ потолковавши, пріятели пожали одинъ другому руку и разстались, значительно кивнувши головою.

Переживания бурсаков, завидующих гуляющим прощальникам, изображены обширнее.

Страница 86 А бурсакі, повибігали за ограду, дивятца на їхъ, да й плачуть.

Страница 62 Бурсаки Братской школы, глядя на нихъ, еще сильнѣе чувствовали бѣдное свое житье и неволю, въ какой держали ихъ отцы-наставники. Некоторые даже не могли удержаться отъ слезъ, сравнивъ свое состояніе съ жизнію этихъ, по ихъ мнѣнію, блаженствующихъ на землѣ людей.

Встреча гетмана с Череванем написано обширнее в переводе.

Страница 102 Далі привітавсь гетьманъ и зъ Череванемъ.

Страница 72 Чоломъ пану бунтужному! такъ обратился онъ къ Череваню, именуя его степенью, которую тотъ занималъ нѣкогда въ войскѣ.

Поведение Бруховецкого после победы поясняется обширнее.

Страница 384 Щѣ поміркувавъ трѣхи, хѣдѣчи.

Страница 214 И задумался, остановясь среди свѣтлицы. Потомъ отвѣчалъ самъ себѣ полу-словесно, полу-мысленно:

Короткое предложение в украинском издании обогащено в переводе патриотическим восклицанием.

Страница 302 Не попустімо гетьманської булави въ ледачі руки.

Страница 170 Собирайтесь, не допустимъ лукавого Запорожца захватить въ руки гетманскую булаву Украинскую.

Душевные переживания Петра, при переводе, обогащены изображением природы и добавочными описаниями душевного состояния.

Страница 151 Тимъ часомъ одіхали вони далєко, и не стало чути їх розмови.
Теперъ Турови рєчи за вечєрою не здавались уже Петру жартами: мабуть, справді скрутивсь одъ жиру Запорожець! Спершу бувъ кинувсь Петро до гостинниц! будить козаків далі зупинивсь.

Страница 97 Между тѣмъ какъ Петро съ любопытствомъ и удивленіемъ слушалъ этотъ разговоръ, отмиচারы проѣхали мимо, и отѣхали такъ далеко, что голоса ихъ начали покрываться неумолкавшимъ во всю ночь пѣньемъ соловьевъ. Теперь эти странныя рѣчи Петру не казались уже шуткою, и первымъ его движеніемъ было идти на козацкое подворье и разбудить козакое. Но, сдѣлавъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ подворью, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и ему стало даже стыдно, какъ могъ онъ быть такъ легкомысленъ, чтобы принять затѣю пьяного Запорожца за настоящее дѣло!

Неписанный законъ поведения невесты в былые времена, подробнее приведен в русском издании.

Страница 182 А Сомко про те не думає й не гадає; да й Шрамъ и Черевань и сама Череваниха байдуже. Бо въ ту старовину коли дівка заручена, то вже й годі, уже й не кажи, що не сей, а той мині любь, ато на весь світь піде слава. Тимъ-то усі були й безпечні да й самі вони, Петро ізъ Лєсею, мовчки сумовали.

Тільки що знявсь Петро на ноги, аж ось надійшла Сомкові чутка, що воєводи одъ Царя прибудуть швидко до Переяслава. Годі въ Череваня бенкетувати; рушивъ заразь Сомко у дорогу, щобъ привітати їх у себе въ гостині. А Шрамъ собі ждавъ-недождався генеральної ради, щобъ, забравши съ того боку усі козацькі потуги йти на Тетєру. Череванисі було на думці гетьманське весілле, а Черевань радъ бувъ гуляти хотъ довіку міжъ весєлимъ козацтвомъ. И такъ міжъ собою урядили, щобъ їхавъ вінъ ізъ дочкою підъ Ніженъ до свого шурьяка Гвинтовки, осаула полкового Ніженського; а Шрамъ зъ синомъ мавъ їхати у Переяславъ до Сомка гетьмана, и щобъ, одбувши воєводъ, справити гетьманське весілле на всю Україну, и на весіллі разомъ усі старшину

до походу на Тетеру приклонити, да зъ-разу ёго мовъ сѣткою й накрѣтити, щобъ не було двоухъ гетьманѣвъ на Україні.

Якъ ось, виїжджають за Броварскій бѣръ, за пѣски, ажъ изъ Переяслава до Сомка гонецъ курить. Кто жъ той гонецъ? самъ Переяславскій сотникъ, Иванъ Юско. Скоро наши распізнали таке диво, заразы наче хто й сказавъ усякому, що склалось щось не добре.

Страница 113 Что же до Сомка, то онъ ни мало не заботился о близкихъ ихъ отношеніяхъ, да и Шрамъ, и Череванъ, и сама Череваниха оставались на этотъ счетъ совершенно спокойны. Такова была простота и твердость тогдашнихъ нравовъ. Зарученная дѣвушка была нехранимою и неприкосновенною собственностью жениха, и ни одной невѣсте не входило въ голову, чтобы можно было разойтись съ однимъ и принадлежать другому. Все общество пришло бы отъ того въ ужасъ, и вѣчный позоръ покрыть бы семью такой дѣвушки. Когда Петро оправился такъ, что могъ сѣсть на коня, начали гости Череваня поговаривать о дорогѣ за Днѣпръ; но все еще медлили, чтобы дать ему больше оправиться. Вдругъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что царскіе бояре переѣхали уже черезъ украинскую границу. Всѣ встрепенулись, оставили безпечную бесѣду за кубкомъ, и мигомъ собрались въ дорогу: Сомко спешилъ на встрѣчу боярамъ въ Переяславъ; Шрамъ нетерпѣливо ждалъ сѣзда старшинъ козацкихъ, чтобы подвинуть все войско заднѣпровское противъ Тетеры; Череваниха мечтала о гетманской свадьбѣ, а Череванъ радъ былъ пировать до скончанія вѣка съ козаками. Рѣшено было ѣхать Череваню съ его семействомъ къ брату Череванихи, Нѣжинскому полковому осаулу Гвинтовкѣ, а Шрама съ сыномъ пригласилъ гетманъ къ себѣ въ Переяславъ. Послѣ рады, на которую ожидали царскихъ уполномоченныхъ для утвержденія Сомка на гетманствѣ, предположено сыграть гетманскую свадьбу на всю Украину, а на свадьбѣ склонить всѣхъ козаковъ къ походу на Тетеру, да прямо и двинуться на другой берегъ Днѣпра.

Но лишь выѣхали за Броварскіе лѣса, какъ встрѣтили ихъ другой гонецъ изъ Переяслава; а гонцемъ былъ на этотъ разъ не простой козакъ: скакалъ во весь духъ Переяславскій сотникъ Юско съ тремя козаками. Всѣ были этимъ встревожены и ждали чего-то необычайнаго.

В одномъ месте Кулишъ при переводе сделалъ лирическое от-

ступление, изображая чувства и поведение Леси.

Страница 413 Квітки коло хати позасохали и позаростали бурьяномъ, якъ ось чує - наче хто співає сти́ха. "Боже мій! чий же се го́лосъ?"

Біжить у хату, одчи́нівъ двѣри, ажъ такъ! и Лєся, и Черевани́ха обі́двѣ въ пекарні́.

Страница 226 Цві́ты вокругъ крини́цы заросли бурьяномъ и засохли. Это привело моего козака въ совершенное отча́яніє.

Вдругъ чей-то го́лосъ заставилъ его вздрогнуть и остано́виться. Это былъ го́лосъ Лєси. Она все еще напѣвала пѣсню, но уже не ту, что прежде; теперъ ни нѣга, ни любовная грусть не отзывались въ ея го́лосѣ; пѣсня ея была уныла, какъ свистъ осенняго вѣтра между дере́вьями.

Зады́хавъ отъ волне́нія, Петро спѣшитъ къ хатѣ.

Отвори́въ двѣрь - и види́тъ свою Лєсю, и съ нею ея ма́ть почти въ томъ же положе́ннн и за тѣми жѣ занятіями, какъ и въ о́ный памя́тныи для него вечеръ.

Поведение Шрама в обществе Череванихи пояснено м н о -

г о с л о в н о .

Страница 45 Ажъ ось увійшла́ до гостѣй Черевани́ха, ... Підійшла до Шрама підъ благослове́ние. Ві́нъ її поблагослови́въ, да, якъ па́ні́ була го́жа, и вони́ жѣ таки́ да́внн прия́телі́, то ще схоти́въ и по́просту зъ нею приві́татись, да и ка́же:

Страница 33 Но на этотъ разъ освободила его отъ заботы угощения хозяйка... Когда она подошла къ Шраму "подъ благослове́ние", Шрамъ съ удовольствіемъ принялъ честь, подобающую его сану, но не хотелъ отка́заться и отъ козацкаго права на поцѣлуй хозяйки. Онъ предъявилъ это право въ такой формѣ:

Действия Череванихи, последовавшие приветствию Шрама, обширнее.

Страница 45 Да и поцѣловались любѣнько. Тогдѣ Черевани́ха ще обнесла́ гостѣй.

Страница 33 И въ слѣдъ за тѣмъ поцѣловались трижды. Черевани́ха немедленно вступила въ свою обязанность, поднесла гостямъ по кубку.

Добавлено красочное описание двѣри и восхищение красавицей Лєсей.

Страница 47 Гўторять попиваючи, аж ось - двѣри рипь! и такъ якъ сонце засийло: увійшла въ свѣтлицю Лѣся.

Страница 34 Въ это время заскрипѣла дубовая дверь съ нама-
леванными на ней Адамомъ и Евою посреди рая, и
взошла въ свѣтлицу красавица дочка Череваня.

В разговорѣ с Череванихой Петро в самохарактеристикѣ
сравниваетъ себя с козаком и рыцарем, свою свободу с соколи-
ной, а запутанные ответы Лесиной матери - с медведем в сетях;
в оригиналѣ употреблена, вместо этого поговорка.

Страница 54 "Що́ отсе́ въ вась за загадки?" ажъ скрикнувъ зъ
досади Петро. "Ужé коли рвѣти, то рви не дѣр-
гавши! Скажи ми́, пан!-матко, щиро, когò ви
собі́ ма́ете на думци?"

Страница 39 Что это за загадки? вскричалъ онъ. Говори мнѣ
прямо, какъ козаку и рыцарю! Хоть я и такъ го-
товъ распрощаться съ вами на вѣки, но не знаю,
почему желалъ бы, чтобы и послѣдняя нитка меж-
ду нами была перерѣзана. Еще я могу быть сво-
боденъ, какъ соколъ, если вы мнѣ скажете на
отрѣзъ - нѣтъ; но пока будете путать меня сво-
ими загадками, я все равно, что медвѣдь въ те-
нетахъ. Скажите жъ мнѣ прямо, скажите, кто у
вась на мысляхъ?

Ярче изображено в переводѣ одеяние хозяина.

Страница 64 Скóро назва́въ Шра́ма, за́разъ де́-як! повставѣли,
да й дивлятця; а господарь позна́въ Петра́, да й
каже:

Страница 45 При имени Шрама, извѣстномъ каждому въ Украинѣ,
нѣсколько человекъ поднялось съ любопытствомъ
на ноги; и хозяинъ, которого можно было узнать
потому, что онъ вмѣсто жупана и кунтуша былъ
только въ синихъ китайчатыхъ шараварахъ и въ
бѣлой сорочкѣ съ красною лентою у воротника,
сказалъ:

Чувства Шрама к Запорожцамъ пояснены подробнее в переводѣ.

Страница 87 Шра́мъ, хотъ и сѣрдивсь на Запоро́зцівъ, да й
самъ не постерігъ, якъ задивівсь на їх. Добри́
молоди́! багáто йнколи дїяли лю́дямъ шкòди по
Вкраїні, да, мимо то́го, я́кось припада́ли до душі́

всякому. Не разъ доводилось мині самому слухати, якъ инший дідь, споминючи їх пакости, зачне було їх коренити, а далі, якъ заговоритця, якъ забалакаетця про їх звичаї да ходи, то й самъ не знае, чого ёму й жаль стане сїромахъ, и зачне сїва голова гѳторити про нихъ, якъ про своїхъ родичівъ. Чимъ же то, чимъ ти! Запорозці! такъ припадали до души всякому? Може, тимъ, що вони безпечне, да разомъ якое и смутно, дивились на Божий миръ. Гуляли вони и гульнею доводили, що все на свѣті суета одна. Не треба було їмъ ні жінки, ні дїтей, а гроши розсипали якъ полу. Може, тимъ, що Запорожье испоконъ вѣку було серцемъ Украинськимъ, що на Запорожжі воля ніколи не вмирала, давні звичаї ніколи не вмирала, давні звичаї ніколи не забувались, козацькі предковїні пісні до послѣдѣ дней не замовкали, и було те Запорожье якъ у горні ісра: який хочъ, такий и розїдми зъ неї огонь. Тимъ-то, мабуть, воно й славне поміжъ панами й мужиками, тимъ воно й припадало такъ до души всякому!

Страница 62

Шрамъ, при всей своей досадѣ на Запорожцевъ, вмѣшавшихся въ самое дорогое для него дѣло, не могъ быть равнодушенъ къ ихъ музыкѣ, къ ихъ танцамъ, къ ихъ особенному, веселому и вмѣстѣ грустному взгляду на жизнь. Запорожцы, не смотря на свои пороки и злодѣйства /которые уже и въ то время обнаруживали внутреннее разрушеніе ихъ братства/, внушали Украинцамъ самое живое сочувствіе. Не разъ случалось мнѣ встрѣчать столѣтняго старика, который, рассказывая объ ихъ наглостяхъ, потчивалъ ихъ выразительнымъ прилагательнымъ - проклятый народъ! но потомъ, увлекшись рассказами объ ихъ обычаяхъ и подвигахъ, выражалъ, самъ того не замѣчая, искреннее сожалѣніе объ ихъ судьбѣ, и говорилъ о нихъ тономъ близкаго родного. Отъ чего жъ это юродивые запорожскіе рыцари были въ старину такъ близки каждой живой душѣ на Украинѣ? Можетъ быть, отъ того, что они беззаботно, но вмѣстѣ и грустно смотрѣли на жизнь. Пировали они со всемъ безуміемъ разгулявшейся широкой воли, но и самыми пирами выражали мнѣніе, что все на свѣтѣ призракъ и суета. Не нужно было имъ для душевнаго счастья ни жены, ни дѣтей, а деньги они разсыпали - по ихъ же выраженію - какъ полу! А можетъ быть, и отъ того, что Запорожье для южной Руси, какъ Москва для сѣверной, было сердцемъ всей земли, - что на Запорожьи свобода никогда не умирала, предковскіе обычаи никогда не забывались, козацкія древнія пісні до послѣднихъ дней сохранялись, и было За-

порожье-что въ горну искра: какой хочешь, такой и раздуй изъ нея огонь. Отъ того-то, можетъ быть, оно и славится между панами и мужиками, отъ того-то оно и дорого для каждой живой душе на Украинѣ.

В переводе полнее описано поведение Запорожцев.

Страница 91 Ажь ось, зъ обохъ бокѣвъ дороги закопотѣли коні, затрещало сухѣ гѣлле пидъ копитами, и показались скрізь зелену ліщину кармазини. Ихъ наздогналі Запорозці, -тихъ двое, що одрізнились коло Братства одъ прощальниківъ.

Череваниха зъ дочкою сами не знаютъ, чо́го злякались. Бо сі гультяі ідуть не по-людстки: не глядять и дороги, а такъ куди здря и мчатця по гаю; тільки все крутятця поміжъ деревомъ коло рыдваня; не попережуютъ, и ззаду не остаютця. А коні наче знаютъ, чо́го сімъ шибай-головамъ хочетця: скачуть якъ кози то сюди, то туди поміжъ кущами. Ажь страшно було дивитись, якъ та дика степова животи́на дряпаецця копитами на кручу, то отсе съ кручи кинетця въ провалле, и не видно !! стане, тільки глухо тупотить и храпѣ у байраці. Наши не разъ уже думали, що кінъ перекинувся назадъ и задавивъ іздця пидъ собою; ажь ось іздець, якъ вихоръ, вискочитъ зновъ на кучугуру, да й зайграє на сонці кармазинами.

Страница 65 Сзади ихъ послышался сперва глухо, потомъ яснѣ топоть; потомъ затрещали по обѣимъ сторонамъ узкой дорожки сухія вѣтви, и между деревьями показались красныя платья двухъ Запорожцевъ. Это были тѣ самые молодцы, съ которыми онѣ столкнулись у Братского монастыря. Богомолки переглянулись между собой, и не смѣли сообщить одна другой своихъ опасеній. Страхъ ихъ былъ неясенъ, но онѣ предчувствовали что-то ужасное.

Случалось имъ слышать про Запорожцевъ такія исторіи, отъ которыхъ и не въ лѣсу бывало страшно; а эти два братчика своими ухватками и обычаемъ не общали ничего добраго. Они повидимому не нуждались въ дорогѣ, по которой ѣхаль рыдванъ, и даже, казалось, вовсе не управляли своими конями; кони точно разумѣли ихъ желаніе, и кружились между деревъ, не опереживая и не отставая отъ испуганныхъ богомолковъ. Женщинамъ страшно было глядѣть, какъ бѣшенныя животныя взбирались на бугры, потомъ бросались съ прыткостью лѣснаго звѣря въ байракъ, и исчезали на нѣсколько минутъ изъ виду: только глухой топоть и храпѣніе отзывались изъ глубины. Иногда имъ чудилось, что опрокинулся и душитъ подъ собой отважнаго ѣздока; но вдругъ ѣздокъ появлялся на возвышенности, сверкая въ лучахъ солнца своими кармазинами.

Старо-славянизмы украшают перевод в следующем отрывке:

"паче брашень", "весьма".

Страница 104 А козацьке подвірье було не въ-купі зъ монасти-
ремъ; бо мирѣнамъ здумаеця грѣмѣти иногдѣ й
лишній разъ кубкомъ, абѣ загомѣти буйними рѣ-
чами; такъ, щобъ не вводили брати въ искушеніе,
стоявъ на одшибѣ про такой случай хуторецъ.

Страница 72 ...которое выстроено было хуторкомъ отдѣльно отъ
монастыря, чтобы мѣряне не вводили брати въ
искушеніе, если вздумается имъ подкрѣпиться пи-
тѣемъ паче брашень, и повести рѣчи громче мона-
стырскихъ молитвъ. Строенія были весьма просты:
домъ, конюшни, сарай для сѣна-все это было де-
ревянное, подъ соломенными крышами.

Оригинал указывает на встречу Шрама с Божьим Человеком,
перевод же дает к этой встрече и представление о его внешности.

Страница 206 Наздоганяючи своіхъ, Шрамъ ищѣ разъ зупинивсь,
стрѣвши Божого Человѣка.

Страница 126 Подъѣзжая уже къ хуторскимъ постройкамъ, Шрамъ
замѣтилъ въ сторонѣ, между деревьями, старика
высокого росту съ длинною бѣлою бородою, одѣ-
таго въ свитку, подобную монашеской рясѣ. Это
былъ Божій Человѣкъ.

Плавно и поясняюще написан перевод о сборе войск и раз-
деле полков.

Страница 343 Козацтво жъ прѣсте, рейстрѣве собѣ, а старшина,
значні козаки, собѣ. Кто оддалеки забачить сбѣр-
ний пѣрначъ, такъ и прилучаетця до боку Нѣжен-
скаго осаула. Поки переѣхавъ поле до Сомковаго
табору, набѣравъ за нимъ такой поѣздъ, якъ и
за гетьманомъ. Сомко жъ изъ своею купою на ко-
няхъ прибуває у таборъ до полку Переяславскаго,
а Гвинтовка до полку Нѣженскаго.

Страница 193 Между тѣмъ Сомко и его свита, вырвавшись изъ
запорожской кутерьмы, сѣли на коней и также по-
спѣшали въ лагерь. Къ нимъ присоединились изъ
разныхъ полковъ и сотенъ тѣ козаки и старшины,
которые или остались вѣрными чести, или не были
введены въ тайны заговора. Мѣщане и мужики, не
понимая, что передъ ними дѣлается, толкались без-
смысленно между козаками. Все еще не понимая коз-
ней, которыя противъ него устроены, Сомко въѣхалъ

въ лагерѣ со стороны полка Переяславскаго, а Гвинтовка въ то самое время ввалился со своею ватагою со стороны полка Нѣжинскаго.

Комическое изображение Череваня дополнено в переводе общей картиной суматохи.

Страница 414 Якъ ось - у двѣри сунетця Черевань. Насилу переступивъ черезъ порігъ одъ радости;

Страница 226 Суматоха еще больше увеличилась, когда ввалился въ хату Черевань. Заслышавши изъ свѣтлицы знакомый голосъ, онъ бѣгомъ пустился въ пекарню, съ трудомъ перевалился черезъ порогъ и отъ восторга ничего не могъ выговорить;

Дальше приведены цитаты отрывков, в которых Кулиш переводит о б х о д и т е л ь н о с ь м я г ч е н н о , употребляя более изысканные выражения, адаптируя языкъ понятию русско-го читателя половины девятнадцатаго столетия.

Страницы

Страницы

58 Прочане перекрестились и сотворили молитву. А Петро иде собі и не бачить, и не чує нічого: такъ опентала ёго Череваниха.

41 Всѣ сотворили усердную молитву, кромѣ Петра, котораго странный рассказъ Череванихи огорчилъ до глубины души и утвердилъ его въ горестной догадкѣ. Онъ бросилъ рыдванъ и присоединился къ верховымъ.

72 "Эге-ге!" каже тогди Шрамъ, "такъ се изъ Низу такой вѣтеръ вѣе!" да й догадавсь, що вже огню підложено, уже тільки роздуть, то й зніметця пожежа по всій Україні. Серце въ ёго зомгло, якъ зміркувавъ собі, що-то съ того може за лихо уродитись! Де ділась заразь и вся досада на міщань!

49 Эге-ге! такъ вотъ откуда вѣтеръ дуетъ! сказалъ въ поль-голоса Шрамъ, и душа его наполнилась самыми горькими предчувствіями. Запальчивость его въ одно мгновеніе исчезла и уступила мѣсто горячей любви къ родинѣ, которой угрожалъ раздоръ народныхъ партій, раздуваемый, какъ онъ увидѣлъ, Запорожцами.

73 А Черевань тимъ часомъ усѣждавъ, поки замовкнутъ, бо не любивъ ніякихъ сварокъ; да сто, якъ побачивъ, що вже почавъ той гомінь утихати,

50 В это время Черевань, соскучась долго ждать развязки спора, подѣхалъ къ Шраму и окружающимъ его мѣщанамъ, и сказалъ:

вїхавъ из-за Шрама, да й каже: "Ка'знае за що ви за-велись оце, бгати! Дайте тїлько заглянуть намъ хочъ у одну церкву, а тоді я отутъ изъ вами сяду, и вже не знаю, хто перепе мене въ Києві, опрїчь пана вїта."...а Череваня таки й любилї, и шанова-ли, бо бувъ козакъ друзьяка: уже кому чи яка нужда, чи що, то зарятуе й визволить. Отъ и давай уже хоть колѣ сего лѣ-ститись.

-Бгатицы! ка'знае за що ви сердитесь! Обождите только, пока мы събздимъ къ церквамъ божїимъ, а потомъ я говевъ съ вами сѣсть оттуть, и не знаю, кто въ Києвѣ, кромѣ вашего войта, перепьетъ Че-реваня... а Черевань притомъ пользовался особеннымъ рас-положенїемъ Києвлянъ. Былъ онъ человекъ подѣльчивый, некичливый, любилъ употчи-вать всякого, кто ни показы-вался въ его хуторѣ, а ино-гда готовъ былъ и на такїя пожертвованїя, какое сдѣлалъ для Василя Невольника. И потому буйная компанїя Та-раса Сурмача приняла съ нимъ самый дружелюбный тонъ.

74 Розступїлись и дали прої-хати верховимъ и ридвановї. Довго їхавъ Шрамъ, понуривши голову; тяжко стало старому на душї.

50 Пробравшись сквозь подгу-лявшую толпу мѣщанъ, Шрамъ долго їхавъ, потупя голову. Неожиданная сцена сильно его опечалила.

76 "Щѣ жь оце ти казавъ, бгатику!" лѣдвї промовивъ че-резъ силу. "Те", каже, "що, такъ якъ Барабашъ казавъ Хмельницкому:

51 Я Барабашъ! вскричалъ онъ измѣнившимся голосомъ. -Да, ты Барабашъ! ты такой же Барабашъ, какъ и тотъ, что говорилъ Хмельницкому:

124 ..Адамъ бувъ человекъ не нашего брата, та й той спїткнувсь на Еву!

82 ..праотець Адамъ былъ не намъ чета, да и тотъ не усто-ялъ противъ этого искушенїя.

147 Не довго въ нїчь гуляли наши козакї: поблизу свя-того мїста гуляти довго не годилось.

94 Вечернїй пиръ продолжался не долго, потому что благо-честивымъ людямъ неприлично было въ монастырской гостин-ницѣ гулять до-поздна.

156 Тимъ часомъ отмичари дер-жали свою дорогу, поспїша-ючи вїбратись за ночи съ Києвської околицї. Бїдна Лѣся, мабуть, добре ковтну-ла знахорчиного зїлля одъ переполоху: хїлялась якъ пьяна, и нїчого не знала, що зъ нею дїетця; прокину-

101 Между тѣмъ отмичары продол-жали свой путь такъ быстро, какъ только позволяло имъ затрудненїе везть полусон-ную красавицу. Бїдная Лѣся видимо была напоена соннымъ напиткомъ, и такъ сильно, что до сихъ поръ не могла очнуться. Скоро однакожъ

дась тільки, якь пронавь
ІІ холодний вѣтеръ съ поля.
Гляне, ажь вона середь пу-
щи, на рукахъ у страшного
Запорозця. Спершу думала
небога, що се їй снитця;
далі скрикнула, да задармо.
Розбишаки тільки зглянулись
да всміхнулись міжь собою.
Почала буда благати, щобъ
не погубляли ІІ, щобъ пу-
стили; такь Кирило Туръ
тільки реготався.

свѣжій, ночной воздухъ и
движеніе отъ верховой ѣзды
произвели на нее свое дѣй-
ствіе. Она открыла отяже-
лѣвшія вѣки, и, увидя се-
бя въ лѣсу между двухъ уса-
тыхъ рожъ, сочла это видѣ-
ніе за сонъ. При всемъ томъ
страхъ ея былъ такъ силенъ,
что она пронзительно закри-
чала, призывая своихъ дру-
зей на помощь; и этотъ-то
крикъ произвелъ такое бла-
годѣтельное дѣйствіе на
любящее сердце Петра.

157 "Моє ти коханне!" каже
тогда, однівши голосъ,
Кирило Туръ, "не кричи, ко-
ли не нажилась на свѣті. Ти
думаешь, якь насъ наздоже-
нуть, дакъ я тебе живу ви-
пущу зъ рукъ? Чорта зъ два
кому після мене достанес-
ся! Цить, кажу! ось бачь,
яка цяця?"

101 Послушай, моя дуся, сказала
ей Запорожець такимъ голо-
сомъ, отъ котораго она за-
трепетала, - я не знаю ва-
шихъ нѣжностей; можетъ быть,
ясновельможный панъ гетьманъ,
или кто другой, умѣлъ бы
лучше развеселить тебя; я же
скажу только, что тебѣ вы-
годнѣе будетъ отложить свой
крикъ до другаго времени, а
то насъ могутъ нагнать, и
тогда не думай, чтобъ я воз-
вратилъ тебя живую. Можетъ
быть, у вашихъ сельскихъ
волковъ можно вырвать изъ
пасти еще не задавленнаго
ягненка, но наши луговые не
привыкли быть такими уступ-
чивыми. Молчи, говорю, ко-
ли не нажилась еще на свѣті!

162 Обернувъ Петро коня, розо-105
гнавъсь - думавъ якь разъ
перемахнути; а кінъ изновъ
замѣявъсь. Заглянувши въ
провалле, якь тамъ ріне
вода, ажь затрусивсь да й
посунувъ назадъ, жарко хро-
пучи и водючи очима.

А вражий Запорожець ажъ
за боки беретця регочучи.

Оборотя назадъ коня, онъ
разогнался, чтобъ перепрыг-
нуть пространство шириною
около полутора сажени; но
его конь, видно не былъ при-
ученъ къ подобнымъ скачкамъ,
или не надѣялся на свои но-
ги. Добѣжавъ до провала,
онъ снова уперся ногами въ
землю, потомъ всталъ на ды-
бы и едва не опрокинулся
на спину.

Кирило Туръ отъ души за-
хохоталъ, стоя на другомъ

краю пропасти, и повидимому вовсе не заботился о предстоящей схватке.

- 174 А Сомко, щоб помагати Шрамові, або лютовати на комішників, він, замість того, сам давай рятувати одь смерті Кирила Тура.
- 109 А Сомко между тѣмъ трудился надъ Кириломъ Туромъ. Опасное положеніе Запорожца изгнало изъ его сердца всякое злобное противъ него чувство.
- 175 Шрамъ то жь посупивсь. Хоть и не сказаъ, да подумавъ: "Ему жаль Сичового розбишани, а що мій Петро лежить безъ пам'яті, про те йому й байдуже."
- 110 Старый Шрамъ тоже нахмурился, и когда Сомко, оставя Кирила Тура, обратился съ участіемъ и съ помощью къ Петру, онъ отклонилъ его рукою и сказалъ:
- 177 Пройшли за яркомъ, ажъ ось и Череваниха іде на зустрічъ. Василь Невольникъ не жалючи поганіе коней. Зрадила мати, якъ побачила свою Лесю, що вже й казати!
- 111 Скоро встрѣтили и Череваниху. Василь Невольникъ гналъ лошадей, не жалѣя. Что ужъ и говорить о томъ, какъ обрадовалась матъ, увидавъ свою Лесю!
- Посумовавши Череваниха надъ Петромъ, розпитавши въ дочки, якъ що було, ажъ сплалнула, да й каже: "Ужъ жь, пан'отченьку, коли такє лихо склалось черезъ мою Лесю, то ми зъ нею мусимо й запобігти сѣму лиху. Везіть пана Петра до насъ у Хмарище. Не будемо ночей досипати, а вже ёго на ноги поставимо. Я на своєму віку довол! поповязала ранъ козацькихъ, да й Леся моя до сѣго діла здатня. Немовъ Господь намъ и поможе!"
- Сильно сожалѣла Череваниха о Петрѣ, и обратилась къ Шраму:
-Добродѣю мой! надѣлала вамъ горя моя бѣдная Леся; но мы съ нею постараямся, чтобъ и поправить это горе. Везите пана Петра прямо въ Хмарище. Ми съ Лесею не будемъ по цѣлымъ ночамъ спать, пока не поставимъ козака на ноги. Довольно я на своемъ вѣку перевязала козацкихъ ранъ, да и моя Леся съ самого дѣтства прѣучена къ этому.
- 196 Да оттакъ гуторить-гуторить сѣльска громада, да й зачне ту Хмельницину до свого часу прикладати,...
- 121 Вспоминая такимъ образомъ о недавней старинѣ, сельская громада тутъ же переходила къ своему времени,...
- 203 Проіждяючи мимо ковалеву хату /у пущі живъ коваль хуторський/, тілько що Шрамъ одрізнівсь одь сво-
- 123 Первое, примѣченное здѣсь Шрамомъ, строеніе были кузница и хата хуторскаго кузнеца. Отставъ отъ своихъ

іхъ, щобъ поспитати, чи дома панъ Гвинтовка, якъ изъ дверей мовъ дикий пхнувъ хінку, трюхи коневі підъ ноги не сунулась; а за нею зъ макагономъ вискочивъ съ хати чоловікъ.

спутниковъ и проѣзжая мимо убогаго Вулкановаго жилища, Шрамъ былъ свидѣтелемъ сцены, которая вовсе не ладила съ пасмурнымъ настроеніемъ его души. Изъ хаты бросилась опрометью молодая женщина едва не подъ ноги его коню. За нею высочилъ мужчина съ нагайкою въ рукѣ.

208 Шрамъ наздогнавъ свій поїздъ коло високыхъ воріть пана Гвинтовки.

Будинки въ сего значного козака були не Череванихъ: гонтова криша височенна, у два пята; а въ криші вікна повироблювані, и ризаною мережкою скрізь гарно облямовані. Зъ верху криши по рижнахъ шпилі, а на верхъ коміна вертитця по вітру залізний півень. Панський будинокъ бувъ. А посередъ двора въ Гвинтовки стоявъ стовбъ, и въ стовбу усє кільця, то залізні, то мідні, то срібні. Отъ знакъ, що простий козакъ або посполитий вяжи коня до звлізного; а хто значний козакъ, то до мідного; якъ-же хто рівня господареві, такъ той уже до срібного.

127 Шрамъ догналъ свой поїздъ уже возлѣ воротъ пана Гвинтовки, - пана совсѣмъ другой руки, нежели Черевань. Это тотчасъ видно было по необыкновенной высотѣ его воротъ /высокіе ворота означали тогда, по обычаю польскому, шляхетство хозяина/, а еще больше по архитектурѣ его дома, состроеннаго на польскій образецъ, съ двухъ-ярусными крышами и высокими рундуками. Посреди двора стоялъ столбъ, и въ столбъ вправлены были желѣзныя, мѣдныя и серебряныя кольца для привязыванія лошадей. Гость-простодуинъ долженъ былъ привязать къ желѣзному кольцу; кто немного выше - къ мѣдному, а кто еще выше - къ серебряному. Все это отъзвалось спѣсью пановъ польскихъ, и не укрылось не только отъ глазъ Шрама, но даже и Череванихи.

309 Ажъ ось и генерального писаря узрѣли. Той давно вже їздивъ по табору, гамуючи козацтво, тільки одъ его гамовання ище гірше підіймався гомінь.

174 Скоро встрѣтили они Вуяхевича. Разѣзжая, подобно имъ, промежъ казаками, генеральный писарь, казалось, занятъ былъ болѣе своею рѣчью, нежели возстановленіемъ въ таборѣ порядка.

311 Почувши Сомківъ голосъ, заразъ кругъ его всі замовкли. "Гетьманъ, геть-

175 Голосъ Сомка возстановилъ тишину сперва вокругъ него, а потомъ и во всемъ таборѣ.

манъ, прибувъ!" пійшло скрізь по таборові; и, скоро рознеслась така чутка, заразь дѣ-які бурліі схаменулись, подумали про свою голову. Сомко бо жартівъ не любивъ. Щирій и незлѣбивий бувъ рицарь, да вже якъ и допечуть ёму, то стережись тогді коженъ. У таборі въ ёго абѣ въ поході знай свою лаву - не такъ якъ у иишихъ. Тимъ-то й били Сомкивці неприя-теля всюди, де тілько сти-нались. Знали, чого стоїть Сомко, усі старіі, значні козаки; а військова чернь про те байдуже: й абі во-ля. Отъ підъ сю-то волю й підъїхавъ Иванецъ изъ сво-їми Запорозцями, и пійшло усѣ якъ у казані кипіти.

"Гетманъ, гетманъ пріѣхаль!" Раздавалось между козаками, и однихъ этихъ словъ было довольно, чтобъ заставить каждаго о себѣ подумать. Сомко былъ добръ, довірчивъ, великодушень; но иногда онъ не зналъ мѣры своему гнѣву и, подобно своему зятю Богдану Хмельницкому, разилъ булавою всякого, кто въ горячую минуту осмѣливался противъ него пикнуть. Онъ былъ хорошіі стратегикъ, и своими побѣдами обязанъ былъ болѣе своему искусству и порядку, въ какомъ держалъ свое войско, нежели превосходству силъ. Это одобряли однако жъ только старшины, свѣдущіе въ военной наукѣ; а войсковая чернь, напротивъ вздыхала о прежней свободѣ и роптала на своего гетмана. Хитрая политика Бруховецкаго еще болѣе развратила сторонниковъ Сомка. Стоя близъ Романовскаго Кута, гдѣ господствовала совершенная вольность и гдѣ, казалось, никого не было старшаго, козаки Сомковы, въ его отсутствіе, забурлили, заглушили голосъ своей старшины, а къ тому еще Запорожцы подослали въ лагерь нѣсколько "добрыхъ молодцевъ", которые въ конецъ взволновали чернь своими разсказами.

327 Кони були вже посідлані. 183 Сіди козаки и поїхали спішно. Василь Невольникъ за своїмъ паномъ.

Кони были скоро готовы. Гвинтовка вскочилъ проворно въ сѣдло и поскакали впередъ. Череванъ и Петро едва успѣвали за нимъ слѣдовать. Ихъ провожали придворные козаки Гвинтовки и Василь Невольникъ.

357 Якъ ось почали розїїжджа- 200 тись изъ Ніженя й шляхта,

Начали разїїзжаться изъ Нѣжина паны, съѣхавшіеся сюда

дючи за столомъ. Якъ-же поглянувъ, вѣнь, оттанъ на неї, то наче ажъ до сѣрця досягъ її очима. Злякалась голубонька, якъ дитина, и заплакала зъ ляку. Затулила руками очі, а слѣзи міжъ пучки тамъ и капотять. Мати собі стревожилась, устала зъ-за стола и одвела її въ кимнату.

А козакамъ и байдуже, тѣлько смѣялись.

Страница 85 Леся съ самого начала этой странной бесѣды была, сама не зная почему, сильно встревожена, и долго старалась увѣрить себя, что Запорожцу пришла блажь только позабавиться надъ ея страхомъ; но этотъ взглядъ разстроилъ ее наконецъ совершенно. Она не могла долѣ преодолевать свой испугъ, и, закрывъ руками лицо, начала плакать такъ сильно, что слезы закапали сквозь пальцы на скатерть. Мать встала изъ-за стола и увела ее плачущую въ другую комнату.

Этотъ случай не произвелъ никакого впечатлѣнія на суровыя козацкія сердца. Въ испугъ красавицы они видѣли только женское легковѣріе, и весело разсмѣялись.

Плавность перевода видна и в слѣдующей цитатѣ.

Страница 340 И кинулись кую до стола. Сичуть, рубаютъ Низовци въ, сажаютъ на столѣць Сомка. А Запорозці, якъ зліі оси, не боячись нічого, зъ одними киями да ножами, лізуть и бьютъ Сомкову сторону. Вирвали въ Сомка бунчукъ и переломили на-двое, одняли и булаву.

Оглянѣтця Сомко, ажъ при ёму тѣлько зо жменю старшини.

Страница 191 И густая толпа, окруживъ Сомка, начала пролагать себѣ дорогу къ столу саблями. Уже потѣснили противниковъ, уже посадили Сомка на столъ. Но Запорожцы напали на гетманскихъ приверженцевъ, какъ злыя оси: одни падали подъ ударами сабель, а другіе наступали по трупамъ падшихъ и бросались съ ножами и дубинами на Сомковыхъ сторонниковъ; сломали его бунчукъ, вырвали изъ рукъ у него золотую булаву. Посмотрѣлъ Сомко съ высоты стола - вокругъ него только горсть старшины и козаковъ; далье все Запорожцы.

Иногда по словицы и поговорки употреблены Кулишем не в соответствии одного издания к другому. В украинском тексте: "ще поспіють съ козами на торгъ", переведена не поговоркой, а описанием.

Страница 52 На тімъ и застряло свѣтаннѣ. Старі вже бѣльш и не згадували, бо и въ Череваня, и въ Шрама була така думка, що ще поспіють съ козами на торгъ.

Страница 37 Такимъ образомъ нечаянное сватовство остановилось на неопределенныхъ условияхъ. Ни Черевань, ни старий Шрамъ не сомнѣвались, что оно совершится въ свое время;

Примененная поговорка в украинском издании, "дѣгтярь и смердитъ дѣгтемъ", заменена в русском издании пояснением:

"пропитались людскимъ духомъ".

Страница 209 А Шрамъ понуро: "Се вже така: дѣгтярь и смердитъ дѣгтемъ. Коли взявъ Польку, то вона тебе наскрізь своїмъ духомъ пріме."

Страница 127 Да, сказали Шрамъ, козакі наши, тягачисъ съ Ляхами лѣтъ десять, порядочно таки пропитались людскимъ духомъ; а кто еще взялъ за себя Польку, то и совсѣмъ сполячился.

Поговорка: "звѣдки сей вітеръ віе?", находится только в украинском издании и заменена в русском пояснением.

Страница 75 "Отъ тобі на! А хибѣ жь ти не бачишь, звѣдки сей вітеръ віе? Се вже коїть не хто, якъ проклятуцій Иванецъ изъ Низовими комишниками.

Страница 51 Какъ пускай затѣвають? вспыхнувши весь, повторилъ Шрамъ, развѣ ты не понялъ, что все это значить? Вѣдь это все пружины проклятого Иванца!

В следующем сравнении оба издания имеют поговорки, отличающимися основными словами.

Страница

Страница

280 "Скажи, що пропавъ козакъ
ні за цѣлову дѣшу,

160 Скажи, что пропалъ козакъ
ни за собаку!

307 "Візьме колісѣ и наша!"

173 будетъ и на нашей улицѣ
праздникъ.

337 ..тому часъ, що бѣтько въ
плахті!...

190 ..тому часъ, що невістка въ
плахті!...

Идиоматическая поговорка "такое говорятъ, что и волосъ выветъ", употреблена только в русском издании.

Страница 301 "Тамъ Запорѳацї такѣ прова́дять, що ажъ слѣхати сумно."

Страница 170 Тамъ Запорожцы такое говорятъ, что и волосъ вянетъ.

Следующая поговорка тоже употреблена только в русском издании.

Страница 175 "Молода́, ба́тьку, знайшла́сь би й дру́га, а Кири́ла Ту́ра дру́гого не бу́де."

Страница 110 Что мнѣ невѣста? Этого цвѣту много по всему свѣту, а Кири́ла Ту́ра дру́гаго не найдешь во всемъ мїрѣ.

В переводе встречается место, где Кулиш предпочел употребить загадочный ответ вместо определенного в оригинале.

Страница 284 Коли́бъ ще й ёму́ тутъ не скла́лось ли́ха, бо на ра́дї безъ бїдї не обїдетця."

Страница 162 Боюсь, чтобъ и ему мышь головы не откусила. Онъ человекъ горячїй, а на черной радѣ будетъ не безъ лиха!

Д и а л о г в одном месте оригинала часто заменяется повествованием в переводе или наоборот.

Страницы

Страницы

49 Петро́ одъ ра́дости не знавь, де вїнь и стоїть, -мо́вь сонъ ёму́ снитця! Про що вїнь тїлько подума́вь, за́разъ вонб ёму́ й ёсть. А Ле́ся чо́гось нїби зляка́лась, да й ка́же: "Тату́ся! хиба́ жь ви не ба́чите, що не всї вь ха́тї?"

Оберну́всь Черевань, -нема́е жїнки. Ажъ ось зона́ зновъ увїшла́ вь свїтлицю́.

Петру это внезапное сватовство казалось сновидѣнїемъ; онъ не помнилъ себя отъ радости. Но Леся съ испугомъ посмотрѣла на отца и напомнила ему, что матери не было въ свѣтлицѣ. Въ самомъ дѣлѣ Череваниха, улучивъ минуту, выбѣжала въ кухню къ своимъ дѣвчатамъ, чтобъ распорядиться приготовленїемъ вечера.

Отсутствїе матери было въ глазахъ обоимъ сватовъ важнымъ препятствїемъ къ обрученїю. Но пани Череваниха летела мухою по всему дому, успѣвая хлопотать за десятирьхъ, и какъ разъ во время показала́сь вь свѣтлицѣ.

68 Якъ сказа́въ, то на́че йскру 47 -Чортъ возьми! вскричало еще
въ поро́жъ укину́въ. Усі́ такъ
и загорі́лись; бо ми́щане вже
давно на городо́ве коза́цтво
да на старшину́ важни́мъ ду-
хо́мъ ди́хали. нѣсколько голосовъ, потому
что пьяная чернь вспыхиваетъ
какъ поро́жъ отъ одной искры,
-такъ мы тогда только компа-
ні́я кармазина́мъ, когда нужно
ихъ выру́чать изъ людскаго
я́рма?

252 "Добре", ка́же Петро́ /халь 149-Добре, пани-матко, пойду!
ѣму́ було́ серде́чно! бабу́сі/,
"пійду", ка́же, "немо́въ при-
несу́ вамъ поті́шну зві́стку."
"О, помо́жи то́бі, Го́споди!"
ка́жуть разо́мъ обі́дві, да й
випрова́дили є́го зъ моли́тва-
ми. сказали Петро, котораго раз-
мягченная любовью душа живо
сочувствовала ихъ горести.
Мать и дочь проводили его
съ напутственными благосло-
вені́ями.

391 "Нечи́стому бога́цько ді́ла й 216-Запорожскій швецъ отбросилъ
по манастиря́хъ", отві́тує
то́й, да й одкину́въ відло́гу.
Брухо́вецький ажъ одшат-
ну́всь. назадъ кобеня́мъ, и Брухо-
вецкій отъ удивленія от-
ступилъ назадъ.

Украинское издание отличается сжатостью, сгущенностью красок и резкостью выражений, тогда как отличительной чертой русского издания являются обширность пояснений, обогащение за счет развития мысли, плавность и обходительность повествования. Кроме выше указанных отличительных черт есть известное количество отрывков, написанных харак т е р н о для каждого языка.

Первые два отрывка различаются характерными для украинского языка выражениями: "тяжко грошовитий", "шарпавъ...недоляшк'івъ". В русском издании они заменены пояснениями, плавным и обходительным изображением и типичными для русского языка выражениями: "хлебосольство", "богатство" и "обогащение за счет войны".

Страница 3 Крива́ дорі́жка вела́ до Череване́вого ху́тора, Хма-
ри́ща. А Черевань́ бувъ тѣжко грошові́тий да й ве-

сѣлий панъ изъ козацтва, що збагатѣвъ за десято-
лѣтню войну зъ Ляхами. Рѣчь тутъ про Богдана Хмель-
ницкаго, якъ вінъ рѣкѣвъ зъ десятокъ шарпавъ съ
козаками шляхѣтнихъ Ляхѣвъ и недоляшкѣвъ. Оттогдѣ-
то й Череванъ доскочивъ собѣ нечисленнаго скѣр-
бу, да послѣ войны и сѣвъ хуторомъ коло Кіѣва.

Страница 1 Дорога эта вела въ Хмарыше, хуторъ богатаго коза-
ка Черевана, извѣстнаго по всей Кіевской околицѣ
своимъ хлѣбосольствомъ. Дѣло происходило спустя
немного лѣтъ послѣ войны Богдана Хмельницкаго, ко-
торая обогатили козаковъ добычей. Череванъ слу-
жилъ въ войскѣ знатнымъ старшиною и, разоряя
шляхетскіе двory и замки, припряталъ себѣ въ при-
мѣтномъ мѣстѣ ворохъ серебра и золота; а когда
война кончилась, онъ купилъ подъ Кіевомъ хуторъ
съ богатыми лугами и полями, да и захилъ спокой-
ною, лѣнливою жизнью. Всѣ славили его богатство,
а еще больше добродушное хлѣбосольство. Къ нему-
то повернули два путника.

Склатость, четкость и резкость выражений заменяются в пе-
реводе выражениями с смягченными звуками: "грукати шаблею въ
цвяхи", заменяется выражением "колотить въ ворота рукоятью
сабли" и т. д.

Страницы

Страницы

5 Підѣхавши гості підъ бря-
му, почали грукати шаблею
въ цвяхи. По гаю пішла луна,
а въ хуторі не озивавсь ні-
хто; да вже нескоро хтось
за ворітьми пачавъ кашляти,
и стало чути, якъ щось, або
старє, або недуже, берѣтця
въ башті по сходажь до ві-
конця; лізе да й гуторить
само зъ собою.

2 Когда путники подѣхали къ
воротамъ, младшій изъ нихъ
началъ колотить въ ворота ру-
коятю сабли, съ усердіемъ,
которое показывало, что гос-
ти не сомнѣваются въ радуш-
номъ пріемѣ. По лѣсу пошло
эхо, но въ замкѣ никто не от-
зывался. Наконецъ нескоро уже
послышался чей-то кашель, и
вмѣстѣ съ нимъ раздались мед-
ленные, старческіе шаги внут-
ри башни.

184 "Ні, одступлюсь перше
одъ душі!"
"Дажъ якого жь гаспеда ти
одъ мене хочешъ?"
"Оддай, брате, мині її
безъ бою. Не будемъ марно
крові проливати."

106 Нѣтъ, скорѣй откажусь отъ
жизни! Но послушайся меня,
братъ, отдай мнѣ ее, кончи
на этомъ свою шутку, и вотъ
тебѣ рука моя, что я буду
твоимъ вѣрнѣйшимъ другомъ.

362 Якъ ось - Василь Неволь- 203 Въ эту минуту очень кстати
никъ съ кіньми. Упавъ Пет- явился Василь Невольникъ
ро на коня и поинувъ за съ лошадьми. Петро вскочилъ
Запорозцями; якъ тутъ ёму тотчасъ на сѣдло, и, нео-
назустрічь старій Шрамъ. жидая Череваня, поскакавъ
за Кириломъ Туромъ; но тутъ
перерѣзавъ ему дорогу ста-
рый Шрамъ.

363 Нічого й казати Петрові. 204 Что на это отвѣчать старо-
Поїхавъ за пан'отцёмъ, по- му, поверженному въ горестъ
хилівши голову, а серце, отцу? Петро, сдѣлавъ надъ,
ти бѣ сказавъ, на-двое собою необыкновенное усиліе,
розрізано! послѣдовалъ за нимъ молча;
но сердце его какъ-будто
разорвалось на двое.

В следующем отрывке характерность подчеркивается в укра-
инском издании художественным приемом введения народного го-
вора, "ка'зна що, ка,зна звідки". Русское издание обшир-
нее с повторением восклицаний и украинизмом "зимовникъ".

Страница 5 "Врагъ ёго", каже, "знае, який теперъ людъ на-
ставъ! Приїде ка'зна що, ка'зна звідки, та й гру-
котить, якъ ворить не разламле. А якъ-би роківъ
пятнадцять, абб двадцать назадъ! такъ усяке сиді-
ло по Вкраїні тихо та смирно, наче бжолъ въ зі-
мовнику. Ге, то-то бо!... якъ-би вражі Ляхи, со-
бі на лихо, не потревожили козацького роу, то й
досі бѣ, може, такъ би сиділи. Погано було за
Ляхівъ, та вже жъ и наши гуляють не въ свою голо-
ву. Охъ Боже правий, Боже правий!"

Страница 3 Врагъ его знаетъ; говорилъ кто-то, взбираясь, какъ
казалось, не безъ труда по скрипучей лѣстницѣ къ
оконцу, -какой теперь шумный народъ насталь! Прѣ-
ѣдетъ, Богъ знаетъ, кто, Богъ знаетъ, откуда, и
стучить, какъ въ свои собственныя ворота. А лѣтъ
какихъ нибудь пятнадцать назадъ, тотъ же самый
народъ сидѣлъ тихо и смирно, какъ пчелы въ зимов-
никѣ... Ге, то-то и есть! когда бѣ окаянныя Ляхи
не встревожили козацкихъ ульевъ, то и до сихъ поръ
такъ бы сидѣли... Худо было при Ляхахъ да уже-жъ
и наши гуляють не въ свою голову!... Охъ, Боже
правый, Боже правый!... Кто тамъ стучить? Кому это
такъ нужно припало?

Образное выражение в переводе подчеркивает положение Ва-
силя Невольника и указывает на место его страданий "галеру,
где сидѣлъ я на цепи".

Страница 7 "Що, якъ-би такіхъ друзякъ приплило хочъ дві чайки до Кермана, якъ я пропадавъ тамъ у неволі?"

Страница 4 Ну, пан'отче, наградилъ тебя Господь сыномъ! Что, коли бь хотъ двѣ чайки такихъ молодцовъ повстрѣчали галеру, гдѣ сидѣлъ я на цѣпи?...

Характерность и приспособление выражений типичных для каждого языка видны из следующих отрывков.

Страницы	Страницы
15 Якъ почула жь се рада, то такъ и загула одъ радости.	11 Всѣ пришли въ восторгъ отъ такого предложенія.
19 "Такъ се въ васъ Божій Чоловікъ!" спитавъ тоді Шрамъ".	13 Что это? спросилъ онъ. -Ужь не Божій ли Человѣкъ гостить у васъ?
55 Замовкъ Петро, понутивъ голову, а на виду поблѣдъ, мовъ хустка; доняла ёму до живого Череваниха. Вже й сама Леся, зглянувши на матірь, похитала головою.	40 Можетъ быть, никогда въ жизни не случилось Петру блѣднѣть, но теперь щеки его сдѣлались подобны воску. Леся это замѣтила, и, взглянувъ на мать, покачала головою.
93 А Череваниси! щось дуже сумно. Звеліла їхати швидче, щобъ наздогнать своїхъ. Якъ ось Запорозці зновъ по бокахъ дороги. Жупани позабризькувани въ грязь у байраці, да їмъ про те байдуже.	66 Это успокоеніе мало однакожь подѣйствовало на встревоженныхъ женщинъ, и онѣ велѣли прибавить шагу, чтобъ скорѣй догнать передовыхъ своихъ защитниковъ, мало надѣясь на помощь дряхлаго воицы.
96 Оттакъ тіі кавезники змовлялись у-очевидьки на овалтовний учінокъ, и ніхто не розобравъ би, що справді въ їхъ на думці! Шалений бувъ народъ! Усѣ ёму дурниця: чи жить, чи вмерти-ёму байдуже; що людамъ плачь, те ёму играшка. Тимъ-то Череваниха й боялась, щобъ лукавий не підкусивъ паливоду на яку паность. Ажъ ось стали наздогонять своихъ. Запорозці бачать тогді, що ба! да й зникли зъ очей, якъ той сонъ, що чоловікъ хахаетця, мучитця, коли жь гляне, ажъ и нема нічого.	68 Этотъ открытый разговоръ, не смотря на шуточный свой тонъ, былъ ужасенъ въ устахъ Запорожцевъ, этихъ причудливыхъ и своевольныхъ людей, способныхъ на самыя безумныя затѣи, - людей, которые смотрѣли насмѣшливо на жизнь и мало заботились о томъ, чѣмъ она кончится. Къ счастью, рыдванъ нагналъ въ это время Шрама и его спутниковъ; Запорожцы вдругъ исчезли, какъ тяжелый сонъ, и уже больше не показывались.

- 134 И весь же той гармидеръ чинивсь черезъ стѣну одъ Лесі. Лежала вана зовсімъ мовь недужа, а про неі нікто ѣ не спогадае. Сказано-козаки: байдуже їмъ про жінокъ, якъ заходятця зъ війсковими речами. Отъ же, хотъ небожата жінотство вже ѣ знали и корились своі долі, да зацімїло сѣрденько въ моєі Лесі одъ того занедбаннѣ; калъ їй було не помалу на свогѣ ясногѣ женихѣ, на Сомкѣ Якіма. Рицарь надъ рицарствомъ, вродливий надъ вродливими, да, видно, тїлько въ ѣго ѣ думки, що про гетьманскї порядки. А дївочему сѣрцю що ѣ молодѣцька красѣ, що ѣ козацька слава, коли до неі козаць не горнетця?
- 88 Все это происходило въ свѣтлицѣ, сосѣдней съ комнатою, въ которой лежала разстроенная гетманская невѣста. Никто о ней не заботился: козаки увлеклись войсковыми дѣлами, заговорились подъ стукъ ковшей и кубковъ, и позабыли о своихъ женахъ и невѣстахъ. Это было въ порядкѣ вещей, къ этому всѣ привыкли; но обычай покрываетъ умъ, и не влстенъ надъ сѣрдцемъ. Леся сильно почувствовала свое отчужденіе.... У него въ головѣ только и мыслей, что про походы; сѣрдце его только и бьется для военной славы. А дѣвичьему сѣрцу тогда только дорога рыцарская слава, когда козаць вмѣнить ее въ ничто передъ любовью.
- 159 "Знаю я, брате", каже Кирило Туръ, "якъ Шрамѣнко рубаетця; тимъ-то ѣ не хочю у такому разі показати єму своі спину.
- 103 Я много разъ слышала, сказаль Кирило Туръ, - что Шрамовъ сынъ одинъ изъ первыхъ рубакъ на Украинѣ, и потому-то не хочу, чтобъ онъ видѣль спину Кирида Тура, послѣ того, какъ махаль ему издали саблю.
- 237 Козацька доля въ Бога на колїнахъ. Туди и рветця наша наша душа, коли хочешъ знати... та чи съ тобою жъ про сі рѣчи вести розмову?
- 142 Козацкая душа развѣ въ безпрѣдѣльномъ небѣ найдеть себѣ просторъ. Вотъ жизнь! И потомъ, обращаясь къ Петру:
- 246 "...наче їмъ хто нїжъ ус- тромивъ у сѣрце,..."
- 146 ...какъ бы пронзенная стрѣлою,...

Образное выражение в украинском издании "Тетера ажъ здригнувсь", поясняется в переводе плавным повествованием.

Страница 16 Тетера ажъ здригнувсь, якъ почувъ про такѣ диво. Що бъ то робивъ? да нічого не змігъ бо такъ велось у ту старосвїщину, що рада була старца одъ гетьмана. Мусивъ Тетера прислати Шрамові

универсаль на полковництво. Обидва жь вони полі-
тикуютьця, подарунками обсилаютьця, а нишкомь одинь
на одного чигають. Отъ же думавь Шрамь, думавь,
якъ би Украину на добру дорогу вивести; далі, на-
думавшись, пустивъ такую поголоску, що нездужае,
нездужае полковникъ; передавъ осаулові Гулаку
свій рейментарський пірначь, а самъ виїхавъ, ні-
би кудись далеко на хутірь для спокю, да ото й
махнувъ изъ синонь съ Паволочи.

Страница 11 Гетмань Тетера съ досадою узналь объ этомь не-
предвидѣнномь избраніи, но не былъ силенъ унич-
тожить опредѣленіе полковой рады, такъ какъ рада
- выражаясь словами народа - была старша гетма-
на. Прислалъ Тетера Шраму подтвердительный свой
универсаль на титул полковника, и оба они сохра-
нили видъ пріязни, но втайнѣ наблюдали подозри-
тельно каждое дѣйствіе другъ друга. Наконецъ
Шрамь задумалъ что-то рѣшительное, распустилъ
служь о своей болѣзни, и, сдавши управленіе
полкомъ и городомъ своему эсаулу Гулаку, выїхалъ
изъ Паволочи, будто бы въ одинъ изъ дальнихъ
своихъ хуторовъ на покой. Въ тѣ времена рѣдко
прибѣгали въ недугахъ къ другимъ лѣкарствамъ,
кромѣ покоя.

Ярче и живее изображаются в переводе действия Череваня.

Страница 21 Слѣхавъ ёго Шрамь довго, а далі вийшовъ изъ-за
дерева да й ставъ навпротивъ Череваня.

Страница 14 Увидя вдругъ передъ собою Шрама, Черевань вско-
чилъ съ необыкновенною легкостью на ноги и
вскричалъ,

Оригиналь, в следующей цитате, имеет выражение более
близкое украинскому языку: "почувъ козацькую мову". В пере-
воде же употреблено выражение: "христіанську рѣчь" и выра-
жение патриотизма: "на славной Украинѣ".

Страница 23 А ти вѣспівавъ, за мене сто золотихъ червонихъ;
отъ я изновъ мѣжь хріщёнимъ міромъ, изновъ по-
чувъ козацькую мову!"

Страница 15 а ты выпѣль своими пѣснями за меня сто дукатовъ,
и вотъ опять я на славной Украинѣ, опять слышу
христіанську рѣчь!

Изображая чрезвычайно ласковое обращение Череванихи к
Шраму, автор употребляет в украинском издании метафорное вы-

ражение, "медовимъ голоскомъ" и характерное для украинского языка обращение "пан'отченку". Образно и убедительно звучит конец отрывка. Русское издание вышло мягче, обходительнее и безцветнее.

Страница 51 А та вже тогді медовимъ гóлосомъ: "Пан'óтче, пане полкóвнику, приятелю нашъ любий! нема́ на Вкраїні чоловіка, щобъ не знавъ, чо́го стоїть старий Шрама, и який старшина, який полкóвникъ не оддавъ би дочкы за твогó пана Петра? Не къ тому, пан'óтченку, тутъ рíчь. Зъ дорогою душею ради й ми одда́ть за ёго, свою дитину; тiлько жъ бо треба чинити такé дiло по-Християнськи. Наши дiдi й бабi, якъ думали заручати дiтей, то перше iхали зъ усёю сiмьею на прощу до яко́го монастиря да молились Богу. Отъ Богъ дава́въ дiтямъ и здоровье, и таланъ на всю жизнь. Се дiло святе: зробимо жъ и ми ёго по-прéдковськи."

Знала Череваниха, що сказа́ти: такъ и осадiла Шрама, мовъ горщомъ одъ жару одставила.

Страница 37 Пане полковникъ, прiятель нашъ почитенний, сказала Череваниха, стараюсь говорить какъ можно ласковее, - не къ тому тутъ клонится рíчь; съ дорогомъ душею готовы мы оддать тебѣ свое дитя, только нужно сдѣлать это по-христiянски. Наши дѣды и бабушки, когда думали заручать дѣтей, то сперва iхали всею семьею на богомолье въ монастырь, или къ чудотворному образу; тамъ усердно молились Богу, - вотъ Богъ давалъ ихъ дѣтямъ и здоровье и согласiе на всю жизнь. Дѣло это святое, сдѣлаемъ же и мы его попредковски. Отправимся завтра всѣ гуртомъ въ Кiевъ, отслужимъ въ пещерахъ святыхъ угодникамъ молебень, да тогда уже и за сватовство.

Такая рíчь совершенно смягчила Шрама.

В следующем отрывке употреблены характерные выражения в оригинале, "поплентавсь дiдусь", "казаки надрали усячини", "перевелось кадло" и другие. В переводе обстоятельства изображены обходительным, утонченнымъ языкомъ с украинизмом, "цацки" и старославянизмом "благоденствiе".

Страница 53 Якъ-же верну́вся въ ранці до свiтлиці, то Бóжого Чоловіка вже не було въ компаніi: поплентавсь дiдусь ище до схiдъ-сонця изъ Хмарища. Усi по-

вдягались у довгі подорожні сукні и ждали тільки старого Шрама. Той, стоя передь образомъ, дочитувавъ своїхъ молитовъ. По стѣнахъ и по полицяхъ у свѣтлиці не видно було бильше ні дорогої зброї, ні срібнихъ кубківъ; бо въ тую неспокойну старосвѣщину, одлучаючись, не кидай було пліхо дома нічого, а ховай по тайникахъ, по підземнихъ скорбницяхъ.

Страница 38 На другой день, возвратясь въ свѣтлицу, Петро не нашель тамъ уже въ компаніи Божьяго Человѣка. Бандуристь ушелъ изъ хутора еще до восхода солнца. Всѣ были готовы къ выѣзду; только старый Шрамъ, стоя передь образомъ, доканчиваль въ поль-голоса свои утреннія молитвы. На полкахъ оставлены были только оловянные, стеклянные и глиняныя фляги, кубки и ковши, со стѣнь исчезли дорогие мушкаты, панцири и сагайдаки. Все это, по случаю отсутствія хозяина изъ дому, перенесено было въ подземные тайники, безопасные отъ набѣга Татаръ или шайки гайдамакъ, никогда не переводившихся въ Малороссіи.

Следующий отрывок начинается в украинском издании красочным вступлением. В русском издании он противопоставляется началу, в котором автор ставит себя в ряды читателя и говорит: "Богомольцы наши..." Отрывок кончается тем же образом.

Страница 99 Кто бы то мавъ такѣ слово пишне да красне, щобъ такъ якъ на картині змалѣвати той монастирь Печерський? щобъ хто й не бувъ изъ-роду въ Києві, такъ щобъ и той, читаючи, мовъ бачивъ на свої очи тіі муровані огради, ту височенну дзвоніцу, тіі церкви підъ золотомъ да підъ скульптурою? Се жъ то воно такъ теперъ; а роківъ двісті назадъ треба було слова тихого, понурого, щобъ розказати, якъ тогді знаходивсь монастирь Печерський. Далось и ему въ знаки Батиєвське лихолітє. Велика церква, що прописана въ літописяхъ "небесі подобною", зруйнована була по вікна. Хоть-же князь Олельковичъ Симеонъ піднявъ її зновъ изъ руїнь, тільки далеко їй було до стародавнєї ліпоті. Не було ні срібла, ні золота, що теперъ сияє по Лаврі всюду; усє було тогді убогонько.

Э, да було скрізь по стінахъ у Великій церкві помалѣвані князі, гетьмани, воеводи благочестиві, що тую церкву боронили й підпирали. Теперъ би дорого дали ми, щобъ їхъ узрѣти! А въ-низѣ поузь стінь скрізь були надгробки тихъ великихъ людей, тогді рицарства православного. И тогді нічого вже немає!...

Вистоявши службу, Шрамъ ходивъ изъ своими одъ одного надгробка до другого. Тутъ читавъ, що отъ такой-то "Симеонъ Лыко,...

Страница 68 Богомольцы наши, безъ дальнѣйшихъ приключеній, достигли святыхъ воротъ Печерскаго монастыря, имѣвшихъ тогда видъ замковой башни, и снабженныхъ пушками и ружьями, къ которымъ не разъ прибѣгали обитатели монастыря во время войны съ иновѣрцами и татарскихъ набѣговъ.

Выслушавъ позднюю обѣдню въ великой, "небеси подобной" церкви Печерской, Шрамъ и его спутники приложились къ святымъ мощамъ, осмотрѣли изображенія князей, гетмановъ и вельможъ, создателей и благодѣтелей храма, писанныя во весь ростъ на заднихъ и боковыхъ стѣнахъ, и читали на ихъ надгробіяхъ поучительныя надписи. Древніе поборники православія, посредствомъ этихъ надписей, бесѣдовали съ потомками, и одними своими именами говорили душѣ ихъ о доблести имени русскаго. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго въ церкви Печерской теперь мы не видимъ. Старинные портреты и надгробія отчасти истреблены пожаромъ въ началѣ прошлаго столѣтія, а отчасти уничтожена рукою невѣжества, которое для всякаго рода памятниковъ страшнѣе огня и желѣза. Грустно было Хмѣльницкому видѣть "красоту церковей божіихъ опустошенную и на землю поверженную" иноплемениками и отступниками; не менѣе грустно и намъ видѣть, какъ мало уцѣлѣло въ нашихъ храмахъ изъ того, что миновала или пощадила рука Монгола и католика.

Шрамъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе насъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ читалъ, что такой-то "Симеонъ Лыко,...

Вульгаризмъ в оригинале принимает в переводе вид витиеватого обращения.

Страница 215 А Гвинтовка глянувъ у вікно да й гукнувъ на свої слуги: "Хлопц! бийте вразькихъ личаківъ по гамаликахъ! женіть батогами зъ двора Хамове кодло!"

Страница 131 А Гвинтовка между тѣмъ въ окно: -А, вражьи мужвалы! съ какимъ покорнымъ видомъ подходятъ теперь къ рундуку! на я имъ покажу разницу между паномъ и хамомъ. Гей, сволочь! крикнулъ онъ своимъ слугамъ, не пускать ко мнѣ этихъ длиннополыхъ лычаковъ! Бейте ихъ по затылку! гоните со двора батогами хамово племя.

Дальше имеется известное количество короткихъ предложений и отрывковъ равныхъ по силе, но характерныхъ для каждаго языка.

Страницы	Страницы
183 "Богдай и не казати, пане Ясновельможний!"	114 Лучше бы и не говорить, вскричала Юско, махнув рукой.
186 О неситая жадоба старшинованья!	116 О панство, проклятое панство!
191 Мізкуючи такъ, слухае, аж испереду піднявся якийсь галасъ. Косили надъ дорогомъ косарі, а одинъ упивсь, да й простягсь середъ шляху; а Василь Невольникъ, мабуть, задремавъ да й нахавъ; отъ и счинилася заверуха. Завзятій підъ ту чорну раду сільскій людъ изробився. Шрамъ стиснувъ коня острогами и підбігъ швидче до ридвана.	118 Онъ былъ выведенъ изъ задумчивости грознымъ крикомъ нѣсколькихъ голосовъ. Василь Невольникъ нахалъ на пьянаго косаря, растянувшася поперегъ дороги: товарищи вступились за него и окружили ридванъ събранью и угрозами. Когда Шрамъ подскочилъ къ толпѣ, цѣлая буря восклицаній поразила служъ его.
195 Оттакъ якъ значе оповідати, мовъ изъ письма беручи, сива голова, то судня рада й про свій судъ забуде.	120 Такъ проповѣдывалъ сельскій ораторъ на своемъ вѣчѣ, и вѣче, слушая, позабывало, для чего собралось оно.
218 А руки жъ то білі, ніжні, засукані по-хозяйськи по локоть, здаютьця чистішими одъ скатерти и ніжнішими одъ миткалевихъ рукавівъ, - сияють скрізь вечерню тінъ, якъ свіжий снігъ ранкомъ на дворі.	133 Красота рукъ у женщинъ самая долговременная, и руки княгини съ сверкающими перстнями, чудными линиями мелькали въ вечернемъ полусвѣтѣ надъ движущимися складками скатерти.
227 "Охъ, швидко сі Гевали зрѣблять васъ Гамаликами!" сказавъ тогді батько Пугачъ. Не поможуть вамъ ні шаблі, ни бунчукі! Дурні ви, дурні зъ своєю пихою, та й не ка-етесь!	138 Дурни вы, дурни съ своимъ панствомъ, да еще и не ка-етесь! воскликнулъ батько Пугачъ. Погодите, скоро придетъ время... не помогутъ вамъ ни ваши сабли, ни ваши грамоты, что повыпрашивали вы себѣ у короля, лижучи сенаторамъ руки!
233 Одна думка усѣди ёго про-вожала: жалковавъ на свое нещасливе коханнѣ. Осъ бо спершу нудивъ свѣтомъ, що горда дівчина на ёго байдуже; далі скілько-то перего-ріло у ёго въ серці огню	140 его преслѣдовала все одна мысль. Прежде, бывало, его мучила холодность гордой красавицы, потомъ ревность къ счастливому сопернику; теперь онъ зналъ, что его любятъ: это съ одной сторо-

одъ того несказанного жалю,
що инший передъ его очима
взявъ да й веде !! до він-
ця; а теперъ ще нове горе:
знае, що вона его любить
широ, да треба розізнатись
на-віки.

ны его радовало, но съ дру-
гой - онъ тѣмъ больше му-
чился, что долженъ быть от-
казаться отъ любви доброволь-
но.

- 247 Не знали сердечні, чи ня- 146
ти, чи не няти віри Кирилу
Турові, однакъ стали трош-
ки спокійніші. Дивлятця
мівчки на грозного своего
гостя, на батька Пугача, чи
не скаже вінъ хоть словеч-
ка мякшого, чи не всміхне-
тця до їхъ. Ні, білі его
брові страшно насупились.
Попустивши внизъ сивий,
дівуий усъ, поглядовавъ
вінъ на Кирила Тура, якъ
хижий орелъ на ягницю.
- 268 Загадавъ Петро, закуривсь 154
про лиху Українську долю;
Поражений этими горькими
мыслями.
- 276 Сердега повернувъ, а вінъ 159
ему такъ одваживъ, киємъ по
плечахъ, що ажъ кістки за-
хрумтіли. Однакъ Кирило
Туръ показавъ себе добримъ
Запорзцемъ: и не зморщивъ,
и не застогнавъ.
.....
Дивлячись оддалекі на
Запорозький прочуханъ, Пе-
тро помірковавъ, що не ба-
гато Кирило Туръ выдержитъ
такіхъ гостинцівъ. Жаль
ему стало нетяги; підій-
шовъ до его, чи не дасть
якого завіту сестрі да ма-
тері.
- 300 "Да чого доброго й ждять 169
одъ такого, що полизавъ
Лядськихъ пулѹмисківъ?
Да чего добраго и ждять,
сказаль Шрамъ, отъ того, кто
превращался изъ козана въ
Ляха?
- 382 "Підтоптавъсь, підтоптавъсь 212
пань гетьманъ!"
Видно, порядкомъ батько по-
тануль съ радости: не знать
что городить.
- 383 Оставсь Бруховецький якъ 213
остуженний.
И съ этимъ словомъ вышелъ
изъ свѣтлицы, оставя гетмана

въ совершенномъ остоленіи
нїи отъ стыда и удивленія.

Иногда автор находит нужным ввести личное обращение к читателю, "если помните". В этом случае он это делает только в переводе.

Страница 223 Якъ ось увійшовъ до свѣтлиці батько Пугачъ, старій, довгоусий дідуганъ, изъ своімъ чуром. У прѣстихъ сїмрягахъ, а сорочки чорні, якъ сопуха.

Страница 136 Тутъ въ свѣтлицу вошли два Запорожца: одинъ съдой старикъ, другой еще очень молодой козакъ. Это былъ извѣстный на Сѣчи батько Пугачъ, старѣйшій изъ запорожскихъ старцевъ, со своимъ чуром. Его-то именовъ, если помните, Черного-рець думаль унять своего побратима отъ любовныхъ дурачествъ.

Стремление к материальному благосостоянию подчеркнута в оригинале. В переводе ударение падает на стремление к власти.

Страница 306 ...а то на кого нї заглянешь - усяке, мовъ звїрѣка, про свой тїлько шкуру да про свій берлігъ дбае.

Страница 172 ...а то на кого ни взглянешь, у всякого первая забота объ этомъ несчастномъ панствѣ, объ этомъ чванствѣ и господствѣ, которое гнететь и губить Украину!

Дальнейшие два отрывка имеют уже в начале большую разницу. В украинской версии автор начинает повествование вопросом к читателю с повторением, "чомъ отсе". В русской версии автор ставит себя в ряды читателя говоря, "На наших..."

Страница 325 Чомъ же отсе - теперъ спитаюсь я - чомъ отсе Петро и Лєся не зїдутця и поговорять? То було таки, хотъ и стереглись одно одного, да все таки й повїтаютця й поготорять де про що, якъ братъ изъ сестрою, а теперъ боятця й очей звестї одно на одного. Э, шкода й питати! Есть у насъ у обожь якась думка, тайна невимовна. Радї бь вони ту думку задавить якъ гадюку-епокусницю, а тимъ часомъ противъ волї голублять її въ серці. Тимъ-то вони й не сходятця до-купи, тимъ боятця й очей звестї одно на одного...

Засумовала дуже Череваниха, а Черевань, дивлячись на неї, и собі, мабуть, щось пораховавъ: смутний сидівъ за вечером, смутний уставъ и зъ-за столу.

Страница 182 На нашихъ влюбленныхъ грозный поворотъ произшествій произвелъ особенное дѣйствіе. После рассказовъ объ опасности, какая угрожаетъ Сомку, Петро и Леся боялись не только заговорить, но даже взглянуть другъ на друга. И у него, и у нея возникла въ глубинѣ души дума, которую бы они желали подавить какъ недостойную, но которую въ тоже время противъ воли лелѣяли въ сердцѣ. Они хорошо разумѣли другъ друга, и, подобно людямъ, искушаемыхъ демономъ на грѣхъ, не смѣли встрѣтиться глазами.

Во всемъ обществѣ Гвинтовки произошла теперь перемѣна. Даже и Череваниха сдѣлалась молчаливою, а Черевань, глядя на нее, такъ упалъ духомъ, что не развеселился даже и за ужиномъ.

Начиная следующий отрывок оригинала словами Галки, автор переводит их своими пояснениями с вескими доводами. Он высказывает свои мысли по поводу роли царя и взаимоотношений Украины с Россией типичным резким языком в оригинале; в переводе автор употребляет обходительные выражения, более приступные для русского читателя.

Страница 369 У ту бо нещасливу годину справді такъ дучилось, якъ мовивъ Галка: "Де кричѣть, а де співають; де кровъ иллѣть, а де горілку пьють." Коло Бруховецького сидить за столомъ князь Гагинъ изъ думними дяками, - люде поважні, що не зъ гайдамаками бы їмъ бенкетувати; такъ отъ же зболото того наробило, що безбожний харцизяка ставъ їмъ у повазі, а щира душа мусить погібати! За золото не звонтпили ошукати свого Царя, що давъ їмъ у всѣму віру; не звонтпили черезъ того Иванця наготовити кривавихъ бучъ своїмъ землякамъ изъ нашимъ безталаннимъ людомъ. Хто жъ бо того не знає, скільки опісля розлито на Україні крові черезъ Иванцеве лукавство да черезъ неситу хтивость Московськихъ воеводъ?

Гуляє князь Гагинъ изъ Бруховецькимъ, исповняють червонимъ виномъ кубки, бенкетуютъ на людське безголовье. Скрізь, и въ світлицяхъ у Колодія, и на подвір'ї, сидять по-за столами Городова козацька старшина зъ Запоробцями: усѣ то ті! що нишкомъ поякшались изъ Низовцями да,

ради свого панства, запродали Сомка Иванцеві. Невірні душі тепер уже іншому й трунок не лезе в пельку, іншому такъ тяжко, якъ тому Іуді; да вже нема вороття-треба брататця зъ розбишаками! А тіі окаянніі сидять за столами въ чужихъ кармазинахъ, що де на якихъ и не сходятьця, пьють горілку якъ воду, хвалятьця такими добримі вчинками, що ажъ морозъ иде по-за спиною; крикъ галасъ счинили несказанный. Дивуетця князь, поглядячи на таку компанію, и питаецця въ гетьмана:

Страница 205 Возлѣ него сидѣли московскіе послы. Ихъ сановитая наружность рѣзко противорѣчили плутоватой минѣ Бруховецкаго и дикости ухватокъ и рѣчей запорожскихъ его старшинъ. Казалось бы, этимъ людямъ никогда не сойтись на общій пиръ; но такова сила крѣпостолубія, что сановитые вельможи не устыдились подружиться съ безчестными разбойниками, а людей, которые сдѣлали бы имъ честь своею дружбою, предали поруганію и тиранству. За золото Бруховецкаго они безстыдно обманывали своего Царя, который во всемъ на нихъ полагагася, и сдѣлались причиною послѣдовавшихъ скоро за тѣмъ между Россією и Україною войнъ, которыя погубили множество народу съ той и съ другой стороны и на долго поселили племенную неприязнь и отчужденіе.

Тутъ же за столами сидѣли и городовые старшины, тайно продавшіе Бруховецкому Сомка и его пріятелей. Теперъ, слушаая неистовыя рѣчи Запорожцевъ, они невольню вспоминали пиры Сомковы, на которыхъ слышались толки о доблестяхъ козацкихъ, о лучшемъ устройствѣ Украины, и не одинъ изъ нихъ, подобно Іудѣ, почувствовалъ, что онъ сдѣлалъ; но уже поправить дѣло было не возможно; по неволѣ должны были брататься съ разбойниками. А тѣ сидять въ чужихъ жупанахъ, то слишкомъ узкихъ, то слишкомъ широкихъ, пьють горілку, какъ воду, и въ шумномъ крикѣ хвалются самыми варварскими дѣлами.

Князь Гагинъ съ удивленіемъ посматривалъ на пирующихъ. Послѣ чинныхъ московскихъ обѣдовъ, этотъ пиръ казался ему настоящимъ Садомомъ.

Переводя следующий отрывок, автор употребляет слово "крыса", в оригинале применено выражение "усатый пацюкъ".

Страница 390 "Одъ усатого пацюка знаю."
"Буде жъ тому пацюкові!"

Страница 216 -Отъ крысы.

-Такъ, такъ! сказалъ Бруховецкій, закусивъ злобно губу.

Религиозная резигнация Сомка в украинском издании, превращается в призыв к борьбе за правду в русском издании.

Страница 400 "Э, ні, мій голубе! сего́ не буде. Нехай той гине, на ко́го Госпо́дь показавъ персто́мъ Свои́мъ!

Страница 221 Нѣтъ, братъ, этого не будетъ! Пускай погибнетъ тотъ, кому Госпо́дь опредѣлили пострадать за правду;

Последняя встреча Петра с Василием Невольником нарисована в каждом издании тем особенным образом, который заставляет называть русское издание художественным или свободным переводом. Тут он шмыгнул в дом, там он показался в саду на дорожке. Так или иначе встреча состоялась и разницу можно увидеть только при дословном разборе.

Страница 419 Такъ распиту́ючись да розмовля́ючи, и не случись, якъ настала обі́дня година. Коли жъ саме передь обі́домъ, шастъ у хату Васи́ль Невольни́къ, и веде за собою слі́домъ Бо́жого Чолові́ка. Ходивъ старій на то́ргъ у Ки́ївъ, да, попавши тамъ десь ді́дуся, заразы́ и загарбавъ ёго до Череваня: дуже кохавсь Черевань у ёго співажъ. Якъ же то зраді́въ Васи́ль Невольни́къ, побачивши Шраме́нка! То съ того, то зъ друго́го бо́ку за́йде, розста́вить ру́ки, здвигне́ плечима́ и, бачця, самъ собі не йме́ віри. И Бо́жий Чолові́къ зраді́въ: ажъ усмі́хавсь, обляпу́ючи круго́мъ Петра.

Ще, веселі́йшъ поча́ли тогди́ гомоні́ти. Леся щета́ла якъ ла́стівочка.

Страница 229 Въ такихъ разговорахъ бѣжали незамѣтно часы и минуты. Само собою разумѣется, что Петро не позабылъ освѣдомиться и о Васи́лѣ Невольни́кѣ. Ему отвѣчали, что онъ уѣхалъ въ городъ на рынокъ и будетъ къ обѣду.

Дѣйствительно, передь обѣдомъ Васи́ль Невольни́къ показался въ саду на дорожкѣ, ведя за собою Бо́жяго Чолові́ка. Радости его выразить не возможно: со всѣхъ сторонъ онъ заходилъ къ Петру, разставивъ врозь ру́ки, пожималъ плечами, и, казалось, глазамъ своимъ не вѣрилъ. А Бо́жий Чолові́къ только усмѣхался, ошупывая Петра.

Говоръ зашумѣлъ тогда еще веселѣе. Леся звѣнѣла своимъ голоскомъ, обращаясь безпрестанно къ гостю свободно, какъ родному брату.

Заключительный отрывок книги в обоих изданиях написан в религиозном духе: в оригинале с упоминанием Бога и его власти, в переводе с выражением "судьба" и ее воля.

Страница 422 Такъ-то усѣ те лихѣ минулось, мовѣ приснилось. Якѣ-те воно страшнѣ усякому здавалось! а отъ же, якъ не Бѣжа воля, то їх и не зачепило. Се такъ, якъ отъ інколи схопитця заверуха-громомъ гримить, вѣтромъ бурхае, свѣту Бѣжого не видно; поламле старѣ дѣрево, повиворбчуе зъ коріннемъ дуби й берези: а чому указавъ Господь рости й цвѣсти, те й останетця, и красуетця весело да пышно, мовѣ изъ-роду й хуртовини не бачило.

Страница 230 Такимъ образомъ вся буря смутной тогдашней години прошла для нихъ, какъ во снѣ. Такъ иногда разразится надъ цвѣтущею природою сокрушительная гроза; грохочетъ громъ, бушуетъ вѣтеръ; буря ломаетъ дѣревья, исторгаетъ съ корнями дубы и березы; но чему суждено рости и цвѣсти, то все уцѣлѣетъ и будетъ красоваться весело и пышно, какъ будто никогда и грозы не видало.

Немногие места перевода, которые Кулиш счел нужным и уместным уменьшить, приведены ниже. Иногда многословно изображенный отрывок при переводе изображается несколькими скатыми предложениями.

Страницы	Страницы
24 "Діетця такѣ", одвітуе Бѣжий Чоловѣкъ, важко здихнувши, "що бодай и не казати! Не добре, кажуть, починае на сій Україні Тетѣра, а за Днѣпромъ чинитця щось ище гѣрше. Жадного ладу мѣжъ козаками."	16 Слышать такое, что лучше и не говорить: межъ козаками никакого ладу: одинъ направо, а другой налѣво.
25 "А такъ, що дияволь замутивъ голову Васютѣ Нѣженскому. Уже й чуприна біла якъ у мене, и зовсімъ уже дідь; доживавъ би віку на полковництві: такъ отъ же захотѣлось на старість гѣтьмановати. Багато козакѣвъ и єго слухае. А якъ вінъ собѣ маетця добре, то	16 А такъ, что лукавый искусилъ на гетманство сѣдого старика Васюту Нѣжинского. Много козаковъ и на его сторонѣ, сильна его рука и въ царскомъ дворѣ - и тамъ за него стараются.

и бояре, що на Москві коло
Царя, що хоті роблять, и
ти! за ёго тягнуть руку.

394 Вінъ же виходить у одні
двери, а Кирило Туръ вхо-
дить у другі. Увійшовъ и
заразъ заперъ двери, Гляне,
посвѣчуючи по глібці каган-
цемъ, ажъ у кутку сидить на
голому ослоні, сомко. Однимъ
залізомъ за поперекъ ёго
взято и до стіни данцюгомъ
приковано, а другі кайдани
на ногахъ замкнуті. У ста-
рій подраній сірячині,
безъ пояса и безъ сапьян-
цівъ. Усѣ харцизяки по-
здирали, якъ узали до вя-
зѣння; тілько вишивано!
срібломъ да золотомъ сороч-
ки пособістились изнімати.
Вишивала ту сорочку небо-
га Лѣся; и по ковнуру, и
по пазусі, и по ляхівкахъ
широкихъ рукавівъ повипи-
совала голубонька срібломъ,
золотомъ и длакитнимъ
шовкомъ усякі квіткі и ме-
рѣжки; а Череваниха подару-
вала і безталанному геть-
манові на памятку гостѣ-
вання въ Хмарищі.

217 А кирило Туръ между тѣмъ
отворилъ дверь въ темни-
цу, и тотчасъ заперъ ее за
собокъ. Поднявши къ верху
каганецъ, онъ увидѣлъ Сом-
ка, прикованнаго толстою
цѣпью къ стѣнѣ. Узникъ си-
дѣлъ на соломѣ, въ старой
сермягѣ, безъ пояса и безъ
сапоговъ. Все у него огра-
били, когда взяли подъ
стражу. Изъ прежней одеж-
ды осталась на немъ толь-
ко шитая серебромъ, зо-
лотомъ и голубимъ шелкомъ
сорочка. Шила эту сорочку
бѣдняжка Лѣся, украсила
вдоль по воротнику, по
разрѣзу пазухи и по кра-
ямъ широкихъ рукавовъ
цвѣтами и разводами, а
ея мать подарила эту со-
рочку нареченному зятю
на память гостеванья его
въ Хмарищѣ.

Подробное описание вычурной работы кружки, подается в
переводѣ сжато, известными в русском языкѣ словами "барелье-
фы", "вакханки" и "Фаун".

Страница 41 И доставъ изъ полицки жбанъ, прехимѣрно зъ сріб-
ла вилитий и що-то вже за преукрашений! Не жа-
лували пани грошей для своєї пихи и потіхи. По
бокахъ бігли босоніжъ дівчата, -инша и въ бубень
бѣе; а звѣрху сидівъ, мовъ живий, бождокъ Гре-
ческий, Бахусъ. Тимъ-то Череванъ и звавъ сей
жбанъ Божкомъ.

Страница 31 И онъ досталъ съ полки большую серебряную круж-
ку съ барельефами, представлявшими греческихъ
вакханокъ. Крышка была украшена литою статушкою
Фауна.

Следующий отрывок перевода сокращен за счет поговорки и пропущенной экскурсии в прошлое.

Страница 200 "Нічого й річей дурно тратити", думає собі.
"Тут, бачу, довго хтось поравсь, а не хто більш, якь отти! прокляти! камішники! Бать, яку старовину розворушено! Тоді, жь и Богъ благословіть противъ гордихъ дуківъ да беззаконно! шляхти ставати; а теперъ Иванецъ для своєї користи роздуває старе огнище. Темний людъ закарбовавъ собі въ голові кармазини да нашийники, такъ теперъ тільки тькни, вінъ по готовому сліду безумниі речі й городить, самъ себе возмуцає, а лукавий Иванецъ тимъ часомъ до свого добіраєтця! Велика буде милость Божя, якъ ми ёго подужаємо!"

Страница 123 Нечого, думаєть, и словъ попусту тратитъ. Ведромъ води не залить пожару. Тутъ, вижу, долго кто-то старался, - а кто же больше, если не проклятые камышники? Со всѣхъ сторонъ подложили злодѣи огня!... Велика будетъ милость Божія, если мы успѣемъ погасить его!

Поединок Петра с Кирилом Туром нарисован автором в оригинале со всем жаром и пылом сражающегося козака. В переводе исчез кляц оружия в плавном и обходительном изображении боя.

Страница 166 Чи встоїть же Петро противъ здоровѣнного, широкоплечеого козарляги Кирила? той бо стоїть якъ буй туръ, вкопавши ноги въ землю. Тільки жь и Петро бувъ козакъ не дитина: маєть батькову постать и силу, ворочавъ важкою шаблюкою якъ блискавкою, а хисткий и проворний, якъ сугакъ на степу.

Забряжчали, задзвонили шаблѣки страшно. Шо одинъ рубнѣ, то другий одібѣ, ажъ искри летять. Леся сама себе не памятає одъ хаху. Той стукъ, те звѣканнѣ, ти! блискавиці по-надъ головами, усѣ те діялось мовъ у неї въ серці. А Черногорець ажъ на коні не вседить, дивлячись на ту мономахию. Мистецъ вінъ бувъ у рицарському ділі, такъ ёму страшѣнна сїча побратіма съ Петромъ Шраменкомъ була не герцемъ, а справді игрищемъ.

А вони спершу повагомъ складали шаблѣки, мовъ тільки примірялись; а потімъ усѣ скорійшъ, усѣ зъ більшимъ притискомъ давали одинъ одному маху.

То приступали, то одступали; то размахувались зъ усієї сили, що аж шабля свіще; то зновъ одинъ одного тільки маніли, а самі чигали, якъ би рубонуть да й закінчити зъ-разу. И такъ же то обидва знали ту шермицерію, що ні той тогд, ні той тогд не зможе зачепити - одвічають самі шабл! Тимъ часомъ у обохъ очі вже йграють, якъ у звірки; щоки горять; на рукахъ жили понабрякали, якъ верёвки; и вже бьютъ козаки напропаше; іскри сиплють густо, и отъ-отъ комусь погібель! Ажъ зъ-разу, - черк! пополамъ обидві шабл! Козаки зъ досади покидали объ землю й хресті.

Страница 107 Плотная фигура Запорожца общала на первый взглядъ болѣе силы; не за то стройные и гибкіе члены молодого козака должны, казалось, были взять верхъ надъ тяжелою силою. Стукъ сабельныхъ ударовъ, наносимыхъ и отражаемыхъ съ разнымъ искусствомъ, приводилъ въ трепетъ сердце Леси, и только глаза такого человека, какъ Черногорець, могли смотрѣть на этотъ страшный бой безъ ужаса. Онъ видѣлъ въ немъ нѣчто столь высокое въ своемъ родѣ, что, глядя на него, забылъ и объ опасности своего друга, и о своей отмицѣ. Съ восторгомъ мастера наблюдалъ онъ, какъ удары съ обѣихъ сторонъ отпускались сперва изрѣдка и съ умѣреннымъ напряженіемъ силы, какъ они постепенно дѣлались быстрее и крѣпче, какъ оба противника перемѣняли одинъ за другимъ разные способы сражаться, и отвѣчали другъ другу съ такимъ присутствіемъ духа, знаніемъ дѣла и единомысліемъ, какъ музыканты въ дуэтѣ. Между тѣмъ, по воспламененнымъ уже яростью ихъ взорамъ, по искрамъ, сыпавшимся отъ сабель, и напряженію мускуловъ, можно было каждую минуту ожидать, что чья нибудь голова упадетъ на части подъ ударомъ. Этого однакожь не случилось, потому что въ самомъ жару поединка сабли перебились, и противники остались безоруженными.

Первоначально написанный отрывокъ обогащен рассказомъ о челнах, в переводе он сокращен.

Страница 234 Інший, то, може бѣ, не вваживъ, що пан'отець не благословить и що вже вона заручена другому; махнувъ би, може, зъ нею въ дикі степі, на Хорольскі хутори, да й насміявсь би надъ лихою долею. А Петрові й думку такую було страшно допустити у голову. Вінъ добрий бувъ синъ и ширій козакъ; лѣтче ёму зъ нудьги загинути, ніжъ пан'отця на вінъ преогорчити и золоту свою славу грязюю закаляти. У ёго инша була думка: умис-

ливъ собі, послі пан'отцевої смерті, йти на Запорозжєда, поробивши власнимъ коштомъ човни, зъ охочими козаками Турецькі городи пліндровати и жизнь свою по-рицарськи, на полі, чи на морі, за Християнську віру положити. А поки що, уложивъ собі одъ Лесі яко мога одбігати, и на самоті перемогать ти! нещасні любощи.

Страница 140 Уваженіє къ отцовской волѣ и къ правамъ обрученнаго жениха было въ немъ такъ сильно, что у него не мелькнула въ головѣ даже и мысль своевольно овладѣть Лесею. Онъ, напротивъ, рѣшился всячески отъ нея удалиться и при первой возможности вступить въ воинское запорожское братство, чуждающееся женщинъ.

Отрывок перевода, обогащенный взрывом горя у Кирила Тура, уменьшен в переводе.

Страница 403 "Будь же проклята оця година!" каже тогді Запорожець. "Хто въ неї народитця, або зачне якє діло, щобъ не знавъ ні щастя, ні долі! нехай човни топлятця на морі! нехай коні спотикаютьця въ воротяхъ! а якъ кому Богъ пошлє чесную смерть, нехай душа вертаєтця до мертвого тіла! Проклята, проклята одині и до вѣку! Прощай, брате мій рідний! не загаюсь и я на сімъ мизєрнімъ світі!"

Страница 222 Пускай же будетъ проклята та минута, что вложила тебе въ душу такую безтолковую химеру! Вижу теперь, что тебя не переспоришь. Прощай! не замѣшкаєсь и я на этомъ свѣті.

Отсутствие диалога в переводе, делает оригинал обширнее.

Страница 406 "Кирило!" каже Шраменко, "у тебе душа щира, козацька..." "А вжє жь не жидівська", каже Запорожець. "Ми ідемо съ пан'отцемъ на смерть у Паволочь..." "Боже вамъ поможи: діло не дедаче!" "Передай одъ мене два слова Череванівні; передай такъ, якъ съ того світу!" "Добре", каже Кирило Турь, "передамъ."

Страница 224 Кирило! говоритъ Петро, у тебя душа добрая; обѣщай передать отъ меня два слова Черевановнѣ. Хоть она будетъ и твоею женою, къ мертвому не ревнують. Мы съ отцомъ їдемъ не для жизни, а на вѣрную смерть. -Добре! отвѣчалъ Кирило Турь, передамъ. Что жь ей сказать?

е/ Различия в представлении персонажей

Наряду с природой, мифическими преданиями, историческими экскурсиями, представленными Кулишем различно в оригинале и в переводе, художественные образы нарисованы не менее красочно и не менее различно. Автор часто прибавляет при переводе ту или другую черту характера, одеяние или изображает различно поведение. Иногда, подбирая более характерные выражения, он перефразирует ^{уст} первоначально написанное выражение, сокращая или расширяя перевод.

Эти изменения в конечной формуле войдут в группировку дополнений под знаком /а/, и замен под знаком /S/.

Различно изображен образ Кирила Тура и его побратима Богдана: Сжатыми выражениями в оригинале с гиперболой /козарлюга/, и обширным дополнением в переводе.

Страницы украинского издания поданы на левой стороне, а русского на правой стороне.

Страница 90

Страница 64

Первий Запорѳжець бувъ здоровѳний козарлюга. Пика широка, засмѳлена на сонци; самъ опасистий; довга, густа чуприна, пиднявшихъ перше въ гѳру, спадала за ухо, якъ кѳнська грива; уси довгѳ, у-низъ позакручуванѳ, ажъ на жупанѳ изви-сѳли; очѳ такъ и йграють, а чѳрнѳ, густѳ брѳви ажъ гѳть пиднялись надъ тими очѳма, и-врагъ ѳго знаѳглянешъ разъ: здаѳтця, сѳпитця; глянешъ у-дрѳге: моргне довгимъ усомъ такъ, наче заразъ и пидне тебе на смѳхъ. А другий бувъ молодий, висѳкий козакъ, тѳлько щѳсь Азѳятське; заразъ и видно, що не нашого поля ягода, бо до Сѳчи схѳдились бурлаки зъ усѳго свѳту: приѳде Турѳкъ, и Турѳка приймають; приѳде Нѳмецъ, и Нѳмецъ бѳде Запорѳзцемъ, аби перехристѳвсь да

Физѳиономѳи ѳтихъ двухъ молодцовъ были такъ выразительнѳ, что съ нихъ легко бѳ всякому написать портреты. Старшѳй, лѳтъ повидимому тридцати пяти, былъ весьма плотень, можно бѳ сказать, даже тучень, если бѳ стройная тѳлѳ и мускулы, рѳзко вырисованнѳ на шеѳ и огромнѳхъ ручищахъ, не были доказательствомъ, что дородность ѳго происходитъ не отъ тучности. Онъ былъ безобразень и вмѳстѳ красивъ. Жесткая, опаденная солнцемъ морда, ширѳкѳя, какъ будто вылитѳя изъ бронзы щеки, длиннѳй чубъ, сперва приподнявшѳйся вверхъ и потомъ пышно упавшѳй на лѳвый висѳкъ, огромнѳя чернѳя усища, въ которыхъ

сказавъ: "Вірую во Христа Іисуса; радъ воєвати за Віру Християнську."

Запорожцы полагали всю красоту добраго молодца, щетинистыя, чрезвычайно длинныя брови, приподнятыя съ насмѣшливымъ выраженіемъ, между тѣмъ какъ всѣ черты лица выражали суровую, почти монашескую степенность; таковъ былъ этотъ братикъ.

Эго товарищъ былъ нѣсколькими годами моложе. Чрезвычайная смуглота обличала въ немъ тотчасъ не-малороссійское происхождение. Его худощавое, но мускулистое сложеніе, лобъ съ глубокою вдадиною, брови, всегда нахмуренныя, и блестящія черныя глаза обнаруживали въ немъ характеръ угрюмый, горячій и глубокій.

Образ Запорожца и его поведение выражены обширнее в переводе.

Страница 89

Страница 64

Обернувшись Шрамъ, ажъ у ёго ззаду стоить Запорожець у кармазинахъ; стоить и сміється.

Обернулся Шрамъ-передъ нимъ Запорожець въ красномъ жупанѣ; въ одной руки шапка, другая гордо уперлась въ бокъ; широкое лицо озарено безпечнымъ смѣхомъ.

В следующихъ двухъ отрывкахъ русское слово 'значительно' заменяетъ описание взгляда Кирила Тура.

Страница 115

Страница 79

Такъ говорилъ Кирило Туръ, розглаживши усы и поглядячи на всю компанію! а очі такі лукаві, що разомъ, здається, й широко говоритъ, разомъ и морочить.

Такъ говорилъ Кирило Туръ, поглаживая усы, и значительно посматривая на все собраніе.

Образ Сомка в украинскомъ изданіи имеетъ одну непереведенную характеристику на странице 24:... вінь и рózумомъ, и славою узявъ надъ усіма..... Тогда какъ в переводе добавлен

к образу Сомка отрывок из летописных преданий.

Страница 71 Не даромъ украинскіе летописцы, умалчивающіе обыкновенно о наружности дѣйствующихъ лицъ, пишутъ о Сомкѣ, что онъ былъ "воинъ уроды, возраста и красоты зѣло дивной". Онъ былъ извѣстнымъ по всей Украинѣ красавцемъ; только это слово надобно понимать въ смыслѣ мужественной, закаленной въ войнѣ и походахъ красоты. Сомку повидимому было около тридцати лѣтъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ доживалъ четвертый десятокъ. Форма лица его была болѣе квадратная, нежели овальная, носъ прямой, глаза голубые, волосы русые, золотистые. Тогдашняя мода повѣдала подстригать ихъ въ кружокъ и причесывать гладко, но они сами собою завились въ крупныя кудри, приподнялись и открывали высокой, исполненный благородства лобъ. Но не столько наружными формами, сколько выраженіемъ смѣлости, ясности и прямого характера, въ глазахъ, движенияхъ и словахъ, производилъ Сомко на современниковъ впечатленіе красоты дивной, невиданной.

Образ Божьего Человека - 'человека не от мира сего', заглянувшего по ту сторону существования, был выведен автором различно в изданиях 1847 и 1857 годов. Его разговоры разсудительны, но в дела мирские он вмешиваться не хочет: таков Божий Человек, презентированный Кулишем в издании 1857 году. Не таким он был в сороковых годах, когда впервые были написаны оба произведения и напечатаны первые главы руссого издания в "Современнике", как нам говорит В. Петров¹. Тогда он был выведен защитником козаков, почти что борцом за их славу. В выпуске 1857 года он показан миротворцем, а не борцом, он благодетель, а не националист.

1. Пантелимон Куліш у п'ядесяті роки. Віктор Петров. Київ, 1929, ст. 405

Оба издания имеют характеристику Божьего Человека, но представлена она иначе, с куплетом песни в оригинале и с добавочными пояснениями в переводе на 20 странице украинского издания и на 13 странице русского.

Звався Божимъ Чоловікомъ сліпий старець-кобзарь. Темний вінъ бувъ на очи, а ходивъ безъ поводиря; у латаній свитині и безъ чобіть, а грюшей носивъ повні кишени. Що жъ вінъ робивъ изъ тими грюшми? викуплявъ невольниківъ изъ неволі. Ище жъ до того, знавъ вінъ лічить усякі болісти и замовлять усякі рани. Може, вінъ помагавъ своїми молитвами надъ недужимъ, а може, и своїми піснями; бо въ ёго пісня лилась якъ чари, що слухае чоловікъ и не наслушаетця. За тее-то за все поважали ёго козаки, якъ батька; и хотъ-би, здаётця, попросивъ у кого остатню свитину съ плечей на викупъ невольника, то й тѹ бѹ ёму оддавъ усякий.

Теперъ вінъ распочавъ смутну думу про Хмельницького, якъ умиравъ козацький батько:

"Ой настала жаль-тѹга да по всій Україні..."

Не одинъ козакъ гірко плакавъ одъ сїї думи,.....
.....А въ Божого Чоловіка довга, до самого пояса борода, ище краще процвіла сїдинами; а на виду дідусь просивъ якимсь світомъ. Співаючи пісню, одъ сѣрця голобить и до плачу доводить, а самъ підведе въ-гору очи, наче бачить такѣ, чого видючий зъ-рѹду не побачить.

Божимъ Человѣкомъ назывался слѣпой кобзарь или бандуристъ, пользовавшійся у козаковъ необыкновеннымъ почтеніемъ, - и не за однѣ пѣсни. Онъ былъ одаренъ, какъ думали, сверхъестественнымъ разумнѣемъ языка всѣхъ травъ и растеній. Каждая былинка въ полѣ, каждая травка въ лѣсу говорила ему, отъ какой болѣзни она помогаетъ. По этому-то онъ исцѣлялъ самыя опасныя раны, и вылѣчивалъ отъ всякихъ болѣзней. Иные приписывали чудесную силу не столько травамъ, которыми онъ обкладывалъ и поилъ больныхъ своихъ, сколько его долгимъ молитвамъ, которыми онъ облегчалъ самыя жестокія страданія. Говорили также, что и пѣсни его дѣйствовали на больныхъ, какъ чары: заслушивается человекъ его чудныхъ, сладкихъ рѣчей подъ звонъ бандуры, и впадаетъ въ такое забытѣ, какъ будто душа отдѣлилась отъ тѣла. Онъ не искалъ награды за труды свои, но просилъ пожертвовать что-нибудь для выкупа козаковъ, томившихся въ неволѣ у Турокъ и Татаръ. Многие такимъ образомъ были обязаны ему своимъ освобожденіемъ; за то не было ему и другаго имени, какъ Божій Человѣкъ. Наружность его вполне соответствовала этому имени. Съ длинной сѣдой бородой, съ правильными, умными и строгими чертами лица, онъ больше походилъ на благочестиваго пустынножца, нежели на странствующаго козацкаго бояна.

Разница в портрете Череваня, хлопчущего о земныхъ благах и мало думающего о национальныхъ делах, видна в следующихъ

местах двух изданий. К образу Череваня в переводе прибавлен его портрет, с историей происхождения его имени и манерой выражать свои чувства. Оригинал указывает только на незначительную перемену, происшедшую в Череване за время разлуки с Шрамом.

Страница 21

...и хоть-бі кришечку перемінився Черевань; тільки лисина почала наче більш виіскуватись.

Страница 14

Слушатель его, Черевань, былъ человекъ изъ разряда людей весьма обыкновенныхъ. Лисая, шарообразная голова, огромное брюхо, или по-малороссийски черево, по которому и прозвали его Череванемъ, руки съ растопырившимися отъ жиру пальцами, веселость и простодушіе въ чертахъ лица-такое было старій пріятель полковника Шрама. Слушая печальную пѣсню о Берестеческой битвѣ, онъ смѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ; но это происходило не отъ того, чтобъ онъ не сочувствовалъ пѣснь: напротивъ, онъ восхищался ею не меньше любого козака, только не умѣлъ иначе выразить чувствъ своихъ, какъ смѣхомъ.

Второй отрывок повествует коротко в оригинале и обширно в переводе о доброте и добродушии Череваня.

Страница 74

...а Череваня такі й любили; и шановали, бо бувъ козаць друкъ: уже кому чи яка нѣжда, чи що, то зарятѣе й виіволить.

Страница 50

...а Черевань притомъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Кіевлянъ. Былъ онъ человекъ подѣльчивый, некичливый любилъ употчивать всякаго, кто ни показывался въ его хуторъ, а иногда готовъ былъ и на такія пожертвованія, какое сдѣлалъ для Василя Невольника.

Портрет Череванихи, отсутствующий в украинском издании, существует в русском издании на странице 33:

Она взошла въ свѣтлицу, румяная и веселая, какъ солнце: на кругломъ моложавомъ лицѣ ея написано было полное довольство своимъ положеніемъ, довольство мужемъ, который не слушался ея иногда только по своей лѣни, - довольство дочкой красавицей, съ которой никто не могъ равняться ни въ Кіевѣ, ни во всей Украинѣ. Въмѣсто домашняго очинка, надѣла пани Череваниха, для гостей, корабликъ изъ дорогаго бобра; вмѣсто кофты-легкой парчевый кунтушь съ золотыми галунами по всѣмъ краямъ и съ золотыми крестами на перехватѣ. Отъ кораблика низко спускались по спинѣ бархатныя тесмы съ золотыми кистями. Череваниха въ этомъ нарядѣ была то, что называется пані на всю губу.

Княгиня - второстепенное действующее лицо произведения, на которое Кулиш уделяет большое внимание в русском издании, презентуя его более многословно, на странице 211 украинского и странице 128 русского издания:

У двѣряхъ зв будинка показалась господиня. Ще була молодѣ й хороша, тѣлько бліднолика пані. Заразь було видно, що се не нашого пера пташка. Не та й постань, да й Украинська одежа якось їй не припадала. А гарна, чорнобрѣва була пані.

Высокая, благородной наружности женщина показалась въ двѣряхъ на этотъ зовъ. Она была блѣдна, но прекрасна, хотя первая молодость ея уже прошла. Ея украинскій костюмъ как-то не согласовался ни съ чертами ея лица, ни съ ея поступью и движеніями, и кто бы посмотрѣлъ на нее внимательнѣе, тотъ легко узналъ бы въ ней иную породу и иное племя.

Образ Леси, как и образ ее матери всецело вставленный в русском издании на странице 34 отсутствует в украинском:

Она тоже принарядилась для гостей въ дѣвичій кунтушь, съ большимъ выгатомъ, открывавшимъ весь бюстъ, и часть груди, перекрещенной золотымъ шнуркомъ по сорочкѣ, съ кокетливостью, которой учить женщинъ сама природа. Яркоселеный шелкъ кунтуша, малиновый корсетъ, видный почти весь изъ-подъ его запахнутыхъ полъ, и раздѣлявшая его бѣлая полоса съ золотымъ шнурованьемъ, - этотъ нарядъ былъ внушень нашимъ прабабушкамъ распускающимся макowymi цвѣтами! Хвала ихъ вкусу, простому и изящному!

Несколько предварительныхъ строк, в обоих произведениях,

перез появлениемъ Пугача - это все чемъ изображается его образъ в

украинском издании. В русском - даны подробный портрет, характеристика его образа и быта Запорожцев, на странице 136:

Физиономія Пугача была выразительна и мрачна. Бѣлыя брови повисли надъ глазами и почти закрывали ихъ; лобъ и все лицо покрыты были сабельными рубцами и глубокими морщинами. И отаманъ и чура одѣты были въ простыя сермяги, а сорочки ихъ, по видимому, никогда не знали мытья. Напротивъ, вмѣсто мытья, Запорожцы опускали свои сорочки и полотняные шаровары въ жидкѣй отстой дегтя, и такимъ образомъ, благоухая кругомъ на далекое пространство, носили ихъ до тѣхъ поръ, пока они не расползались на тѣлѣ. Батько Пугачъ принадлежалъ къ самымъ суровымъ рыцарямъ своего ордена, отрицавшагося мѣра и всѣхъ удобствъ жизни. Онъ смотрѣлъ дикимъ боровомъ и носилъ платье грубое и запачканное, какъ щетина.

Следующая цитата дополняет козака Тараса Сурмача, второстепенного героя, введенного в роман для пояснения настроения народа. Это дополнение относится больше к его наряду чем к личности и дано только в русском издании на странице 45:

...хозяинъ, котораго можно было узнать потому, что онъ вмѣсто жупана и кунташа былъ только въ синихъ китайчатыхъ шароварахъ и въ бѣлой сорочкѣ съ красною лентою у воротника, ...

ж/ Различия в стихотворной форме

Написанное в прозе произведение Черная Рада, имеет большое количество мест в стихотворной форме. Многие из них встречаются как в украинском так и в русском тексте, и, поэтому, здесь не приведены; но места в стихотворной форме, которые встречаются только в украинском или русском издании цитированы. Они, в конечной формуле обозначаются знаком /а/ для добавлений и /m/ для пропуска. Таких случаев в украинском издании можно привести три: на странице 32 песня Божьего Человека,

Не намъ тее знати.
Не намъ про те, за те раховати:
Наше діло Бóгові моли́тись,
Спасителю христитись...

Двустипье на странице 136 связано с печальным душевным состоянием Петра после неудачного сватовства и угроз Кирила Тура выкрасть Лесю,

Чому́сь мині, бра́тці, горілка не пьётця:
Коло мого́ серця мовь га́дина вьётця!

Следующее четверостишие связано с мрачными размышлениями Шрама над печальной участью Украины, на странице 190

Чи вже жь да́рмо та́я безща́сна Украі́на Бóгові моли́ла,
Щобь ми́цна́ Ёго́ во́ля съ-підь корми́ги Лядсько́ї сло́бо-
на позо́рь да пору́гу неві́рнимь не дава́ла, щасте́мь
ни́ла,
Чи вже жь да́рмо вона́ Бóгові моли́ла? наді́лила, -

В русском издании стихотворная форма употребляется обширнее и дана на украинском языке. Каждая глава начинается эпиграфом из народной песни, думы или анонимным куплетом. Три главы начаты эпиграфом в прозе: главы пятая, шестая и одиннадцатая.

Семь глав начаты эпиграфом из народных песен.

Глава третья: Чи всі ти сади цвітуть,
Що весною розвиваютьця?
Чи всі ти вінчаютьця,
Що вірненько да кохаютьця?
Половина саду цвіте,
Половина осипаютьця;
Одна пара вінчаютьця,
А друга розлучаютьця.

Глава седьмая: Ой пришовь козакъ зъ вѣйска зъ дороги
Да й уклонився батеньку въ ноги:
Ой сядь, батеньку, сядь коло мене,
Сядь коло мене да й пажалуй мене;
Заложи ручину за пазушину,
Одорви одъ серця злу гадину;
Злая гадина бѣкъ переїда,
Коло мого сѣрденька гнѣздо извила.

Глава восьмая: Ой по горі по високій яра пшениця,
А по луці по зеленій шовкова травиця;
А по тій же по травиці два казаки ходять,
Да воронихъ коней водять, не добро говорять:
"Ой поїдемо, пане брате, до Марусі въ гости,
А въ тій Марусеньки весь двір на помості"...
Ой узали Марусеньку съ чорними бровами
Да повезли Марусеньку лугами-ярами...

Глава десятая: Ой не жалкуйте, славі Запорозці,
На московськихъ генералівъ;
Ой жалкуйте жъ ви, славі Запорозці,
На превражихъ своїхъ панівъ:
Ой що наши пани, еретичи сини,
Да не добре зробили,
Що степъ добрий, край веселий
Да й занастили!

Глава двенадцатая: Здоровъ, здоровъ, пане Саво!
Якъ ся собі маешь?
Добрихъ гостей собі маешь -
Чимъ ихъ привитаешь?
-Ой давъ би вамъ меду и вина -
Не схочете пити;
Ой ви жъ менѣ молодого
Хочете згубити!

Глава шестнадцатая: Ой идуть наши Запорозці,
Ажъ рилять сапьянці...
Да лежать, лежать пани въ кармазинахъ
По два й по три въ ямці.
Ой якъ крикнуть полковники
На сотниківъ грізно:
"Ой не тратьте, вражі сини,
Козацького вѣйска!"

- "Ой, ради бь ми не тратити-
Не можна спинити:
Наважались вражи сини
И ноги не пустити.

Глава восемнадцатая: А въ неділю рано,
Ся славонька стала;
Взяли, взяли козаченька,
Забилы въ кайдани, -
Ой на ноги дьби,
На руки скриниці...
Визволь, Боже, козаченька
Съ темноі темниці!

Четыре главы начаты эпиграфом из народных дум.

Глава первая: А Сомко Мухкетъ попереду да й не вигравает,
Коня удержуе, до себе притягуе, думае-гадае...
Пропадет, мовь порохина зь дуда, та козацькая слава,
Що по всьому світу дивомъ стала,
Що по всьому світу степомъ разляглась, простяглась,
Да по всьому світу луговимъ гоміномъ оддалась...

Глава вторая: Чи вже жь дармо та безшасна Украина Богові молила,
Щобь міцна Его воля съ-підь кормиги Лядськоі сло-
бонила,
На позорь да наругу невірнимъ не давала,
Щастемъ наділила...
Чи вже жь дармо вона Богові молила?

Глава четырнадцатая: Тимь-то й сталась по всьому світу,
Страшенная козацькая сила,
Що у вась, панове молодці,
Була воля й дума единая,

Глава девятнадцатая: Полягла козацька молодецька голова,
Якь одь вітру на степу трава;
Слава не вмере, не полуже -
Рицарство козацьке всякому роскаже:

Одна глава начинается старинной песней,

Глава четвертая: Всі покою щиро прагнуть,
Да не въ одинь гужь всі тягнуть, -
Той направо, той наліво,
А все братья - то-то диво!
Эй, братища, поря знати,
Що не всімъ намъ панувати!
.....
Сжалься, Боже України,
Що не вкупі має сини!

Три главы начинаются анонимным стихотворением, по сведениям данными Кулишем. Сказать открыто, что эпиграфы взяты из произведения Т. Шевченко, "І мертвим і живим..." он не мог из-за цензурных причин.

Глава тринадцатая: Тільки я, мовь окаянный,
И день, и ніч плачу
На распуттяхъ велелюднихъ -
И ніхто не бачить;
И не бачить, и не знае,
Оглухли, не чують,
Кайданами мінютця,
Правдою торгують.

Глава пятнадцатая: Я рыдаю, якъ згадаю
Діла незабути
Наших предківъ... тяжкі діла!
Якь-би ихъ забути,
Я оддавъ би веселого
Віку половину...
Оттакá-то наша слава,
Слава України!

Глава семнадцатая: Настане судъ, заговорять
И Дніпро, и гóрн,
И потече сторіками
Кровь у сіне море
Дітей вашихъ, и не буде
Кому помагати:
Одцураетця братъ брата
И дитини мати;
И димъ хмарою заступить
Сонце передъ вами,
И на віки проклянетесь
Своіми синами!

Кулиш ввел в русское издание обширные пояснения украинских слов для русского читателя. В этих пояснениях он не раз прибегает к стихотворениям для большего успеха. Слово 'броварь' - пивовар пояснено на странице 8, как пояснением в прозе, так и следующим стихотворением:

"Ви, вінники, ви броварники!
Годі вамъ по вінницяхъ горілокъ куріти,
По броварахъ пивъ варити,
Спіною сажи витирати!
Ходімъ зо мною на Черкентю - долину гуляти,
Слави - рицарства козацькому в'ійську доставати!

Слово 'громада' - общество, пояснено на странице 10 в прозе и стихотворением: "Того не знали ні чури козацькі,
Ні мужи громадські,
Що намъ Хмельницький...
У городі Чигирині задумавъ вже й загадавъ."

Пояснение обычая петь Рождественную песнь в Малороссии

"Новая Радость" дано в месте с двумя строфами из нее на

странице 53: "Ой по всему міру нова радость стала!
Надъ вертепомъ звѣзда ясна весь миръ осіяла!

На странице 59 дано объяснение обычая питаться рыбой
на Запорожье из народной песни времен Хмельницкого:

Дивують Ляхи, вражи сини, що т! козаки вживають:
Вживають вони щуку-рибажу, да соломажу зъ водю.

В главе пятой, при изображении Братского Монастыря в Киеве
и всех его достопримечательностей, Кулиш добавляет еще строфу
из народной песни на странице 57:

Де проїде Морозѣнко - кровавая річка.

Надпись под сценой богомольцев при обрисовки скульптур на
станции 58, из песни о Кішке Самійло:

Тогді Кішка Самійло на чердакъ/палубу/ виступає,
Хрещату давню короговъ изъ кишени виймає.
Роспустивъ, до води похиливъ,
Самъ низенько уклонивъ...

Другая надпись на стене под группой козаков приведена на
той же странице из той же песни:

Здоровъ, здоровъ, Кішко Самійло, гетьмане
Запорозький!
Не загинувъ еси у неволі. -
Не загинешъ зъ нами, козаками, на волі !

з/ Употребление церковно-славянского языка

В XIX столетии церковно-славянский язык употреблялся в церковных заведениях славянских народов. Он изучался в училищах и употреблялся при церковной службе. Это один из доводов широкого употребления церковно-славянского языка в повести Чорна Рада. Другим доводом служит то, что один из главных действующих лиц романа священник Шрам, а другой - Божий Человек. Но не только эти два героя употребляют церковно-славянизмы, ими оперирует Сомко и другие.

В большинстве случаев они приведены в обоих изданиях и потому не являются предметом интереса этого разбора. В украинском издании мест, с выражениями на церковно-славянском языке и не переведенных в русское издание, нет. В русском издании таких мест насчитывается шесть. В формуле они обозначаются знаком /а/.

Четыре изречения принадлежат Шраму; первое из них на странице 52, взятое из книги псалмов, № 135,2:

-Азъ же милостію Твоею вниду въ домъ Твой,
приклонюся ко храму святому Твоему, въ
страхъ Твоемъ.

второе, на странице 56 изречение Шрама, псалом № 25,8:

-Господи, возлюбихъ благолюбіе дому Твоего
и мѣсто селенія славы Твоея!

третье, на той же странице - молитва Шрама словами Псалмопевца, псалом № 101,3:

-Боже, услыши, молитву мою, и вопль мой
къ Тебѣ да придетъ. Не отврати лица
Твоего отъ мене, въ онъ же день скорблю,
преклони ко мнѣ ухо Твое, въ оцъ же аще
день призову Тя, скоро услыши мя!

и четвертое, на странице 75 - обращение Шрама к гетману Сомку, псалом № 18,11

-Глаголь усть твоихъ, ...сладостень мнѣ
паче меда и сота.

Изречения Божьего Человека встречаются на странице

126 в виде напеваемого псалма:

-Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный,
яко умалишася истины отъ сыновъ чело -
вѣческихъ; суетная глагола кѣждо ко
искреннему своему: уснѣ льстивыя въ сердце,
и въ сердце глаголаша злая...

и на странице 127, псалом № 7,18:

-Восхваляю имя Бога моего съ пѣснью и
возвеличу его во хваленіи....

и/ Украинизмы в русском тексте.

Русское издание Кулиша Черная Рада пестрит украинскими словами, написанными простой печатью и прописью, объясненными в сносках и в скобках и вообще не объясненными. Они, большей частью, встречаются в разговорах действующих лиц, так как все действие происходит на Украине; но иногда они встечаются в пояснениях и описаниях автора.

Прежде чем говорить о добавочных объяснениях в русском издании, надо сказать, что в украинском издании есть только два сноска с пояснением автора, которые даны тоже и в русском издании. Первое - Річчю Посполитом/ Рѣчью Посполитом - соответственно на страницах 11 - 7, с добавочным пояснением в русском тексте о том как называли Северную Русь поляки:

...Северную Русь называли Поляки Москвою, или Московскимъ государствомъ.

Во втором- автор поясняет 'обычай мучить воробьев, связанного со временем казни Христа - соответственно на страницах 221 - 134, с более распространенным пояснением в украинском тексте:

... За се дітвора й досі немилосердна на горобців, и , якъ попаде въ руки, то всякъ мучить, викобже очі и вивертає ноги, при - говорюючи : "А що живъ? живъ? Оце тобі живъ!"

Кроме этих двух объяснений в конце книги дан небольшой словарь из 137 украинских слов, названный "Слова изъ "Чорної Ради", которі не всяке чувало, або читало". /Страница 423/ Эти слова переведены на русский язык и очевидно даны для удобства русскому читателю, желающему прочитать украинскую книгу. Пояснения ограничиваются простым переводом в одно или два слова, без вхождения в историческое прошлое или обширного пояснения обычаев и излияния чувств. Из них десять

слов пояснены тоже в русском тексте , с той только разницей, что некоторые пояснения в русском издании более обширные, как в словах державський/державцевъ , соответственно объясненных на страницах 424 - 7 ; в украинском издании оно переведено одним словом - помещичий; в русском издании дано следующее объяснение:

Вотчинниковъ. Старосты пользовались правомъ помѣстнымъ.

Слово броваръ - переведено на странице 423 украинского издания-пивоварня; в русском издании дано на странице 8 следующее

пояснение:

Пивоварня. Хмѣльныхъ напитковъ выкуривалось и варилось тогда очень много . Корсунскій полковникъ Филипенко, въ известной думѣ, набирая охотниковъ, обращается преиму - щественно къ винокурамъ и пивоварамъ: /дальше подан куплет, приведенный в этой работе на странице 146/

Иначе пояснено слово чура ; в украинском издании на странице

128:

чура и джура - слуга; отъ Турецкаго джаур, что значить невѣрный, - такъ какъ джауры были у Турокъ рабами.

в русском издании на странице 9:

чурами - оруженосцами. Чуры были самые близкие повѣренные не только у простыхъ козаковъ, но и у старшинъ. Служить чурою значило учиться не одному военному ремеслу, но и вѣрности. Отъ своихъ чуръ ничего не скрывали.

Остальные шесть слов даны в переводе, как в украинском, так и в русском издании почти что одинаково:

кармазинъ	- красное сукно
кирея	- плащъ, родъ епанчи, безъ рукавовъ
сагайдакъ	- лукъ
саета	- английское, тонкое сукно
химоровникъ	- колдунъ, чародѣй
чересъ	- кожаный поясъ

Объяснение слов в русском тексте в сносках можно разделить на несколько групп:

1/ Слова переведенные с украинского на русский:

братъ урядъ	- должности по службѣ
будинонь	- хоромы
венгринь	- Венгерское вино
изъ гамана	- изъ кошелька
квартирку	- форточку въ окнѣ
келепъ	- чеканъ, боевой молотъ
корогвами	- хоругвами
крамные коморы	- лавки съ товарами
Милася	- уменьшительное отъ Меланіи
моргать	- мигать, дѣлать гримасу
на полеванья	- на охотѣ
панна-небого	- племянница
понды	- конскій уборъ
посполитые	- простолыдини
поява	- чудо, необыкновенное явление
рундуць	- крыльцо, подъѣздъ
сапьянцы	- сафьянные сапоги
списи	- копья
схованки	- тайники
хустка	- платокъ
лянь полова	- камъ мякина

2/ Слова с коротким пояснением:

Страницы

- 3 Павлочь - нынѣ мѣстечко въ Сквирскомъ уѣздѣ Киевской губерніи. Въ старину это былъ важный пунктъ на театрѣ польско-украинскихъ войнъ.
- 4 Чайки - такъ назывались лодки, на которыхъ плавали Запорожцы по Черному морю.
- 6 Консистентъ - Такъ назывались польскія войска, которыя консистокали, или стояли постоемъ, въ украинскихъ селахъ и городахъ.
- 6 Староста - Старосты были въ родѣ нынѣшнихъ губернаторовъ, съ правомъ пользоваться доходами съ управляемыхъ ими областей.
- 6 Жолнѣрь - значило собственно солдатъ; но подъ словомъ солдаты мы разумѣемъ нижніе чины, тогда какъ здѣсь идетъ дѣло о начальникахъ.
- 7 Городовые козаки составляли военную корпорацію, совершенно отличную отъ козаковъ Низовыхъ, или Запорожскихъ, не только по внутреннему устройству, но и по политическимъ убѣжденіямъ.
- 7 Недоляшками называли тогда отступниковъ вѣры и родины, угнетавшихъ собственныхъ земляковъ. Слово недоляшекъ означаетъ человека, который до Ляха не достигъ еще въ отступничествѣ.

- 8 Коммисары - особенные чиновники для удержанія козаковъ в повиновеніи.
- 8 Надворная стража. Въ тѣ времена помѣщичья усадьба необходимо принимала устройство замка, съ болѣе или менѣе значительнымъ гарнизономъ, который назывался надворною стражею, и надворными козаками. Часто нужно было помѣщикамъ отражать Татаръ, а еще чаще защищаться отъ бродячихъ шаекъ такихъ людей, какъ извѣстный во время возстанія Хмельницкаго староста Лащъ/явленіе вовсе не исключительное въ Польшѣ/. Эти надворные козаки, слабо привязанные къ своимъ панамъ, оставляли ихъ при наступленіи великой опасности и увеличивали собою козацкое ополченіе.
- 23 Господарь обыкновенное название хозяина въ почтительномъ смыслѣ.
- 24 Сволокъ брусъ на который опираются потолочныя перекладины.
- 52 Братство Сагайдачнаго. Такъ назывался Братскій монастырь, основанный гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ.
- 45 Лычакъ Матерія лычакъ дѣлалась изъ пеньки, и замѣняла для небогатыхъ людей сукно.
- 59 Баклаги плоскіе бочонки, на перевязяхъ черезъ плечо.
- 84 Отмичарь такъ въ Черногоріи называются похилители невѣсть.
- 120 Ланы пахатныя поля въ большихъ размѣрахъ.
- 121 Громада общество поселянъ, въ смыслѣ законодательной или исполнительной власти, называлось въ Малороссіи искони громадою. Представителями десяти или болѣе хатъ, а иногда и цѣлаго села, были громадскіе мужи.
- 122 Ранговые земли- такъ назывались земли, которыми пользовались на помѣстномъ правѣ козацкіе старшины.
- 129 Господа домъ въ возвышенномъ и учтивомъ тонѣ.
- 130 Салогубами называютъ, въ насмѣшливомъ смыслѣ, торговцевъ саломъ, рыбой и про., а за урядъ съ ними и всѣхъ торгашей, которые жирно ѣдятъ и мало работаютъ.
- 138 Патерица палка, въ почетномъ смыслѣ: знакъ власти.

3/ Пояснение обычаев, поговорок и крылатыхъ слов:

Страницы:

- 9 "Не вертѣль Ляхамъ веремья". Выраженіе козацкое. Это значило -налетѣть вьюгою; одурить неприятелю голову внезапнымъ и бѣшеннымъ нападеніемъ.
- 12 Пояснение обычая: Старосвѣтскіе Малороссіане подъ конецъ жизни большею частію пристращались къ пасикъ. Такъ славный кошевой отаманъ Сирко окончилъ дни свои въ уединенномъ

зимовникъ среди степей запорожскихъ,
занимаясь пчеловодствомъ.

- 46 Пояснение народного поверья: Народъ думаетъ, что рождение челоуька всегда знаменуется землетрясеніемъ или кометоу.
- 63 Якъ пороса на орчику - какъ поросенакъ на пристяжнѣ.
- 83 "Дала сторчака". Т.е. опрокинулась къ верху ногами.
- 84 "Характерство". Отаманы запорожскіе почти всегда считались характерниками, т.е. чародѣями. Удаливость ихъ не могло быть иначе постигнуто умомъ людей обыкновенныхъ. Характерника не брала пуля; онъ умѣлъ сдѣлаться невидимымъ для непріятеля, и т.п.
- 94 "Козацкое солнце". Козаки много дѣлали дѣль своихъ ночью, при свѣтѣ мѣсяца. Отъ этого мѣсяць и называется козацкимъ солнцемъ.
- 124 "Засмѣшся ты у меня на кутни". Т.е. заплачешь. Кутни - зубы - угловне зубы, въ концу челюстей.
- 124 "Якъ моргну тебе, то й ногами вкресся". Т.е. какъ ударю, то полетишь къ верху ногами. Но въ этомъ переводѣ нѣтъ юмору, который не оставляетъ Малороссіанинѣ и во время гнѣва.
- 125 "Печина тебѣ въ зубы". Печина - кирпичъ изъ печи. Такъ обыкновенно говорятъ, чтобъ уничтожить дѣйствию клятвы, которая, по мнѣнію народа, навлекаетъ на челоуька разныя бѣдствія даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ не виноватъ. Потому-то съ одной стороны Малороссіяне боятся прокліну, а съ другой - никто такъ страшно не проклинали, какъ выведенный изъ терпѣнія Малороссіанинъ.
- 161 "Скакать въ гречку", значить согрѣшить противъ седьмой заповѣди.
- 198 "Убрали въ шори" - обманули.
- 210-211 Следующіе пять проклятій даны с пояснениемъ:
"Чтобъ тебя побилъ неслыханный срамъ..."
"Чтобъ на тебя образа падали!"
"Чтобъ тебя пекло да морило !чтобъ ты не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью!"
"Чтобъ тебя окаянного земля не приняла!"
"Чтобъ ты на страшный судъ не вѣдалъ!" - Все это побранки народныя. Малороссіанинъ тогда только бранится отцомъ и матерью, когда разсерженъ умеренно; но когда его огорчатъ до глубины души, онъ оставляетъ отца и мать своего врага въ покоѣ. Вдохновясь гнѣвомъ, онъ постигаетъ нелѣпость подобныхъ ругательствъ и беретъ для своихъ проклятій моральную сторону челоуька. Этимъ онъ допекаетъ своему ближнему хуже всего, - тѣмъ болѣе, что проклятію приписывается въ

народъ особенная сила, и тотъ, кто не боится уже ни кулака, ни стыда, боится еще проклятій, особенно такихъ, какъ приведенныя выше.

4/ Исторические пояснения , иногда очень обширные:

Страницы:

7 Ссылки на исторические акты, свидетельствующие о польской шляхтѣ.

Кіевская комиссія въ своихъ "Памятникахъ" напечатала нѣсколько актовъ, которые свидетельствуютъ объ этомъ возмутительномъ произволѣ шляхты Польскаго королевства.

17 Ссылки на "Лѣтопись Самовидца":

"Лѣтопись Самовидца", изданная Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, очень выразительно говоритъ о недостойныхъ поступкахъ епископа Мееодія, стр.35: "Епископъ Мееодій, который на той радѣ былъ и до присяги приводилъ, также и Васюта, полковникъ Нѣжинскій, описали Сомка гетмана, же /что/ конечно по Орду посылаетъ хотячи измѣнить, что была неправда"; стр.41: "Епископъ Мееодій протопону послалъ, при этихъ же посланныхъ отъ себе, старающися о ихъ згубѣ" /т.е. о гибели Сомка и его приверженцевъ/. Въ этихъ доносахъ епископъ Мееодій является ревностнымъ слугою Московскаго правительства и Брухавецкаго, но когда Бруховецкій, 4-ю статью такъ называемаго Московскаго договора выразилъ желаніе, чтобы въ Кіевѣ присылаемы были митрополиты изъ Москвы, онъ началъ бунтовать народъ противъ одного и другаго. Бантышъ-Каменскій выписалъ рѣчь его изъ малороссійскихъ дѣлъ Коллежскаго Архива, и напечаталъ въ своей "Исторіи Малой Россіи"/т. 11, стр.85, изд.1842/. Вотъ она: "Малороссіане! доколь будете повиноваться тирану /т.е. Бруховецкому/, посягающему на драгоценнѣшее ваше наслѣдіе, на ваши права, кровію предковъ пріобрѣтенныя? Доколь будете терпѣть отъ него безпрестанныя обиды и поруганія? Отвѣтствуйте мнѣ: кто даровалъ ему власть назначать начальниковъ вашихъ и лишилъ васъ права избирать ихъ свободными

голосами?... Малороссы! не! вы зрите сии неправды и пребываете въ бездѣйствіи. Уже время сбросить тяжкія оковы, носимыя вами. Да падеть врагъ спокойствія вашего", и пр. Бруховецкій испугался и употребилъ всѣ средства, чтобы расположить къ себѣ епископа. Тогда Мееодій оказался явнымъ врагомъ Московскаго правительства. Въ малороссійскихъ дѣлахъ Коллежскаго Архива хранится слѣдующее письмо его къ гетману, противъ котораго онъ недавно еще возстановлялъ народъ: "Для Бога, не плошай. Теперь идетъ торгъ о насъ: хотятъ, взявши за шею, выдать Ляхамъ. Окружай себя болѣе Запорожцами, укрѣпляй также своими людьми порубежные города. Утопающій хватается за бритву для своего спасенія. Безбожный Шереметевъ ныне въ тѣсной связи съ Ляхами и Дорошенкомъ. Остерегайся его и Нащокина. Мила мнѣ отчизна. Горе, если поработятъ оную Ляхи и Москали! Лучше смерть, нежели золь животь. Страхись имѣть одинакую участь съ Барабашемъ." /Ист. Мал. Росс. Бант. Кам., т. 11, стр. 98/ Далье Бантышь-Каменскій разказываетъ, что епископъ Мееодій былъ лишенъ епископскаго сана, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь свою подъ стражею. /Тамъ же, стр. 102./

29 Пояснение положения казаков, когда они еще не были мужиками:

Въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмѣльницкаго козаки противопоставляются мужику, какъ человѣкъ высшаго сословія. Въ универсалѣ гетмана Остряницы козаки названы шляхетно-урожденными.

39 Историческое пояснение обычая носить косы короной:

Дѣвушки носили очень легкіе мѣховые, или бархатные кораблики съ открытыми тульями; молодыя женщины носили кораблики сверху закрытые, а старухи дѣлали изъ нихъ просто шапочку и надѣвали на уши. Въ домашнемъ архивѣ пановъ Ханенковъ сохранилось преданіе, что одна дѣвушка, въ доказательство любви своей, позволила одному изъ предковъ Ханенковъ сбить у нея съ головы корабликъ стрѣлою. Изъ этого видно, что дѣвическіе кораблики надѣвались, какъ корона.

54 Пояснение действий людей во времена Изуитовъ в Польше.

Тогда было время полного господства іезуитовъ въ Польскомъ королевствѣ. Въ противодѣйствіе братской школѣ въ Кіевѣ, они устроили тамъ же свою школу, и переманивали къ себѣ воспитанниковъ; а между тѣмъ старались заподозрить членовъ братства и ихъ дѣйствія въ глазахъ правительствовавшихъ лицъ, и вооружали противъ нихъ все не-русское и не-православное.

Ожесточеніе умовъ доходило до того, что однажды братское училище и при немъ гостинница были совершенно разорены набѣжавшею толпою фанатиковъ.

60 Значение Межигорского монастыря:

Межигорскій монастырь былъ основанъ и содержанъ Запорожцами. Изъ него присылались въ сѣчевую церковь священники.

63 Значение Запорожья для духа свободы:

Дѣйствительно, какъ Москва спасала свою народность Русь отъ иноземнаго посягательства, такъ и Запорожье было убѣжищемъ свободы во время польскаго владычества. Да будетъ же священнымъ для насъ каждое мѣсто, на которомъ русскій духъ отстаивалъ свою самобытность!

69 Пояснение надгробной надписи:

Нѣсколько надписей, бывшихъ на надгробіяхъ въ великой церкви Печерской сохранилъ для насъ /въ польскомъ переводѣ/ Кальнофойскій въ своей Тератургимѣ. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ я здѣсь перевожу на тогдашній русскій языкъ: 1. "Глѣба Всеславича, князя кіевскаго, супруга, дщерь князя Ярополка Изяславича, послѣ супруга своего въ четыредесять лѣтъ скончася и купно съ нимъ во главахъ преподобнаго Феодосія положенна, лѣта 6666 /1158/ Іануар. д. 3, ноци часа 1." /Объ этой княгинѣ въ Воскресенской Лѣтописи сказано: "имѣяше бо великую любовь къ св. Богородици и къ отцю Феодосью"/. - 2. "Воззванная на судъ смертныи Евпраксія инокиня, дщерь князя Всеволода, идѣже душею ставися, тамо въ лѣто 6617 /1109/ Іюля д. 9 тѣло сложи." - 3. "Въ лѣто 6979 /1471/ христіански скончавшуся князю Симеону Александровичу Олельковичу, дѣдичному /наслѣдственному/ господину земли кіевской, князю случкому, возстановителю святой церкви Печерской, юже обнови при королѣ Казиміръ и при в. о. архимандритѣ Іоаннѣ, лѣта 6978, Грудня 3". Кромѣ Олельковичей, здѣсь были погребены князья Ольгердовичи - Владиміръ и Левъ, Скиргайло, Черторыйскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе и другіе. При многихъ надписяхъ находились еще стихи, сочиненные въ честь покойнику. Къ сожалѣнію, они также уцѣлѣли лишь въ переводѣ Кальнофойскаго, на польскомъ языкѣ.

70 Изъ завѣщанія Андрея Владимировича, внука Ольгерда:

Внукъ Ольгерда, князь Андрей Владиміровичъ, въ завѣщаніи своемъ, написанномъ въ 1446 году, говоритъ: "Пріѣздилъ есмь въ Кіевъ съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя, и поклонилися есми пречистому образу ея и преподобнымъ Отцемъ Антонію и Феодосію, и прочимъ преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ Печерскимъ,

и благословилися есми отъ отца нашего архимандрита Никола и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу, князя Владиміра Ольгердовича, и дядѣ своихъ гробамъ и всѣхъ святыхъ старцовъ гробамъ въ Печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: колико-то гробовъ, а вси тѣ жили на семь свѣтѣ, а пошли еси къ Богу, и помыслихъ, есмь но малъ, и намъ тамо поити, гдѣ отцы и братцы и братія наша", и пр.

74 Историческое данное при упоминании имени Гладкого:

Полковнику Гладкому была отрублена голова за то, что онъ послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ, позволилъ называть себя гетманомъ.

122 Пояснение займанщины:

Точное понятіе о займанщинахъ, кромѣ народныхъ воспоминаній получилъ я изъ рукописи, которой давно уже нигдѣ не встрѣчаю, а она стояла бы обнаруженія. Составилъ ее въ началѣ X 111 столѣтія нѣкто Чуйкевичъ и далъ ей такое заглавіе: "Эксерптъ изъ правъ малороссійскихъ, въ прекращеніе горькой въ судахъ волокиты."

5/ Источники цитат или изречений:

Страницы:

6 Насмешки и поругательства стационарирующихъ солдатъ в городах и местечкахъ Украины, занятыхъ польскими войсками, описаны Кулишемъ с цитатой: плугами ледь "безпотребно на одинъ смѣхъ и наругу орали и рисовали".

Изъ универсала гетмана Остраницы.

43 Упомянувъ "Тератургиму" монаха Киевопечерской лавры, сноситъ:

Изпечатанной въ 1638 году въ Киевопечерской типографіи.

57 Ссылается на более обширные пояснения:

См. Приложенія къ 1-му тому "Записокъ о Южной Руси".

6/ Пояснение своей мысли и переживания изъ собственного опыта:

Страница:

48 После предложения:

...онъ бы какъ разъ потрошилъ на вашихъ безмозглыхъ головахъ булаву свою!

Кулиш поясняет в сносках:

Намекъ на событія при заключеніи Бѣлоцерковскаго мира, когда Хмельницкіѣ гетманской булавою защитилъ отъ черни польскихъ пословъ.

- 64 Употребив междометіе '-Овва!', Кулиш находитъ нужнымъ пояснить в сносках:

Междометіе, выражающее насмѣшку. Соответствующаго ему нѣтъ въ великорусскомъ языкѣ. 'Эва' значитъ совсѣмъ не то.

- 67 Употребляя то же междометіе в другомъ ^{месте}, авторъ хочетъ придать ему другое значеніе и потому поясняетъ:

Здѣсь 'Овва!' имѣеть не тотъ смыслъ, что выше, но это пойметъ только Малороссіанинъ, который произнесетъ его другимъ тономъ, а не такъ какъ преждее 'овва'. Последнее 'овва' имѣеть отчасти смыслъ великорусскаго: 'Эка штука!' а перваго рѣшительно нельзя перевести.

- 68 Следующее слово 'Оттакон!', по мнѣнію Кулиша тоже нуждается в поясненіи:

Т. е. Вонъ ты какую завѣль!

- 131 После предложенія: ...достануть из-подъ кади заплѣсневѣлый шпиргалъ; авторъ приводитъ случай изъ собственной жизни;

Автору однажды стоило большаго труда убѣдить мѣщанъ показать ему старинный пергаминный документъ, тщательно ими скрываемый отъ всѣхъ. Когда наконецъ сомнѣнія ихъ разрушились, пергаминъ принесли изъ погреба, гдѣ онъ хранился подъ кадью съ квашеною свеклою, и оттого весь покрылся плѣсенью.

- 134 Следующее предложеніе, по мнѣнію автора, тоже нуждалось в добавочномъ поясненіи.

Можетъ быть, батько Богданъ до сихъ поръ здравствовалъ бы, если бы не водилъ сватовства съ Ляхами.

Поясненіе:

Преждевременную смерть Хмельницкаго приписывали отравѣ, всыпанной въ напитокъ гостями - Поляками.

179 Слова, сказанные Череванем:

Увидишь, если онъ отъ Царя не перейдетъ къ Турку!
поясняются, какъ предсказание в известныхъ обстоятельствах:

Это и случилось бы, если бы "вихреватая голова"
Дорошенко не явился мстителемъ за поруганныя права
народа.

188 При упоминании слова 'келепъ', писателю приходитъ в
голову случай из собственного опыта, которымъ онъ делится с
читателемъ:

Келепъ - чеканъ. Съ этимъ оружіемъ козаки не
разлучались даже и въ домашней прогулкѣ. Обычай
носить на палкѣ топорикъ дошелъ до нашего времени.
Я самъ видѣлъ стариковъ съ келепами.

229 Отступление автора в пояснении предложения:

Иванца Богъ грѣхомъ уже покараеть.

потверждается своимъ впечатлениемъ и опытомъ:

Никогда не забуду, какъ поразило меня такимъ
отвѣтомъ бандуристь, воспѣвшій въ думѣ безнаказан-
ное злодѣйство. 'ихъ Богъ грѣхомъ уже покараеть!' -
Какой глубокой смыслъ народной философїи! Кстати
замѣчу, что многое въ этомъ сочиненїи написано
цѣликомъ со словъ народа, разумѣется, въ подлинникѣ,
а не въ переводѣ./

На ряду со сносками, в русскомъ изданїи встречаются
слова, поясненные в скобкахъ после ихъ употребленїя, на стра-
ницахъ:

11 рада/вѣчѣ/
29 року/т. е. году/
34 дружино/обратилась она къ мужу/
59 рондами/уборами/

7/ Такъ же встречаются украинскїе слова, написанные прописью,
но не поясненные ни в сноскахъ, ни в скобкахъ;

1. батько	13. килимець
2. бідна дитина	14. кулинь
3. божевільний	15. левада
4. божникъ	16. майданъ
5. братчики	17. на самотѣ
6. вечера	18. ослонъ
7. въ подсосѣдкахъ	19. ось лихо
8. галушки	20. пастовникъ
9. гiрла	21. рупникъ
10. горячий учинок	22. рѣчникъ
11. дiвчата	23. сама въ себе
12. журавель/в связи с колодцем/	

8/ В разговорах часто встречаются короткие украинские фразы и предложения прописью, не переведенные на русский язык, на страницах:

- 15 Ка'зна! що ты говоришь, братіку!!
19 Котуз! по заслуз!!
22. ...щобъ ажъ ворогамъ було тяжко!
28. И оце бь то сѣму правда!
29. Бачь, бгате, який я чоловікъ!...Такъ не берѣ жь бо ніхто, да й год! !
32. Не трясись, псяюхо! губы побьешь!!
А, пекъ же ёго матері, якъ мудро!
34. Ажъ соромъ!
Отъ божевільне жіноттво!
37. По сій же мові...да буваймо здорови!
Щобъ нашимъ ворогамъ було тяжко!
А діти наши нехай оттакъ выбрыкууть!
40. Э, паниченьку!
48. Щобъ вы такъ по правді дьхали!!
49. ...добрне молодцы...
...мало чого не буває, що п'яний співає!
50. ...ка'знае за що ...
59. "Частуйте, братчики, добрихъ людей! нехай знають, якъ запорожець изъ світомъ прощаетця!"
60. "Іжде, люде добрі да спомінайте прощальника!"
"Беріть, беріть, вражі діти, на бублики!"
"Давъ бы гривню, аби подивитьця."
67. И, вже!
Отъ же скажу!
..що ажъ оближесся.
Чи вже бь то?
А що жь?
79. Що за вража мати!
82. ...що тільки гмь! да й год!!!
84. ...шукай вітра въ пол! !
85. Спасиб! Бдгу и миңі, а господареві ні: вінъ не нагодуе, такъ другий нагодуе, а зъ голоду не вмру.

86. Се, ба́тьку, якъ до чоловіка...
88. Що бь нашимь ворогамь було тяжко!
101. ...дівка якъ верба: де посади, то примется.
102. ...бачь, яка цяця!
113. ...якъ чорни хмары...
120. ...якъ хворостіна на грéблi.
124. ...вразька дочко!
126. Оттакъ дiду!
Здобувся добре сiромаха!
136. ...батько Пугачь...
138. Прийде и на нашу улицю празникъ!
142. Не знать що вы говорите, братiку!
145. Щобь воно тобi запалось!
165. Ты ему образь, а вiнь тобi лубье!
182. Ось лихо!
...що громада, те и баба.
Жiноча рiчь коло припечка!
186. ...не вiрь жiнци, якъ чужому собацi.
190. ...тому чась, що невістка въ плахтi...
...якъ порося на орчику...

9/ Наконец в русском тексте встречаются украинские слова простой печатью и вообще не поясненные. Во многих случаях Кулиш русифицирует украинские слова, в других заменяет букву 'и' на 'ы', и 'ї' на 'и'; делая транскрипцию для более верного выговора, как например: образь, на полеваньї. Украинские слова простой печатью многочисленны, потому придется привести наиболее характерные. Не редко встречаются и небольшие предложения.

1. А онь ледачїй...
2. А то жь якъ?
3. А що бгать?
4. Батечки мои, голубчики!
5. Геть кь нечистой матери!
6. Годи, годи, мамо!
7. батько
8. дивуюсь
9. Иванець, друже мой...
10. Коли бь не мы...
11. Коханий побро!
12. Куди онь, туди и я.
13. Моя люба!
14. Не второпаю...

15. опановать
16. Охъ, лишечко!
17. пани-матко
18. Постой, доню!
19. привитаться, доброд!йко.
20. руйновали
21. сорочка
22. сынку
23. шановная громада,
и другие

К/ Идентификация автора с образами.

Художественный прием идентификации автора с образами часто применяется в литературе. Он разбирается здесь потому, что в своем художественном переводе Кулиш находит нужным употреблять его в украинском издании и не переводить в русском издании. В других местах, где оригинал не имеет приема идентификации автора с образами, перевод содержит его. Прием такого рода придает настроение теплого сочувствия тому или иному герою и в формуле обозначается знаком / S/.

Наибольшее сочувствие автор проявляет Петру, как в русском, так и в украинском тексте. Следующие выражения связаны с сочувственным обращением автора 'мой Петро' или 'мій Петро'. Страница 80, русского издания:

Петру моему пришлось сидѣть возлѣ Леси, хотя теперь онъ радъ бы былъ удалиться отъ нея на край свѣта.

Страница 179, украинского издания:

Петро мій мовъ у-друге на свѣтъ народивсь.

Страница 96, русского издания:

Мой Петро не имѣлъ ни матери, ни сестры: казалось бы, его чувства тѣмъ удобнѣе могли огрубѣть посреди забіякъ-товарищей и суровыхъ воинскихъ занятій.

Страница 233, украинского издания:

Тяжко було на серці моему Петрові.

Страница 161, русского издания:

Запорожцы же раздѣли Кирила Тура, и морозъ пошелъ по тѣлу моего Петра, когда онъ увидѣлъ его бѣлую, вымытую руками нѣжно любящей сестры, сорочку, всю окровавленную и присохшую къ ра-
намъ.

6. Страница 286, украинского издания:

Петро мій послі обіду хотів ити до-дому, такъ Кирило Туръ придержавъ ёго да й каже: "Потривай, брате, и я поїду."

Иногда вместо 'мой Петро', встречается выражение 'мой козак'.

1. Страница 268, украинского издания:

Ажъ дивно стало моєму козакові!, що-то чоловiкь, зможе, якъ захоче!

2. Страница 226, русского издания:

Это привело моего казака въ совершенное отчаяніе.

Такое же выражение употребляет Кулиш в отношении к Череваню.

Страница 21, украинского издания:

Якъ схопитця жь мій Черевань : "Бгатіку!" каже /бо трохи картавивъ/, "чи се ти самъ, чи се твоя душа прилетіла послухати Божого Чоловiка?"

В одном случае автор просто обращается к читателю.

Страница 76, украинского издания:

Що жь би ви думали? Черевань такъ и помертвiвъ одъ сёго слова.

Зачастую автор ставит себя в ряды читателя.

1. Страница 16, украинского издания:

Куди жь вiнь махнувъ и що въ ёго було на думці, незабаромъ того довідаємось.

2. Страница 68, русского издания:

Богомольцы наши, безъ дальнѣйшихъ приключеній, достигли святыхъ воротъ Печерскаго монастыря, имѣвшихъ тогда видъ замковой башни, и снабженныхъ пушками и ружьями, къ которымъ не разъ прибѣгали обитатели монастыря во время

войны съ иновѣрцами и татарскиѣ набѣговѣ.

3. Страница 147, украинского издания:

Не довго въ ніч гуляли наши козаки:
поблизу святого міста гуляти довго не годилось.

4. Страница 182, русского издания:

На нашихъ влюбленныхъ грозный поворотъ
произшествіи произвелъ особенное дѣйствіе.

5. Страница 263, украинского издания:

Оттакий-то бувъ Бруховецький, такий-то
бувъ той гадюка, що наваривъ намъ г!рко! на
довгі роки!

И в последнем случае автор говорит от себя, принравли-
вая свои чувства к описываемому случаю.

Страница 53, украинского издания:

Не знаю вже, яково-то ёму послі того
сватання сталося.

л/ Противоположное изображение.

При сравнении двух произведений, тут разбираемых, следует отметить, что Кулиш в немногих местах нашел нужным изобразить действия противоположным образом. Подобные изменения, до известной степени меняют глубинный уровень структуры и в конечной формуле обозначаются знаком /с/.

В нижеприведенных цитатах эти места для ясности подчеркнуты.

Страницы украинского издания. Страницы русского издания.

19	Скоро ввійшовъ отó Шрамъ у пасіку, <u>еще не помоливсь и святому Зосимові, що стоить по пасікахъ,</u>	12	Войдя въ пасику, шрамъ <u>помолился-передь-образомъ</u> святого Зосимы, покровителя пчель.
22	Чули й ми, якъ Господь <u>наустивъ тебе взятись изновъ за козакованнє.</u>	14	Слышали мы, слышали, что Господь <u>благословилъ тебя попомъ.</u>
57	Тутъ саме <u>вийхали вони изъ-за горъ.</u>	41	Въ это время богомольцы наши <u>достигли горъ,</u> которыя идутъ рядомъ динихъ картинъ.
136	Чомусь мині, братці, <u>горілка не пьетця:</u>
Коло мого серця мовъ гадина вьетця!	89	Петро сперва отказывался, но потомъ съ горя взялъ огромную коновку, наполненную наливкою, и <u>выпилъ ее до дна,...</u>
286	Отъ, погаввшись еще трѣхи, <u>звеліть Кирило Туръ осідлати двѣ коней да й поїхавъ зъ коша, шепнувши щось побратимові.</u>	133	Спустя нѣсколько времени, онъ велѣлъ осѣдлатъ для себя и для Петра коней, и <u>выѣхавъ вмѣстѣ съ нимъ изъ коша, не сказавъ никому, куда и надолго ли.</u>
355	"Ні, вже, мабуть шкода, <u>перемішувати тісто, виявши съ печи!</u>	199	Нѣтъ, видно, напрасно <u>перемѣшивать тѣсто, посадивши въ печь хлѣбы.</u>

Заключение.

Методы и приемы, употребленные Кулишем, для сочинения Чорно! Ради на украинском и русском языках, очень разнообразны. Прежде чем подвести итог различий между русским и украинском изданиями, хорошо проследить последовательные изменения в главах того и другого произведения. Указывая на более выдающиеся или более характерные места различия, трудно найти два предложения подряд, которые назывались бы переводом, в полном смысле этого слова, если не из-за выпущенных или вставленных слов, то просто из-за переставленных слов или времени, в котором они употреблены.

Начиная уже с первой главы, одни слова, при переводе, заменены другими равноценными словами или синонимами; в предложениях вставлены слова и поясняющие фразы; встречаются тоже добавленные предложения и отрывки, и отрывки иначе написанные. Такая большая разница остается на первый взгляд незамеченной и только при дословном сравнении обоих произведений делается очевидной. Подобное творчество является уже само по себе художеством и доказывает понятие Кулиша особенностей каждого языка и умение вложить в каждое произведение соответствующий ему дух.

Вторая глава начинается радужной картиной пасеки, в русском издании, обрисовки образа Святого Зосимы, покровителя пчел и отношения Василя Невольника к этому образу, отсутствующих в украинском издании. Действия Шрама противоположны: в украинском издании он "ище не помоливсь и святому Зосимові!", тем временем, как в русском издании "Шрамъ помо-

лился передь образомъ святого Зосимы". Действующие лица, Божий Человек и Черевань, даны более обширно, пояснение цели поездки Шрама дано полнее и детальнее, в русском издании.

Краткий, соответственно различный разговор, приводит оба издания снова, как бы 'к одному знаменателю' и действия опять совпадают и текут плавно до следующего различия, которых во второй главе, как и во всех последующих главах, очень много. Эта глава имеет так же обширные исторические пояснения.

В украинском издании начало третьей главы соответствует шестой странице русского издания, в той же главе. После вступительных слов Череваня и короткого пояснения, даного в скобках, Кулиш приступает к обрисовки "світлиці въ Череваня". Так же в этой главе встречается перестановка отрывков: то что написано в одном издании несколькими страницами раньше, встречается в другом издании гораздо позднее. Третья глава в русском издании начинается совсем иначе. Вставленные в скобках слова в украинском издании: "/А въ пекарні давно вже сидівъ Петро Шраменко, розмовляючи съ Череванихою и зъ !! дочкою, Лесею/", дали автору повод, при переводе, углубиться в ряд картин. Они даны отчасти, как размышления Петра, и как пояснения автора, который вводит читателя в подробности отношений двух семейств, находившихся в дружбе с давних лет, дети которых имели возможность играть с раннего возраста. Затем следует картина усадьбы, подробное описание жилых домов с их достопримечательностью: поддашьем у одного и навесом у другого, служившими местом сушки для лечебных трав. Картина заката солнца делала из обители Череваня царское хи-

лице. Картина весны, покоя, долетающей песни молодой девушки и другие предели деревенской жизни любовно нарисованы автором. Далее следует подробная обрисовка пекарни изнутри и двух женщин-красавиц, работающих в ней. Искусное изображение их наряда подчеркивало простоту его и выявляло красоту женщин. Тут же дан портрет Леси Черевановны в настоящем и будущем с лирическим отступлением до ее глубокой старости. В украинском издании Кулиш рисует коротко, сгущенными красками. После картины светлицы следует короткий портрет двух женщин в пекарне и выражение смешанных чувств Петра, затем автор вводит Череваня и Божьего Человека в дом и знакомит его с Петром. Отсюда русский и украинский текст опять совпадают.

Четвертая глава не имеет таких резких отличий как предыдущая, но здесь тоже русский текст расширен в изображениях и подробнее в описаниях. Добавлены изречения из Святых Писаний. В украинском издании они представлены личными словами Череваня, и заменены в русском тексте изложением состояния души Шрама, соответственно на страницах 75-51.

Как уже было сказано, каждая глава русского издания начинается эпитафией. Пятая глава начинается украинским эпитафией в прозе, а не в стихах, как в других главах - рассказом очевидца Таранухи:

Було що-рону наїздять на ярмарокъ у Смілу
Запорозці зъ Січи. Приїде було ихъ человекъ два-
надцять, тринадцять..., а нарядъ на ихъ такий,
що - Боже твоя воля! зóлото да срібло. Оце шапка
на ёму буде оксамитна, червона, зъ рїжками, а
околичка або сїва, або чорна; насподі у ёго ху-
пань самий чистий кармазинъ, якъ огонь, що й очі-
ма не зоглянешъ; а зверху черкєсна зъ видєтами
абó синя, абó голуба; штани суконни, сині, широ-
ки, такъ и висять, ажъ пошти по передкахъ; чоботи
червоні, а на лядувці або золото, або срібло;

и чреплички, то й те все позолочуванне; шабля при боку вся буде въ золоті, ажъ горить. А якъ иде, то й до землі не доторкається. А оце було сядуть на коней да по ярмарку - якъ искры сяють!

Первое предложение пятой главы в обоих изданиях одинаково по смыслу. После него оба издания расходятся. Следующие четыре строчки украинского издания проносят читателя через двадцать пять строчек русского издания, с обширно нарисованной картиной Киева и его прошлого. В украинском издании подана коротко история города Киева и Братского монастыря. Короткое упоминание о "благочестивой пані Ганні Гугулевичівні" - щедрой жертвеннице и о гетьмане Сагайдачном - строителе учебно-религиозного училища, при переводе дает Кулишу повод углубиться в исторические пояснения. Тут же изображено чувство восприятия Шрамом красот виденного и передано его цитирование Псалмов, которое отсутствует в украинском издании. Живопись Братского монастыря в двух изданиях различна: схато в украинском издании и распространено в русском издании с цитатами из народного стихотворения о Самийле Кишке и о Морозенко. Картина прощания Запорожца со светом заняла в русском издании в два-три раза больше места, чем в украинском издании. Как видно фантазия автора развивается и он дополняет первоначально написанное витиеватыми предложениями.

Глава шестая - единственная, которая начинается эпиграфом-поговоркой на русском языке и в прозе. Цитата взята из рассказа Запорожца Коржа:

Обычай Запорожскіе странни, поступки хитры, слова и вымыслы остры и большею частію на критику похожи.

Разница видна уже с самого начала главы. Украинское издание

начинается отвлеченным поэтическим обращением:

Хтобъ то мавъ такє слово пишме да красне,
щобъ такъ якъ на картині змалєвавъ той монастирь
Печерський? щобъ хто й не бувъ изъ-рѣду въ Києві,
такъ щобъ и той, читаючи, мовъ бачивъ на свої очи
ті! муровані ограда, ту височєнну дзвоницю...

Русское издание начинается личным обращением автора, который ставит себя в ряды читателя, говоря:

Богомольцы наши, безъ дальнѣйшихъ приключе-
ній, достигли святыхъ воротъ Печерскаго монасты-
ря, имѣвшихъ тогда видъ замковой башни, и снаб-
женныхъ пушками и ружьями, къ которымъ не разъ
прибѣгали обитатели монастыря...

Эта глава не имеет таких больших изменений, как глава пятая или третья, но при подробном сравнении можно найти очень мало предложений, которые могли бы называться дословным переводом.

То же можно сказать о главах седьмой и восьмой, в которых встречаются тут и там вставленные отрывки, но главной отличительной чертой является разветвленность предложений. Примером может служить начало седьмой главы; добавленные места для ясности подчеркнуты:

Сомко почавъ сахати гос-
тей своїхъ за довгий стїль.
Шрама и Череваня посадивъ на
покуті, самъ сївъ на хозяйсь-
кому мїстї, конєць стола, а
Череваніху и Лєсє посадивъ на
ослонї. Запорѣжець примос-
тивсь на заднєму концї столá
изъ своїмъ побратимомъ.

Шрамовому Петровї при-
шлось сидїти поручь изъ Лє-
сєю, хоть вінъ би тепєрь радъ
бувъ огородитись одъ нє! го-
рами и морями. Щѣ тамъ нї ви-
гадувавъ той Запорѣжець, якъ
тамъ нї потишались гостї изъ
тихъ вигадокъ, вінъ сидївъ за
столомъ, нáче въ гáй.

Сомко началъ усаживать
гостей своихъ за длинный столъ.
Шрама и Череваня посадилъ на
покуть, подъ образами; самъ
сївъ на хозяйскомъ мѣстѣ, "ко-
нєць стола", а женщину поса-
дилъ по лѣвую отъ себя руку на
ослонѣ, ибо тогда первые мѣста
были вездѣ предоставлены мух-
чинамъ. Возлѣ Череваня заняли
мѣста спутники гетмана, козац-
кіе старшины, а за ними - Ки-
рило Туръ съ молчаливымъ своимъ
побратимомъ, который посматри-
валъ довольно угрюмо на всѣхъ
собесѣдниковъ. Взоръ его разве-
сеялся только при взглядѣ на
чернобровую красавицу, которой
ничего подобнаго не встрѣчалъ
онъ и въ своей Черногорїи.

Петру моему пришлось сидеть возле Леси, хотя теперь он рад был удалиться от нея на край света. Во все время, когда других забавляли ухватки и рѣчи Запорожца, он сидѣлъ за столомъ, какъ въ лѣсу, и только ждалъ, скоро ли кончится обѣда.

Таким и подобным образом прогрессируют оба издания до самого конца. В вышеприведенных отрывках можно найти пять приемов свободного или художественного перевода. Первое предложение можно назвать дословным переводом, следующее имеет вставленные слова; в том же предложении вставлен украинизм в кавчыках; потом добавлена поясняющая фраза; затем вставленное предложение, личное обращение автора и опять добавленные слова.

Глава девятая, в украинском издании, соответствует главе десятой, в русском издании. В этом месте была допущена ошибка, по всей вероятности, в печати: в русском издании пропущена глава девятая по номеру, но не по содержанию. В этой главе изменения встречаются типа седьмой главы.

Следующая глава - номер одиннадцать, в русском издании, имеет эпитафией изречение из Летописи Самовидца:

Жены шляхетскіи стали женами козацкими.

Содержание главы хорошо выражено эпитафией. Изречение соответствует настроению главы, рассказывающей о Гвинтовке и его жене из польской шляхты, являющейся прислугой или рабыней. Начало главы имеет добавочную картину хутора Гвинтовки, в русском издании. В течении всей главы встречается много изменений: вставленных отрывков и предложений и пропусков из нее, в русском издании.

Последующие главы имеют и дальше массу изменений, большей частью видимых только при дословном сравнении. Они становятся не такими распространенными по мере прогресса обоих изданий. Самым обширным разделом разбора является: Перефразированные отрывки. Примером такой перефразировки служит начало главы 17-18, цитаты которой были уже приведены на странице 96 этой работы и потому приводить их еще раз излишне. Обе книги автор кончает без особенных изменений, типа главы 10-11.

Остановившись на различиях обоих произведений, становятся ясными отличительные черты свободного перевода Кулиша: сочинял каждое произведение типичным для данного языка способом, автор прибегает к мастерской скатости в украинском издании, которую можно сравнить с художеством Василя Стефаника, сопоставленной красочной распространенности в русском издании. Многие места, просто переведенные на русский язык, совсем не звучали бы плохо, но автор предпочитает их расширить, улучшить или перефразировать. Это он делает по двум причинам: его идеалистический характер всегда готовый поправить, улучшить и изменить не давал ему сделать простого перевода и, конечно, желание показать свое родное в лучшей форме на русском языке.

В заключении следует применить формулу двуязычного двуязычного творчества, выведенную Яр. Рудницким, к сделанным выводам. Как уже было сказано, эта формула выглядит так:

$$B1.Cr. = Ax \frac{S1}{D1} > A, x, \frac{S1}{D1}$$

Для того чтобы удовлетворить все взыскания художественного перевода Кулиша, надо выше приведенную формулу расширить, вводя добавочные обозначения, для употребленных изменений в украинском и русском изданиях.

Прежде всего следует остановиться на глубинном уровне структуры. Вследствии того, что данное произведение переведено автором, писавшим оригинал, идея его одна: охвачен тот же промежуток времени в истории Украины, то же действие - сбор черной рады и действующие лица те же самые. Поэтому ясно, что глубинный уровень структуры не изменился и его можно обозначить даже после перевода знаком D_1 . В тех случаях где автор употребляет противоположное изображение вещей, глубинный уровень меняется соответственно на D_{1_1} /глубинный уровень - первый нюанс/. Изменения лексических особенностей, произведенных Кулишем в русском издании, следующие:

- S - замена /substitution/. Места, где Кулиш заменил одни слова другими, близкими по значению, перефразировал отрывки, употребил личное обращение или различно представил действующих лиц.
- a-- прибавления /additions/. Все добавления предпринятые Кулишем: слов, фраз, предложений, отрывков, церковно - славянских выражений и стихотворной формы.
- m - пропуски /missings/. Места непереведенные в русском издании.
- c - противоположное изображение /controversial presentation/. Места с противоположным изображением действий.

В следствии введенных добавлений формула будет выглядеть так:

$$B1.Cr. = A_x \frac{S1}{D1} \quad A \quad x \quad \frac{S1(s-a-m)}{D1} \quad \frac{S1(c)}{D1}$$

Еѐ следует читать так: двуязычное творчество Кулиша состоит из данного произведения x /Черної Ради/ на данном языке A /украинском/ с глубинным уровнем структуры $D1$ /идеей/ и поверхностным уровнем структуры $S1$ /выраженный краткой, сгущенной передачей/; в художественном переводе произведение получает название x_1 /Черная Рада/, на другом языке A_1 /русском/, с тем же глубинным уровнем структуры $D1$ /идеей/ и поверхностным уровнем структуры $S1_1$ /выраженным в более обширном издании с s -заменой, a -добавлениями и m -пропусками/. Принимая во внимание противоположно выраженные места /с/, при поверхностном уровне структуры / $S1_1$ /, глубинный уровень примет иной оттенок / $D1_1$ /.

Анализ глубинных и поверхностных уровней структуры и теории о них развиваются начиная от Чомского и до настоящего времени. Виллиам Хааз в своей статье, Что такое поверхностная структура?, поясняет бесспорные стороны поверхностной структуры. Поверхностные структуры бесспорны в том отношении, что они попросту включены в морфологические и синтаксические составные части теории генеративной грамматики.¹ В то же время поверхностные структуры неполноценны, т.к. они в конечном итоге дополняются глубинными структурами. Очевидно, что поверхностная структура принадлежит форме, а глубинная - идее. Формой является морфология, где каждое слово принадлежит определенному классу /существительного, глагола, место-

1. W. Haas, What is Surface Structure? Proceedings of the XI International Congress of Linguists. Bologna-Florence, 1972.

мения и т.д./ . Классы составляют системы с определенным взаимоотношением. Разные языки имеют разные системы классов и в результате приобретают различное взаимоотношение.

Поверхностные структуры в художественном переводе Кулиша включают категории пропусков, замен и добавлений, каждая из них, относящаяся к определенным составным частям целого, управляемого конституционным сложением.

Вопрос поверхностных уровней структуры в переводах нуждается дальнейших исследований.

Так же могут быть проведены дальнейшие сравнения последующих изданий Черной Рады, на украинском и русском языках, выданных еще при жизни Кулиша.

Произведение Чорна Рада было уже переведено на английский язык Георгом и Мойрой Люцкими¹. Художественные приемы этого перевода еще не разработаны.

1. P. Kulish, Chorna Rada, translated by George and Moira Luckyj. Littleton, Co. 1973.

Б и б л и о г р а ф і я

1. Основные источники

- П. Кулішъ, Чорна Рада, хроніка 1663 року. Санктпетербургъ, 1857.
П.А. Кулишъ, Черная Рада, хроника 1663 года. Москва, 1857.

2. Энциклопедии

- Большая Советская Энциклопедия / Государственное Научное Издательство, Т. 49/. Москва, 1953.
Краткая Литературная Энциклопедия / Государственное Научное Издательство, Т. 3/. Москва, 1962.
Литературная Энциклопедия, Издательство Коммунистической Академии, Москва, 1931.

3. Вспомогательные источники

- Аркас, М. Історія України-Русі. Краків, 1912.
Бандура, О. М. Теорія літератури, Київ, 1969.
Вилаховський, Л. А. Питання походження Української мови.
Вибе, Г.Д. Куліш як гоголезнавець. Славістика № 73, Вінніпег, 1972.
Дорошенко, Д. Пантелеймон Кулиш, Київ 1917
Ефремов, С. Історія українського письменства. Т.1, Київ 1919
Зеров, М. До джерел. Стейт Каледж, Па. 1967
Іларіон, Метрополит. Український Літературний наголос, Вінніпег, 1952
Історична граматика Української мови. Київ, 1962
Історія Української літературної мови, П.П. Пляш.
Кирилюк, С. Бібліографія праць П. О. Куліша та писань про нього. Київ, 1929.
Кочур, Г. Шекспир на Україні, Мастерство перевода. Москва, 1968.
Пантелеймон Кулиш. Твори, Т. 4, Псалтир. Берлин, 1923.
Лепкий, Б. Предисловіє-Пантелеймон Кулиш: Поэзии, т.1 Берлин, 1923
Ляцкий, Георг и Мойра. Перевод Черної Ради. Лительтон, Ко. 1973.

- Огоновский, О. История литературы русской. Львов, 1887-1894
- Петров, В. Куліш у п'ядесяті роки. Київ, 1929
- Пільгук, І. І. Предмова до Пантелеймон Куліш: Ізв'язані твори. Київ, 1969.
- Пільгук, І. І. Поетична творчість Пантелеймона Куліша. Київ, 1970
- Романченко, И. С. Куліш - Биограф и критик Гоголя, Ромен 1943
- Романчук, Ю. Руська письменність. Львів, 1908
- Рудницький, Яр. Наголос у поезії Шевченка. Аугсбург, 1947
- Rudnyc'kyj, J.B. Slavische und Indogermanische Akzentdu-
bletten. Winnipeg, 1955.
- Rudnyc'kyj, J.B. Literary work and the Problem of Bilin-
gual Creativity. XII-th International FILIM
Congress, Cambridge, 1972, England.
- Safir, M. & Veimberg, S. Surface Structure and Deep Struc-
ture as applied to Perception of Aspectual
Correlation in Russian. Russian Language
Journal, V. XXVIII Spring, Ottawa, 1974.
- Smirnov, L. N. K teorii chudožestvennogo perevoda (proble-
my lingvo-stilisticheskoi adekvatnosti).
Slavjanskoe jazykoznanie, VII International
Congress of Slavists.
- Траченко, Ів. П.О. Куліш, Критико-біографічний нарис.
- Франко, Іван. Літературно-критичні статті. Київ, 1955
- Чижевський, Д. Нариси з історії філософії на Україні.
Прага, 1931
- Шенрок, В. И. П. А. Куліш. Киев, 1901

3. Articles

- Amos, F. Early Theories of translations. New York, 1920
- Arrowsmith, Wm. The craftscontext of translation. Austin,
1961
- Beekman, J. Notes on translation with drills. Santa Ana, Ca.
1965
- Birnbaum, Henrik. How Deep is Deep Structure? Proceedings
of the XI International Congress of Linguists
Bologna-Florence, Aug., 1972.
- Brower, R. On translation. Cambridge, Harvard U. Press 1959
- Catford, J. A linguistic theory of translation. London, 1965
- Friedrich, H. Zur Frage der Übersetzungskunst, Heidelberg,
1965
- Frost, W. Dryden and the art of translation. New Haven,
1955

- Haas, W. What is Surface Structure? Proceedings of the XI International congress of Linguists. Bologna-Florence, 1972
- Healey, A. Translators field guide. New Guinea, 1971
- Hewson, J. The Paradigm in Deep Structure. Proceedings of the XI International Congress of Linguists. Bologna-Florence, 1972
- Keenan, E. The Logical Status of Deep Structures (Logical Constraints on Syntactic Processes). Proceedings of the XI International Congress of Linguists. Bologna-Florence, 1972.
- Kloepfer, R. Die Theorie der literarischen Übersetzung. München, 1967.
- Kooij, J. The Neutrality of Deep Structures. Proceedings of the XI International Congress of Linguists. Bologna-Florence, 1972
- Kovhaniuk, S. Praktyka perekladu. Kyiv, 1968
- Konovalov, S. Russian prose composition. London, 1960
- Kundzich, O. Slovo i obraz. Kyiv, 1966
- Lal, P. Transcreation; two essays. Calcutta, 1972
- Lozano, A. Deep Structures and Negation. Proceedings of the XI International Congress of Linguists. Bologna-Florence, 1972
- Masterstvo pervoda; sbornik statej. Moskva, 1973
- Min'iar-Beloruchev, R. Posobie po ustnomu perevodu. Moskva, 1969
- Nida, E. Language structure and translation. London, 1964
- Postgate, J. Translation & translations: theory & practice London, 1922
- Raffel, B. The forked tongue; a study of the translation process, The Hague, Mouton, 1971
- Savory, T. The Art of Translation, London, 1957
- Sova, L. Aspects of Deep Structures. Proceedings of the XI International Congress of Linguists. Bologna-Florence, 1972
- Tesnière, L. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1965
- Widmer, W. Fug und Unfug der Übersetzungs. Köln, 1959
- Zvegincev, V. The Notion of Deep Structure in Linguistic Theory. Proceedings of the XI International Congress of Linguists. Bologna-Florence, 1972

Summary

Despite his prolific output of prose, poetry, literary critics, literary research and innumerable translations written both in Ukrainian and Russian, Pantelemon Kulish, 19th century Ukrainian author and scholar has not received widespread recognition either in his homeland, or abroad. Being neglected seems to be the result of his vacillating literary, political and religious loyalties, rather than the lack of popularity. Contemporary Soviet literary criticism regards him as a dangerous author. Western scholars have been hampered by the inaccessibility of sufficient sources.

One of the first studies about Kulish appeared during the author's lifetime. O. Ohonowsky, writing in his History of Russian Literature (Istoriija literatury ruskoi), stresses the variety of Kulish's literary styles. Ohonowsky notes that Kulish's translations are not entirely "accurate", in that they are more often paraphrased as, for example, in the translation of Byron's "Childe Harold". The reason for this was that Kulish strove to transmit not only the contents, but also to infuse the work with Ukrainian spirit and his own outlook.

D. Doroshenko, in a study of Kulish's life and works, depicts him as a socially conscious poet, dramatist, translator, author of Ukrainian and Russian works, as well as of criticism, history, ethnography. He finds Kulish, despite his seemingly contradictory views, bold and daring in his attempts; honest and just in regards to his predecessors; and without vengeance and meanness. ^I

I. D. Doroshenko, Pantelemon Kulish, Berlin 1917

During his school years Kulish was preoccupied with the study of literature, history and foreign languages. His facility in English, French, German, Spanish and in all the Slavic languages, as well as in ancient Greek and Latin allowed him to delve into the originals of world's literary masterpieces.

One of Kulish's great dreams was to establish the Ukrainian language on a level equal to the other European languages. To this end he devoted many years of his life. He edited a grammar, called Gramatka, in which he attempted to standardize Ukrainian orthography, and accentuology. His systems were used by the St. Petersburg publishing house Osnova, and also by those in Galicia during the 1860 - 1880's.

It was with the idea to enrich Ukrainian literature that Kulish translated many works of European masters. He also wanted to demonstrate the richness and flexibility of the Ukrainian language for expression of different nuances used by the great authors.

Most of Kulish's work as a translator belong to the latter years of his life.

The greater portion of his translations from non-Slavic languages is devoted to translating the works of Shakespeare. In all, thirteen dramas were published, ten of them with an introductory essay by Ivan Franco. Kulish also translated Byron's "Childe Harold", and works by the great German authors: Schiller, Goethe and Heine.

His crowning work in the translating from non-Slavic languages belongs to his translations from the Bible. Extracts began appearing in 1868, and a complete translation of both

Testaments were ready in 1872. Unfortunately this edition was destroyed unpublished, by fire in 1885. Kulish once again began the massive work, but managed only three quarters completion before his death. The task was completed by Ivan Nechuj-Levitskyj, and appeared in Vienna in 1903.

Kulish also translated into Ukrainian from other Slavic languages. Works by Mickewicz were published in the volume Dosvitki, together with those by the Russian authors Nikitin, Kol'cov, Fet, A. Tolstoi, Minaev and Pushkin. Another volume of his translations Pozycena Kobza (The Borrowed Lyre) was published posthumously in Geneva in 1897. These 'translations' are not mere translations, because Kulish often extends or contracts the lines of the original to better suit the Ukrainian, and became gems of Ukrainian poetry.

The survey of critical literature proves Kulish's many faceted ability, and his successful determination despite many obstacles, to continue his literary work.

One branch of his work which deserves much closer examination was his simultaneous creativity in Ukrainian and Russian, a literary aspect which not many authors have done before.

The work of this thesis is based on the study of two versions of the historical and social novel, named Chorna Rada: A Chronicle of 1663. One printed in St. Petersburg in the Ukrainian language and the other printed in Moscow in the Russian language in the same year of 1857. Kulish himself tells us that he wrote Chorna Rada first in the Ukrainian language. The very first chapters of the Russian edition came out already in a magazine called Sovremennik in 1845. Although

both versions were ready for publication in 1847 they did not appear until 1857 because of difficulties with the regime and prohibition to write. The Russian volume contained the essay, On the relationship of Little-Russian literature to Russian Literature. In the above essay which forms the epilogue to the Russian version, Kulish defends his writing of the Ukrainian variant by tracing the beginning of Slavic culture from its southern origins. He notes how much the level of northern-Russian literary culture was raised, and how much it benefited from this southern influence.

Considering the rigid censorship of the times, Kulish was very daring in his outspokenness. He goes on to say how important the language used to express the author's ideas is to the very heart of the subject being written about - in his case the Ukrainian language.

Concerning the technical aspects of his translation, Kulish writes that the "translation contains passages which are not found in the original, and that the original contains much not included in the translation".^I This occurs for several reasons ranging from innate differences in the spirits of the two literatures, to the duality of his position of author of the original and that of translator, who wished in translation express the happenings in the Ukraine in exquisite language.

Although he felt that the reader did receive a true understanding of how the past was reflected in his soul, and therefore would fully understand his historical and Chris-

I. P. Kulish, Chorna Rada, Moscow, 1857, p. 231

tian convictions, there is evidence that he made corrections in the various editions published during his lifetime.

The writing of Chorna Rada; A Chronicle of 1663, whose subject matter is the division of the Ukraine after the leadership of Bohdan Khmel'nitskij, into the strongly opposed Right and Left Banks was prompted by Kulish's enduring interest in history, and was influenced by the historical writing of Gogol. Kulish wanted to create a work which would be interesting to read and yet would be historically accurate. The characters outlined in Chorna Rada are historically true. The colonels Jakym Somko and Vasyl Zolotarenko and the kozak leader of Zaporoz, Ivan Brukhoweckyj were reaching for the power. The discontent of kozaks was used and prompted by all those seeking authority. Finally the permission for assembly of the Black Council was obtained, where the city kozaks and the peasants were supposed to have a voice. With the help of the Moscow representative Bojar Gagin and treachery, Brukhoweckyj won the power and dealt with the devoted leaders of the Ukraine Somko and Zolotarenko in his brutal ways. The misery of the Country continued till Brukhoweckyj's shameful death.

The task of comparing the two versions of Chorna Rada leads to a question: Is the Russian edition just a simple translation of the Ukrainian edition, or is it a creative translation? The Russian version can hardly be classified a mere translation. It is hardly possible to find three sentences in a row which are exact translations. The Russian variation is much larger than the Ukrainian, containing additional metaphors, comparisons, similes, historical excursions

and additional depiction of characters. This kind of translation can be only creative or free translation by the expression of Kulish himself, who was the first initiator in the differences of translations. To-day this difference is called Bilingual Creativity.

The term Bilingual Creativity is quite a new expression. Therefore, it cannot be quoted out of any dictionary. Nevertheless, this expression is used in literature a great deal and was started by Dr. E. Balcersan in 1968, but the discussion leading to this expression or the difference between the creative translation and noncreative translation was started by Dr. E. Kucharsky in 1922. Since then, numerous works were written analyzing the literal translations, but little was done toward creative translation.

In 1972 during the congress of International Federation for Modern Languages and Literatures in Cambridge Dr. J.B. Rudnyc'kyj presented his formula for bilingual creativity, which reads:

$$Bl.Cr. = Ax \frac{Sl}{Dl} > A, x, \frac{Sl'}{Dl'} \quad (I)$$

- Ax - original (x) in the respective language (A)
- Sl - surface level structure
- Dl - deep level structure
- > - rendered into another language
- A, x, - 'translated' work (x) into another language (A)
- Sl' - surface level structure - nuance I
- Dl' - deep level structure - nuance I

A close scrutiny of both works has lead to the confirmation there are incredibly large differences between them.

E. J.B. Rudnyc'kyj, Literary Work and the Problem of Bilingual Creativity. P.C.I.F. for Modern Languages and Literatures, Cambridge, 1972.

If attention is rendered to the missing words, sentences and whole sections of the translation, or to the additions of the same, then definite surface level structures can be established.

Surface structure belongs to the form and deep structure to the content. Every word of (a certain) language enters into some formal class (noun, verbs, preposition, etc.). Classes make up a system and have their special values within it. Different languages have different values of separate classes.

Considering William Haas' lecture on What is Surface Structure?, the surface structure supposed to be uncontroversial, and is simply incorporated into the morphologic-syntactic component of Theory of Generative Grammars, but it is also inadequate because it is supplemented by deeper structures.^I What is about surface structure that is supposed to be uncontroversially true, is a labelled bracketing that segments it into its continuous constituents, categorises these, segments the constituents into further categorised constituents, etc.

The surface structures in translations include such categories as omissions, transpositions, substitutions and additions, each being applied to individual elements, and yielding decisions on constituent structure merely by being assessed as either resulting in an acceptable sentence in another language. All operations refer to functional frames derived from some given sentence by considering some part of it as "variants".

Therefore "variants", as numbered below from I to IO, are components of a surface structure and will be included

I. William Haas, What is Surface Structure? Proceedings of the XI International Congress of Linguists. P.530, Bologna 1972.

as such in the formula of Bilingual Creativity.

- I. Substitutions.
2. Missed out words and phrases and added words and phrases.
3. Missed out sentences and added sentences.
4. Missed out fragments and added fragments.
5. Paraphrased passages.
6. Different presentation of characters.
7. Additional verses in Russian text
8. Additional Old-Church Slavic expressions.
9. Personal application of Author to the characters.
10. Contraversial presentation.

In both novels the author has the same idea, the same characters, the same place of action. Therefore it will be presented in the formula with the same sign D1. Except in places where substitutions affect the content and give us a slightly different deep level. This happens in chapter "Contraversial presentation", where Kulish for some reason made five opposite statements, which give us passing by pictures entiteled to be represented in the formula with Deep level, nuance I -D1, .

The surface level did change as follows:

1. Missings will be presented by the sign m
2. additions will be presented by the sign a
3. Substitutions will be presented by the sign s
4. Controversial presentation - by the sign c

Therefore the formula of bilingual creativity will look as follows:

$$Bl.Cr.of \underline{Chorna Rada} = Ax \frac{Sl}{Dl} \rangle_{A, x} \frac{Sl(m-a-s)}{Dl} \parallel \left[\frac{Sl(c)}{Dl} \right]$$

It should be read: Bilingual Creativity of Kulish in his novel Chorna Rada consists of a given novel x (Chorna Rada) in the respective language A (Ukrainian), with a deep level structure D₁ (idea) and surface level structure S₁ (expressed in a condensed edition and deep colors); rendered into another language, the novel gets the name x, (Chernaja Rada) in another language A₁ (Russian), with the same deep level D₁ (idea) and surface level S₁, (expressed in a larger edition with missings (m), additions (a) and substitutions (s)). In cases where Kulish chose to express the happenings in controversial manner (c) the deep level structure subsequently changes to deep level - nuance I (D₁).

In conclusion it can be said, that Chorna Rada in the Ukrainian language is a compact, precise novel of the happenings of 17 th century in Ukraine, depicted in condensed colors with strong expressions of the Ukrainian people of cossack times, comparable with the style of writing by Wasyl' Stefanyk. Confronting the depictions of the same happenings in the Russian text, we find colorful diffusion expressed in a larger edition, with more metaphors, pictures of nature, description of historical events and places.

In the future an analytic operation of methods in creative translation on the individual "variants" can be performed, establishing precise categories as are required for an adequate translation from one language into another.

The mentioned categorisation would lead to the dual-structure approach, the underlying structure and the surface struc-

ture of some sentences. The deep construction of a sentence may be quite unlike any surface structure of any sentence in the other language. And confronted, as it often happens, with rival proposals of deep structures for one and the same sentence, where a duality of form and meaning may be noticed. The most suitable part for the analyses would be "Paraphrased passages". This investigation may lead to unlimited possibilities.